

Эпосы, легенды и сказания

Анекдоты Омирбека

Занимательные истории из жизни знаменитого каракалпакского шутника

Данная книга – дебют героя, первый шаг на пути, если можно так выразиться, омирбековедения. В сборнике уместилась лишь малая толика анекдотического богатства Каракалпакии. Дело в том, что перед составителем стояла и без того сложная задача: не только познакомить русского читателя с Омирбеком, но и представить в «блоках» – крупных фрагментах, сохранивших элементы внутреннего сюжета, – дошедшие до нас осколки разрушившегося, распавшегося юмористического эпоса.

Перевод с каракалпакского Бориса Привалова

Каракалпакстан

Нукус

1970

В ауле, в юрте и возле нее

Глава первая

Лучшие свои дни Омирбек, как он сам говорил, провел не во дворце Хивинского хана и не в богатых юртах Сыкмар-бая, а в своем родном ауле, среди друзей и родных.

– Родная заплатка дороже чужого халата, – любил повторять Омирбек.

И еще у него была одна любимая поговорка:

– Лучше пусть меня облает собака из родного аула, чем похвалит хивинский казараис!

Куда бы судьба ни забросила Омирбека – он всегда старался поскорее вернуться в свою юрту. В ней он родился, в ней он женился, в ней и умер.

Из этой юрты, из этого аула и пошла по миру слава Омирбека, а его друзья и соседи были первыми, к го слушал его шутки, кто сохранил их, передавая из поколения в поколение.

ПРО ОТЦА ОМИРБЕКА

Отец Омирбека считался бедняком даже среди бедняков, а никогда не унывал. Хотя он и не был таким остроумцем, каким стал впоследствии его сын, но тоже за словом в карман не лазил.

Как-то раз он поссорился с баем и тот приказал своим чабанам не брать единственную козу бедняка в стадо.

– Путь пасется возле его юрты, если он забыл, что такое почтительность! – сказал бай.

И коза пошла бродить без присмотра вокруг да около.

Залезла в поле бая, истоптала посевы, общипала ростки.

Когда бай увидел, во что превратилось его поле, то кровь бросилась ему в голову. Он подскакал к юрте отца Омирбека и закричал:

– Не хочу тебя больше видеть! Откочуй отсюда немедленно!

– И с места не тронусь, – спокойно отвечал бедняк.

Бай опешил:

– Почему?

– А на чем я буду откочевывать? У меня даже арбы кет, не говоря уже о лошади! – так же спокойно продолжил отец Омирбека. – А у тебя три арбы и много лошадей – так что прямой расчет откочевывать тебе, бай-ага, а не мне! И пусть аллах бережет тебя в пути, омин!

Уходя в поле, отец часто оставлял маленькому Омирбеку столько заданий, что он просто не в силах был их все выполнить.

Однажды поручений было так много, что Омирбек все их не смог даже запомнить.

– Чтобы все было сделано, когда я вернусь! – сказал в заключение отец.

Омирбек подумал-подумал и убежал играть с ребятами, да так весь день и проносился по полю да по дороге.

Отец вернулся, увидел, что ничего не сделано, и строго спросил:

– Чем же это ты весь день занимался? А?

Омирбек ответил:

– Вы, ага, столько дел мне дали! Я целый день не мог вспомнить, с чего же мне нужно было начинать... Может, вы сами вспомните, отец?

Но отец, как ни старался, не смог вспомнить – какое дело он назвал первым, какое вторым, а какое – десятым.

– Ну, вот, видите, – сказал Омирбек, – даже вам трудно все вспомнить, а мне же нужно было не только вспоминать, но еще и сделать...

С той поры отец никогда больше не поручал сыну непосильной работы.

Отец Омирбека любил рассказывать друзьям всякие необыкновенные истории, причем делал это так убежденно, что и сам начинал верить в свои слова. Из-за этого он часто попадал в трудные положения.

Однажды вечером в юрте собрались соседи и друзья, шутили, рассказывали о том о сем.

– А кто знает, почему возле старой кочевки Берген-бая теперь в земле большая дыра – словно оттуда вынули огромное блюдо? – спросил кто-то.

– Мне рассказывал один охотник, – ответил отец Омирбека, – что там было озеро, но оно унеслось на небо. И он сам это видел!

Все засмеялись.

– Ну, пойми, как озеро может улететь на небо? Это же сказка!

– Озера не летают!

– Наврал тебе охотник!

– Нет, я ему верю, – настаивал на своем отец Омирбека. – Это честный человек. Он никогда не врет.

Поднялся горячий спор, и старейший из присутствующих предложил отцу Омирбека:

– Если ты объяснишь нам, как улетело озеро, то мы тотчас же и зарежем барашка, устраиваем для тебя плов. Если не объяснишь – ты плов устраиваешь.

Омирбек давно не ел мяса и еще дольше – плова.

Он дернул отца за рукав и прошептал:

– Разреши, ага, я им объясню!

Отец обрадовался и сказал:

– Мой сын и я – одна кровь, одно целое. Поэтому я уступаю ему свое слово. Он объяснит собравшимся здесь почтенным гостям, как может улететь на небо целое озеро. Расскажи, как в нашей степи летают озера.

– Это случилось зимой, – храбро начал Омирбек. – Была оттепель. Откуда ни возьмись – летят утки. Их столько было, что все небо они закрыли!

– Не помню зимой такого утинового перелета – начал было возражать кто-то, но Омирбек продолжал как ни в чем не бывало:

– Утки устали, увидели озеро и опустились из него. А ночью, когда утки спали, неожиданно ударил мороз. Озеро было мелким, вода промерзла до дна, и утиные лапы вмерзли в лед. Утром утки просыпаются, а лететь им нельзя – лед не пускает! Они бы дождались, пока солнце растопит лед, но в это время появился охотник. Утки испугались, забили крыльями, а лететь не могут. Охотник решил их забрать живыми. Утки рвутся изо льда, хлопают крыльями... Рванулись раз, другой, третий – и взлетели все разом вместе со льдом! Так и полетела ледяная лепешка с утиными крыльями над степью! А вместо озера теперь большая дыра осталась

...В этот вечер Омирбеку достался лучший кусок баранины.

ЧЕМ ВЗРОСЛЕЕ, ТЕМ ГЛУПЕЕ...

Один старик, злой и вредный, очень огорчился, когда ему рассказывали про шутки маленького Омирбека.

– Подумаешь, радуются словам младенца, – ворчал он. – Да любой ребенок может говорить так!

– А вы поговорите с этим ребенком, тогда сами и решите – похож ли он на других! – посоветовали старику.

– С большой радостью посрамлю этого говорливого мальчишку, – согласился старик и вместе со своими друзьями пошел к юрте отца Омирбека.

Омирбек сидел на дороге, играл с товарищами в камешки.

– Почему все хвалят твой ум и твою сообразительность? – сердито спросил старик, даже не ответив на приветствие мальчишек. – Чем тут восхищаться? Что хвалить? Это закон жизни – чем умнее человек в молодости, тем глупее он в старости!

– Каким же тогда умным мальчиком вы были, господин мой! – восторженно воскликнул Омирбек. – Наверное, тогда никто с вами не мог сравниться!

НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, ТАК ДЛЯ ТЕЛЕНКА

Как-то раз в соседней юрте варили карму – густую похлебку из кусков рыбы и кусков теста. Случилось так, что Омирбек, который играл со своим сверстником, оказался в юрте в тот момент, когда хозяйка внесла дымящуюся миску.

Хозяйка славилась своей скупостью и хотела поскорее выпроводить чужого мальчишку из юрты.

Поэтому она положила в протянутые ладони Омирбека кусочки с самого дна. Карма ожгла ладони, и Омирбек не выдержал, бросил ее, но так, чтобы попасть в нос лежащему возле выхода из юрты теленку.

Теленок вскочил, замычал, взбрыкнул.

Хозяйка, чтобы удержать животное от прыжков, ухватила его за хвост. Но теленок ловко ударил задними ногами по руке хозяйки.

Хозяйка от боли закричала. Теленок испугался ее писклявого голоса, заметался, ударил копытами по котлу с кармой.

Котел глухо загудел и начал валиться на бок.

Хозяйка бросилась спасать карму, но опоздала – котел упал и вся похлебка вылилась на пол.

В юрте стало жарко и дымно.

Теленок, наконец, вырвался на волю. Хозяйка, поскользнувшись, села прямо в лужу горячей кармы и закричала так, словно ее начали поджаривать.

Прибежали соседи. Из-за пара и дыма они долго не могли разобрать: кто кричит, почему?

...Когда к ночи все успокоилось, хозяйка спросила Омирбека:

– Растолкуй мне, ради аллаха, зачем ты залепил нос теленку?

– Я хотел его накормить, – ответил Омирбек.

– Да разве можно теленку давать такую горячую еду? – возмутилась хозяйка. – Он же мог умереть!

– Значит, я, по-вашему, хуже теленка? – удивился Омирбек. – Ведь меня-то вы хотели накормить кипящей кармой!

МАЛЬЧИШКИ – ТОЖЕ ЛЮДИ

Когда Омирбек был еще совсем маленьким и вместе со сверстниками играл возле юрты, на дороге Какой-то атлы-всадник остановил коня и, не поздоровавшись, грубо крикнул ребятам:

– Эй, вы, можно здесь напиться воды?

– Можно, – ответили мальчики.

– Ты, щенок! – приказал атлы Омирбеку. – Подержи-ка моего коня!

– А он не кусается? – не двигаясь с места, спросил Омирбек.

– Нет, не бойся.

– И не лягается?

– Нет, нет...

– А вдруг он вырвется и убежит?

– Да нет же! Иди сюда, наконец! Держи коня!

– Если ваш конь такой смирный, так зачем его держать? – крикнул Омирбек, отбегая за юрту. – Он и так никуда не уйдет!

Мальчишки засмеялись. Всадник разозлился, ударил камчой-плеткой по сапогу, вскочил в седло.

– Ой, Омирбек, – сказал один из мальчиков. – Разве можно так дерзить старшим?

– Это он, а не я, вел себя дерзко, – уточнил Омирбек. – Он нас принял, наверно, за баранов: не поздоровался, стал кричать.словно с неба спустился!

– Давайте играть в коней и всадников! – предложил кто-то.

– Лучше пойдем воробьев гонять из джугары! – предложил Омирбек.

Всадник тронул коня и крикнул вслед Омирбеку:

– Эй, грязный щенок, если язык у тебя болтается, как тряпка на ветру, то скажи мне – почему у вашей джугары такие белые початки?

– Если бы вы съели все, что выливают на это поле, то тоже здорово побледнели бы! – крикнул Омирбек, бросился в зеленые заросли вместе с ребятами, и от их звонких криков стаи воробьев выпорхнули из джугары и, недовольно чирикавая, полетели прочь.

НЕ МОГУ НАЙТИ МИСКУ

Мать Омирбека, отварив курицу, попросила сына отнести соседям миску куриного бульона.

– Никогда, Омеке, не забывай нашего народного обычая, – говорила мать, наливая в миску бульон, – что бы в юрте ни варилось, всегда нужно делиться едой с соседями...

– Значит, от этого обычая родилась поговорка! «Верьте – не верьте: зарезал целую курицу, и ее даже не хватило на весь аул!» – сказал Омирбек, принимая от матери дымящуюся миску.

– Наверное, – улыбнулась мать.

Омирбек старался идти очень осторожно, но, отойдя шага три от юрты, поскользнулся и грохнулся на землю. Миска с бульоном полетела в одну сторону, он – в другую.

Услышав шум, мать крикнула из юрты:

– Суп пролил, негодник!

– Что ты, мама! – поднимаясь с земли, ответил Омирбек. – Миска куда-то укатилась.

ЕСЛИ ХВАТИТ ГРЯЗИ...

Омирбек сидел возле дороги – дело было после дождя – и лепил что-то из грязи.

Шел мимо прохожий, остановился, спросил:

– Что ты делаешь, мальчик?

– Леплю мечеть.

– А мулла у тебя будет?

– Если хватит грязи, то слеплю и муллу! – ответил Омирбек.

КТО ХИТРЕЕ

Случилось так, что ребяташки, заигравшись, залезли в посевы джугары, которые принадлежали баю.

Один из байских родственников заметил Омирбека и решил примерно наказать его. Но не гоняться же жигиту за каким-то босоногим мальчишкой! И он решил действовать хитростью.

– Мальчик, иди сюда, дорогой! – поманил жигит Омирбека. – Я тебе расскажу очень интересную историю!

Омирбек сразу разгадал замысел жигита и ответил:

– Я бы очень хотел это услышать, но ребенок не должен знать того, что знают взрослые!

И убежал.

ПОЛОВИНА МОЛОКА

Однажды Омирбек вместе с отцом пришел к баю.

Отец отправился работать на байское поле, а Омирбек стал играть с младшим сыном бая, который очень скучал без товарищей.

Долго они играли вместе, а потом жена бая вынесла для сыночка большую миску молока.

– Если все не выпьешь, – сказала она сыну, – то пусть этот оборвыш допьет твое молоко.

Когда она ушла, Омирбек сказал:

– По правилам, это молоко нужно было бы разделить поровну. Но я понимаю, что молоко твое и ты можешь с ним делать что хочешь: хоть на дорогу вылить...

Байский сынок согласно кивнул головой.

– Но если ты его выльешь, то в него нельзя будет играть, – продолжал Омирбек.

– Разве в молоко тоже играют? – удивился байский сынок.

– Э-э, а ты не знаешь? Берут две сухих камышинки, изнутри прочищают их... Вот гляди, что получилось? Две тоненьких трубочки.

– А дальше что?

– Дальше начинается самое интересное! Ты всовываешь в молоко свою трубочку, я – свою. Каждый начинает сосать молоко. Кто скорее увидит дно миски – тот выиграл!

Омирбек нарочно так наклонялся над миской, что байскому сынку некуда было подsunуть голову, и он с трудом дотягивался своей трубочкой до молока.

– Нет, я не хочу так играть, – захныкал он, заметив, что молоко убыло наполовину.

– Ладно, – согласился Омирбек. – Можно сделать по-иному. Вот гляди внимательно: твою трубочку кладем поперек миски... Это – твоя половина молока, это – моя. Сначала я выпиваю свою половину, а потом ты – свою. И никто никому не будет мешать.

– А во что же мы играем?

– Как во что? – удивился Омирбек. – Кто скорее выпьет свое молоко! Пока я буду пить, ты перекладывай вот эти камешки – сколько успеешь переложить. А потом ты будешь пить – я перекладывать камешки. У кого будет больше камешков – тот выиграл.

Байский сынок начал перебрасывать камни из одной кучи в другую.

Омирбек тем временем быстро высосал все молоко и закричал:

– Я кончил! Теперь ты пей!

Но когда байский сынок наклонился над миской, он увидел, что она пуста.

– Где же молоко? – спросил он.

– Ну и ну! – всплеснул руками Омирбек. – Но чего ты сердишься? У вас в доме молока больше нет, что ли? Скажи матери, что тебе мало – сна обрадуется, еще столько же вынесет...

Байский сынок крикнул матери, чтобы она принесла еще молока.

– А я придумал еще одну игру, – улыбнулся Омирбек.

Байский сынок поглядел на него с некоторым испугом:

– Еще одну?

– Ну, что же делать, если ваше молоко мне очень нравится? – вздохнул Омирбек.

КТО ЧТО УМЕЕТ

Отец взял с собой в гости Омирбека.

Когда после угощения все гости пришли в благодушное настроение, то некоторые начали хвастаться: своим умением стрелять, умением бегать, конями...

– А что нам скажет наш маленький жигит? – спросил хозяин Омирбека. – Не стесняйся. Ты же лучше всех придумываешь всякие смешные вещи!

– Про что же вам рассказать? – спросил Омирбек.

- Ну, хотя бы про кривую дорогу, которая идет мимо вашей юрты!
- Разве это дорога? Я видел такую кривую дорогу, что на повороте лошади ломали себе шеи!
- Все засмеялись и начали наперебой расспрашивать мальчика:
- Скажи, есть ли люди ростом с початок джугары?
- Есть и меньше, – отвечал, не задумываясь, Омирбек. – Я видел, как один человек перебирался через ослиную подкову – так он приставлял к ней лестницу!
- Хох-хо-хо!
- Вот молодец! А скажи, видел ли ты великанов.?
- Видел одного жигита, – ответил Омирбек, – который был выше, чем Каратау. Он стоял, опираясь на гору, а другой брил ему голову и к месту пореза прикладывал облака.
- ...С той поры Омирбека еще долго называли самым правдивым мальчиком во всем Чимбае.

ДОЛГИ НУЖНО ОТДАВАТЬ ПРИ ЖИЗНИ

- Досназар-Левша был большим хвастуном.
- Я никого и ничего не боюсь, – любил повторять он. – Никто меня не сможет напугать!
 - Я тебя напугаю, – сказал Омирбек.
 - Никогда!
 - Поспорим?
 - На что угодно!
 - Если я тебя напугаю, то ты встанешь на четвереньки и будешь лаять, – предложил Омирбек.
 - А если не сумеешь напугать, то собакой будешь ты!
 - Хорошо, – согласился Омирбек.
- Прошло несколько дней, о споре все ребята уже позабыли. Все, кроме Омирбека.
- Омирбек утащил у родичей из юрты старую шкуру коровы, раскрасил ее так, словно это была шкура тигра, и вместе с другими мальчишками забрался в густые заросли тугаев, через которые проходила дорога.

Ждать пришлось долго. Наконец послышался свист – это Досназар шел домой с реки.

Омирбеку накинули шкуру на плечи, и он на четвереньках двинулся к дороге.

Когда хвостун поравнялся с засадой, то Омирбек зарычал как можно грознее.

Досназар увидел среди тугаев полосатый бок тигра, взвизгнул, подскочил, хотел бежать, но от испуга его ноги подкосились, и он упал в дорожную пыль.

Ребята от восторга заулюлюкали, засвистели, выскочили из тугаев.

Открыв глаза, хвостун увидел Омирбека, размалеванную шкуру коровы и все понял.

– Ну, как? – спросил Омирбек. – Так ты ничего не боишься?

– Но разве я просил тебя так меня пугать? – сказал Досназар. – Я же умереть мог!

– Сначала полай по-собачьи, – сказал Омирбек, – а уж потом умирай. Долги нужно отдавать при жизни!

А ЕСЛИ ОН РАССЕРДИТСЯ?

Мать Омирбека так верила в могущество аллаха, что целые дни с утра до вечера только и делала, что взывала к нему.

Омирбек много раз пытался уговорить мать поменьше обращаться ко всемогущему, а побольше надеяться на себя. Но на нее это не производило никакого впечатления.

Долго думал Омирбек, как отбить у матери охоту к беспрестанному повторению «аллах, о аллах, э-э аллах, у аллах...». И наконец придумал.

Утром он окликнул мать.

– Чего тебе? – спросила она.

Омирбек промолчал. Мать поворчала-поворчала – видно, решила, что ей послышалось – и занялась своими делами.

А он снова ее окликнул, уже погромче.

– Чего тебе? – снова спросила мать.

Омирбек молчал.

– Тьфу! – беззлобно сплунула мать.

Тогда он опять позвал ее.

Мать рассердилась:

– Делать тебе нечего, безобразник! Зачем меня зовешь? Покоя моего не жалеешь!

– Вот, мама, как получается, – рассмеялся Омирбек. – Я тебя только три раза позвал, а ты уже ругаешься! А ведь ты зовешь аллаха целый день. Что если он на тебя в конце концов рассердится? А? И нашлет на нашу юрту беду?

Больше слово «аллах» с губ матери не слетало.

И ОДНОГО РАЗА ДОСТАТОЧНО

Омирбек поспорил со своим постоянным товарищем Досназаром, по прозвищу Левша.

– Ты влезешь на арбу, – сказал Омирбек, – я три раза топну ногой, и ты – хочешь не хочешь – слезешь на землю.

– Только потому, что ты будешь топать йогой? – рассмеялся Досназар. – Да ты *себе* ноги отобьешь, а я все буду сидеть на арбе!

– Так чего же ты боишься? – усмехнулся Омирбек. – Полезай!

Досназар-Левша быстро залез на арбу.

– Ну? – крикнул он. – Давай топай! Значит, топнешь всего три раза?

– Зачем три? – пожал плечами Омирбек. – Может, и одного раза хватит с тебя!

– Топай, топай!

Омирбек топнул ногой по земле. Досназар захохотал.

– Второй раз я топну по этому месту только завтра в это же время, – сказал Омирбек. – А третий раз – послезавтра... Если и тогда не слезешь – то ты выиграл!

Досназар-Левша махнул рукой и молча спустился с арбы.

– Ну вот, видишь, я же говорил, что с тебя и одного раза хватит! – рассмеялся Омирбек.

ЧТО В КРУГЕ РАСТЕТ

Когда умерли родители Омирбека, то парню пришлось очень тяжело. Он брался за любую работу, часто ничего, кроме еды, не получал за свой труд.

Однажды бай, который уже не раз обманывал Омирбека и не платил за работу, нанял его на прополку джугары.

– Я не знаю, как ее полоть, – сказал Омирбек, притворяясь несмышленным. – Покажи мне, что нужно делать.

Богатей очертил палкой вокруг стебля джугары круг и важно проговорил:

– Что в круге растет – не трогай. Все остальное – с корнем рви и выбрасывай.

– Понял, спасибо, господин, за науку, – поклонился Омирбек. – Значит, это не вырывать! – и он покрыл своим чапаном ту джугару, которую очертил богатей.

Вечером, когда хозяин пришел на поле, Омирбек уже отдыхал возле арыка. Поле было пусто – на нем не осталось ни одного стебля джугары.

– Ой-бой! – слабым голосом проговорил богатей и протер на всякий случай глаза – а вдруг эта только сон? – Что случилось, Омирбек? Где моя джугара?

– Вот она! – стаскивая чапан с того растения, вокруг которого утром хозяин очертил круг, сказал Омирбек. – Ведь ты сказал – рвать с корнем и выбрасывать все остальное, а что в этом круге, то пусть растет... Разве я сделал что-нибудь не так?

ВОТ ПОТОМУ И БЕСПОКОЮСЬ

Омирбек, вспоминая родителей, каждый раз говорил:

– Хоть бы душа моей дорогой матери попала в рай!

Один из родственников спросил как-то:

– Омирбек, почему ты вспоминаешь только о матери? Разве ты не хочешь, чтоб душа твоего отца тоже была в раю?

– Конечно, хочу! – воскликнул Омирбек. – Но дело в том, что отец мой, как вы знаете, был человек сообразительный, кому хотите мог голову заморочить своими рассказами – он там, у входа в рай, не растеряется, прошмыгнет как-нибудь внутрь... А мать, как вы помните, была женщина очень добрая, простодушная, исполнительная... Ее там

всякие райские баи и муллы легко обманут. Боюсь, что в рай ей трудно будет попасть. Вот потому и беспокоюсь.

ФАЗАНЫ БЕЗ МЕТОК

Мороз ударил неожиданно, и все, у кого не было теплой одежды, забились в юрты. Те из бедняков, кому все-таки пришлось работать, обморозили себе кто нос, а кто палец – с холодом шутки плохи!

Омирбек отморозил себе ухо. Оно распухло, болело. Омирбек поохал-поохал, поругал зиму. Ну, а что поделаешь? Смазал ухо жиром, замотал тряпкой.

Ночью выпал густой снег. Любители охоты обрадовались – можно будет пойти на фазанов.

Один богатей из Чимбая выехал на охоту вместе со своими друзьями и родственниками.

Омирбек, взяв палку, тоже отправился за фазанами. Он шел, с трудом пробираясь по глубокому снегу, который толстым слоем покрыл степь.

– Если даже мне трудно идти, – говорил Омирбек, – то каково зайцу или фазану приходится? И зачем им от меня прятаться? На месте зайца я бы сам вылез навстречу охотнику. Куда деваться? Уж лучше попасть в руки бедняка, чем богача!

А чимбайский богатей скакал на добром коне, и ему сразу же повезло – он вспугнул большую стаю фазанов.

Жигиты начали гнать птиц, чтобы утомить их. Лошади по брюхо проваливались в снег, сбрасывали всадников, но погоня продолжалась.

Один из фазанов, еле передвигающийся от усталости, оказался напротив Омирбека.

– Я же говорил, что нужно идти в руки к бедняку, а не в лапы к баю, – засмеялся Омирбек и, поймав птицу, спрятал ее к себе в сумку.

Через некоторое время таким же образом попался Омирбеку второй фазан.

Кто-то из охотников заметил, как Омирбек подобрал фазанов, и сообщил об этом баю.

Тот вместе со своей свитой подъехал к Омирбеку, сказал:

– Отдай моих фазанов! Я уже долго гоняюсь за ними, это мой жигиты загнали их! А ты пришел на готовенькое и хочешь забрать то, что принадлежит мне!

Видя собравшихся всадников, к ним стали подходить пешие охотники, которые, как и Омирбек, вышли в степь в надежде хоть на какую-нибудь добычу.

Омирбек молчал, а бай распался все больше:

– Отдай сейчас же моих фазанов! – кричал он – Все видели, как ты их взял!

– Может, ты докажешь, что ухаживал за ними, когда они еще были цыплятами? – спросил Омирбек.

– При чем тут цыплята? – кричал бай. – Это мои фазаны!

– Если на них стоят твои метки, то я тебе отдам птиц, – сказал Омирбек. – Но если ты на них ничего не обнаружишь, то возьму у тебя коня. Согласен? – предложил Омирбек.

– Откуда на диких фазанах могут быть метки? – удивился богатей.

– Но раз они дикие, то они не твои! – усмехнулся Омирбек. – И принадлежат тому, кто их поймал. А поймал их я!

Бай надулся, покраснел, не зная, что ответить.

Охотники тихо пересмеивались.

В этот момент бай заметил прикрытое тряпкой ухо Омирбека и крикнул, чтобы всем было слышно:

– Ухо это тоже твое или ты взял его у ишака?

– А что мне было делать? – ответил Омирбек. – Когда я прибежал, то уже ничего, кроме уха, не осталось – все уже было роздано.

– Что же кому досталось? – спросил бай.

– Ты получил ишакий мозг, а что взяли остальные – не знаю, – усмехнулся Омирбек.

Затем, пригласив бедняков отведать фазаньего мяса, он пошел к себе.

УКРАЛИ ИШАКА

Когда у Омирбека украли ишака, то соседи и друзья собрались у него в юрте и стали обсуждать случившееся.

– Нужно было покрепче его привязывать, – советовал один.

– Надо спать так, чтобы можно было проснуться от любого шороха, а Омирбек спит как мертвый, – наставлял второй.

– Надо было держать ишака в юрте, – изрек третий.

– Кругом сам виноват! Странно, как еще не украли ишака месяц назад! – бубнил четвертый.

Омирбек молчал, но советы продолжали сыпаться со всех сторон.

– Надо завести хорошую собаку...

– У хорошего хозяина ишак должен кричать, если к нему ночью подойдет посторонний...

– Веревку нужно привязывать к своей ноге – каждое движение ишака будешь чувствовать...

Наконец Омирбек не выдержал:

– Что же вы ругаете меня одного? Может, и о воре стоит сказать хоть слово? А то получается, что я во всем виноват.

ВОЛШЕБНАЯ КАМЧА

Банши – курильщик наркотиков, в основном терьяка, опиума. Для правоверного мусульманина курение опиума – грех. Понятно, что постоянное нарушение этой заповеди пророка Магомета могло даже самого уважаемого человека надолго сделать посмешищем, мишенью для злых шуток, песен.

И вполне понятно, что банши-курильщики старались не попадаться никому на глаза, а тихонечко отсыпались в своей юрте или в юртах ближайших родственников.

...Как-то раз утром вышел Омирбек из душевой юрты и решил, чтобы прогнать остатки сна, пробежаться до реки и обратно.

Но, добежав до места, где дорога входила в тугаи, Омирбек остановился в изумлении: из тугаев торчали ноги!

«Может, разбойники кого-нибудь убили? – подумал Омирбек и сам себя успокоил: – Э-э, откуда у нас разбойники!».

Тем временем «убитый» всхрипнул так, что сидящие на деревьях воробьи вспорхнули и с испуганным чириканьем шарахнулись кто куда.

Схватив спящего за ноги, Омирбек вытащил его на дорогу. Вгляделся в лицо и ахнул – перед ним лежал накурившийся опиума бай

из соседнего аула. Как он сюда попал? Ехал с друзьями, свалился с коня, и никто не заметил? Или кто-то нарочно напоил на твое жадного и злого бая да и уложил возле дороги, чтобы отомстить? А может...

– Разве сейчас важно, как это случилось? – сам себе сказал Омирбек. – Важно, что этот лицемер и обманщик попался в мои руки! Э-э, если бы он мог об этом знать заранее, то никогда, до самой бы смерти не взял в рот своей вонючей трубки!

Омирбек вновь втащил бая в тугаи и уложил его так, чтобы с дороги не было видно, а сам побежал назад, в юрту.

Дома Омирбек отыскал кусок синей краски, взял старую плетку-камчу, кувшин с водою и вернулся в тугаи.

Синей краской он натер баю лицо и руки.

Отошел, поглядел, самому страшно стало: мертвец лежит!

Потом Омирбек кувшин спрятал за деревьями, а синелицевого бая уложил таким образом, чтобы с дороги был виден лежащий человек, а лица – не различишь.

Полюбовался на свою работу: понравилось.

– Молодец, Омеке! – сказал сам себе Омирбек и, помахивая камчой, прошел шагов двадцать вперед, к реке, и спрятался.

...Дорога долго была пуста. Утренний холодок уже забрался Омирбеку под халат, когда послышался мягкий топот копыт по дорожной пыли.

Первым заметил лежащего в тугаях человека всадник в большой черной шапке.

– Ой-бей, это же хозяин чимбайского постоянного двора! – обрадовался Омирбек. – Веселая будет потеха!

Всадник остановил коня, слез на землю. За ним спешили еще двое жигитов.

Все они с опаской подошли к деревьям, раздвинули их ветки и в страхе отступили.

– Наш бай!

– Вай-вай, совсем мертвый!

– И лежит несколько дней – синим стал!

– Поэтому его и не видел никто уже три дня!

– Э-э, три дня назад он поехал на той к другому баю! Его позавчера там видели!

– Не трогайте его! Нужно позвать людей! – сказал хозяин постоянного двора.

Они стали спорить, кому скакать в аул, а кто останется возле мертвого тела. И тогда на дороге, беззаботно помахивая камчой, появился Омирбек.

Всадники очень обрадовались, увидев Омирбека.

– Ты останешься здесь, – сказали ему. – А мы поедем в аул!

– Япырмай! – покачал головой Омирбек, глядя на синелицевого бая. – Как же он предстанет перед очами аллаха такой синенький? Видно, давно умер...

– Стой тут, чтобы птицы его не истребили, звери не тронули, – приказал хозяин постоялого двора. – А мы поскачем!

– Стоит ли так волноваться? – спокойно произнес Омирбек. – Зачем из-за такого маленького дела поднимать большой шум?

– Как? – удивились жигиты. – Смерть бая – маленькое дело?

– Ты не хочешь оказать ему последнего уважения?

– Омирбек – ты плохой мусульманин!

– Вы меня не поняли, – молвил Омирбек. – Я думаю так: не нужно поднимать шум из-за смерти бая, потому что его легко оживить! Я это могу сделать тут же, на ваших глазах!

Жигиты онемели от удивления. А потом заговорили все сразу:

– На наших глазах?

– Сейчас? Здесь?

– Он встанет и заговорит?

– Не может быть!

Омирбек усмехнулся, помахал в воздухе камчой: она со свистом рассекла воздух.

– Вы видите эту камчу? Она – волшебная! Она может оживлять мертвых! Встаньте вон там» – Омирбек показал на поворот дороги, – и смотрите!

Жигиты послушно отъехали.

Омирбек размахнулся и ударил бая камчой изо всех сил. Но тот лишь икнул.

Еще удар, еще!.. На десятом ударе бай застонал, открыл глаза. Они у него были совсем белыми на темно-синем лице.

Омирбек ударил еще раз.

Глаза бая начали приобретать осмысленное выражение, в них появилась боль, затем испуг.

– Зачем ты хочешь убить меня? – наконец простонал бай.

– Тише, тише! – прошептал Омирбек. – Я не убиваю тебя, а спасаю от позора!

– Какого позора? – глаза бая испуганно заметались.

– Посмотри на свои руки, – сказал Омирбек.

– О аллах, почему они такие синие?

– Тебя нашли здесь пьяным, – продолжал шептать Омирбек, размахивая плеткой. – И кто-то выкрасил тебе руки и лицо...

И он рассказал, как ему пришлось выдумать сказку про волшебную камчу, чтобы спасти доброе имя бая.

– Если бы они поняли, что ты пьян, а? – закончил Омирбек.

– Аллах тебя не забудет! – ответил бай.

– Если аллах через тебя пошлет мне трех толстых барашков, то я спасу тебя, иначе...

– Пошлет, добрый Омирбек, пошлет, – согласился бай. – Клянусь!

– Тогда вот тебе вода и умойся... Но леж, не приподнимая головы, – сказал Омирбек. – А я буду бить камчой по земле – пусть думают, что я тебя бью...

Пока Омирбек бил землю, бай умылся, и лицо его стало из синего бледно-голубым.

– Хватит! – сказал Омирбек. – Ты должен выглядеть только что вернувшимся с порога рая! И не дыши на людей, а то они поймут, в каком ты ран? был! За барашками я приду завтра. И не вздумай меня обмануть!

– Что ты, Омирбек, я же поклялся!

– Эй, жигиты! – крикнул Омирбек. – Ваш бай оживает! Скачите сюда!

Всадники подскакали, спешились, подбежали к баю.

– Ой-о-о, он уже не синий, а белый! – сказал хозяин постоянного двора.

Остальные молчали, раскрыв рты от удивления. Бай сел, оглядел стоящих вокруг него людей и спросил тихим голосом:

– Где я?

– На дороге, по пути в Чимбай, – ответил Омирбек.

– Я же вчера покинул грешную землю... – проговорил бай. – Я уже стоял на пороге рая, я уже видел мост, тонкий, как волос, который натянута над пропастью...

– Это он, Омирбек, вернул вас на землю, – почтительно сказал хозяин постоянного двора.

– Он, наверно, более могуч, чем аллах! – ответил бай.

– Но когда речь идет о таком праведнике, как вы, господин, – сказал Омирбек, – то желания аллаха и людей совпадают – ваше место на земле, вы должны своим примером учить праведников, как им нужно жить!

– Тогда другое дело, – светло-голубой рукой бай оперся о плечо Омирбека и поднялся.

Его немного шатало, ноги подкашивались, но он кое-как держался. И даже не забывал о том, что ему нельзя дышать в сторону людей.

– Аллах да вознаградит тебя за доброе дело, Омирбек, – сказал бай, с общей помощью взбираясь на коня.

Тот из жигитов, в седло которого сел бай, взял коня под уздцы и повел его по дороге к Чимбаю.

Остальные двинулись за ним.

Омирбек весело глядел вслед процессии.

Вдруг хозяин постоянного двора повернул коня и подскакал к Омирбеку.

– Продай мне свою волшебную камчу! – сказал он, соскакивая с седла. – Я хорошо заплачу за нее!

– Она мне и самому пригодится, – усмехнулся Омирбек.

– Сколько скажешь – столько заплачу!

– Это другое дело, – сказал Омирбек. – Плати десять золотых.

– Хорошо! Возьми! – хозяин постоянного двора развязал поясной платок, вынул оттуда золотые монеты, дважды пересчитал их. – Тут ровно! Давай камчу!

Омирбек отдал камчу, взял монеты.

Когда всадник ускакал, Омирбек, пересчитав монеты, засмеялся:

– Вот мошенник! Тьфу! Одной не хватает.

...А через несколько дней у одного ишана умерла любимая сестра и хозяин постоянного двора со своей волшебной камчой отправился туда.

Ишан был очень удивлен предложением оживить умершую, но согласился щедро наградить оживителя, если волшебство ему удастся.

Оживитель попросил выйти всех из юрты, где лежала покойница.

Голося «вай-вай», все покинули юрту.

Оставшись один, он начал хлестать мертвую старуху камчой и хлестал ее до тех пор, пока сам полумертвый от усталости не свалился на кошму.

Потом отдышался и снова взялся за плетку.

Ишан и родственники покойной терпеливо ждали. Потом ишан послал посмотреть, что там делает оживитель.

Один из жигитов заглянул в юрту и сразу же отскочил.

– Что там? – спросил ишан.

– Вай! Он сошел с ума! – сказал жигит. – Он бьет покойницу плеткой!

Возмущенные родственники ворвались в юрту, вытолкали из нее незадачливого оживителя, разломали на мелкие кусочки его волшебную камчу, а жигиты отобрали у него коня, дали ему по шее и прогнали из аула.

...Омирбек сидел возле юрты и пил чай, когда заметил скачущего по дороге всадника.

– Ой, это мой друг! – угнал он всадника. – Сейчас будет много грома, но дождь так и не прольется!

Хозяин постоянного двора соскочил у юрты и начал ругать Омирбека и всех его родственников до седьмого колена.

Когда он устал и сел рядом, Омирбек протянул ему пиалу с чаем и сказал:

– Я знаю о твоих неудачах, но ты сам виноват в них.

– Как так? Почему?

– Потому что ты, поглядев на покойную, должен был сразу же понять, сколько времени ее нужно воскрешать. Таких праведников, как наш бай, можно поставить на ноги быстро – ты это сам видел. А есть такие греховодники, хотя их и считали при жизни чистыми, как алмаз, что нужно полдня выбивать из них грехи. Опыт приходит с годами, господин...

– Да, я поторопился, – признался хозяин постоянного двора. – Я думал, что это просто: ударил раз-другой и все.

– Даже волшебные дела требуют головы, – сказал Омирбек. – Глупому и волшебство не поможет... А где твоя камча?

– Погибла.

– Вот ее-то нужно было сохранить! – воскликнул Омирбек. – А что ж теперь делать? Видно, придется быть терпеливым: может, аллах пошлет нам еще какое-нибудь чудо!

МИМО ЮРТЫ ШЛА ДОРОГА...

Омирбек всегда ставил свою юрту возле дороги или поближе к дороге: так было интереснее жить.

Сидишь у юрты, а мимо тебя течет жизнь.

С арбакешем поговоришь, с жигитом перекинешься словом – и знаешь, что происходит в Бухаре, Хиве, даже в Коканде... Не говоря уже о местных новостях: в юрте чимбайского торговца было слово сказано, а его уже повторяют в Куния-Ургенче... Вот что такое дорога!

Омирбек любил точность в выражениях, в словах.

Как-то сидел он возле юрты, а какой-то путник спросил его:

– Уважаемый, куда идет эта дорога?

– Я провел здесь всю свою жизнь, – сказал Омирбек, – но ни разу не видел, чтобы дорога шла! Она все время лежит тут!

– Простите, уважаемый, я хотел спросить: куда ведет она?

– Это другое дело! – и Омирбек объяснил прохожему, как и куда можно пройти по этой дороге.

Омирбек сидел возле юрты и думал о том, как и где ему взять хотя бы лепешку, чтобы накормить семью.

По дороге ехало много всадников, и один из них, самый богатый, остановился возле юрты Омирбека и спросил:

– Скажи-ка, что ты думаешь о великом и могучем кази?

– Жулик он, наш кази, – грустно думая о голодной семье, сказал Омирбек. – От него вся Хива, как я слышал, плачет. Людей истязает, с бедняков по десять шкур дерет, а с богатеями пьянствует...

Чем больше говорил Омирбек, тем беспокойнее вели себя жигиты – они начали выкрикивать какие-то угрозы, но богатый всадник величественным жестом заставил их замолчать.

– Знаешь ли ты, кто я? – спросил всадник, терпеливо выслушав Омирбека.

– Нет.

– Я – кази.

У Омирбека потемнело в глазах, потому что кровожадность кази была известна далеко за пределами Хорезма. Необходимо было тотчас же найти выход, иначе жигиты могли просто изрубить его.

– А знаешь ли ты, кто я? – спросил Омирбек кази.

– Нет.

– Я – Омирбек, меня тут все знают, потому что три раза в месяц я схожу с ума. Сегодня – как раз один из этих дней!

Кази рассмеялся и поскакал дальше, за ним и его свита.

Два пьяных жигита ночью шли по дороге и, увидев вдали, на самом горизонте, яркую звезду, заспорили.

– Это солнце, – сказал один.

– Это луна, – сказал другой.

– Клянусь аллахом – это восходит солнце, – утверждал первый.

– Так может светить только луна! – упорствовал второй.

Они кричали все громче и громче, а поравнявшись с юртой Омирбека, даже начали замахиваться друг на друга.

Разбуженный их криками Омирбек вышел на дорогу.

Жигиты обрадовались и бросились к нему:

– Скажи, почтенный, вон там мерцает огонь – это ведь луна?

– Нет, это солнце!

Омирбек рассердился, что его разбудили из-за такого пустякового спора, и ответил им так:

– Прошу простить меня, почтенные, но я ничего не могу вам сказать – я не здешний!

И ушел в юрту.

По дороге шла толпа – старики, дети, А впереди шагал мулла.

– Куда вы направляетесь? – спросил Омирбек.

– Просить аллаха, чтобы он послал нам дождь! – ответили старики.

– А зачем тащите с собой детей? Или им на уроках, где они зубрят коран, мулла со своими священными книгами надоел, как слепень теленку?

– Мулла сказал, что дети безгрешны и их молитвы идут прямо в уши аллаху!

– А вы и поверили, аксакалы? Да ведь если бы их молитвы так легко доходили до аллаха, – произнес Омирбек, – то на земле давно бы не было ни одного муллы!

Мимо юрты на ишаке ехал толстый человек и стонал так жалобно, что у Омирбека даже зуб начал ныть.

– Ради аллаха, скажи мне, что с тобой? – спросил Омирбек, когда ишак и толстяк поравнялись с юртой.

– Был на тое... ох... вай... умираю... немножко поел... – простонал толстяк.

– Жалости у тебя кет! – сказал Омирбек.

Толстяк удивился, даже стонать перестал:

– А чего жалеть-то? Еда и питье были чужие!

– Еда чужая, а живот свой! Вот его и нужно было пожалеть!

Омирбек сидел возле юрты и глядел на дорогу.

На ней показался утомленный Досназар-Левша, старый друг Омирбека.

После приветствий, когда уже было выпито по пиале чая, Омирбек спросил:

– Почему у тебя такой усталый вид, Досназар?

– Э-э, хожу по степи, ищу Досназаров. Мне скоро будет тридцать лет, так отец захотел, чтобы на тое было тридцать Досназаров, А без этого он и тоя устраивать не желает.

– И много Досназаров ты нашел? – спросил Омирбек.

– Вот уже два раза луна становилась старой, а я все хожу, – вздохнул Досназар. – Двадцать девять нашел, а тридцатого – не могу... Вот уже сколько дней хожу... одного осталось отыскать.

– Япырмай! – всплеснул руками Омирбек. – А тридцатого и искать не надо!

– Я тебе на тое самый лучший чапан подарю! – обрадовался Досназар. – Скажи, где он, тридцатый?!

– Так это же ты сам! – рассмеялся Омирбек. – Двадцать девять и один – ровно тридцать получается!

– Ой-бей, спасибо, Омирбек! Если бы я не зашел к тебе, – сказал Досназар, – то еще бы, наверное, долго ходил по степи из аула в аул.

КАК ОМИРБЕК ЖЕНИЛСЯ

Рассказывают, что Омирбек долго не мог найти себе жену по нраву, хотя многие девушки хотели, чтобы он стал их мужем.

Говорят также, что перед женитьбой Омирбек совершил большое путешествие.

В общем, как всегда, когда речь заходит об Омирбеке, говорят многое и разное.

Но вот рассказ, записанный со слов самого Досназара-Лев-ши, а значит, достоверный от первого до последнего слова.

Путешествие перед женитьбой Омирбек действительно совершил.

Когда он совсем уже было остановил свой выбор на одной из девушек, то вот что произошло.

Пришел Омирбек к невесте, а та сидит одна в юрте и плачет.

– Что с тобой? – удивился Омирбек. – Если я такой страшный, то не выходи за меня замуж, а плакать не надо, побереги слезы, в жизни еще может пригодиться каждая слезинка...

А она все плачет и плачет.

Стал ее Омирбек расспрашивать, и наконец она сказала:

– Как только я взгляну на нашу юрту, так и плачу!

– Почему?

– Э-э, разве трудно догадаться? А вдруг поднимется сильный ветер?

– Ну так что?

– И юрта упадет!

– Снова поставим!

– У-у, поздно уже будет! – невеста заплакала еще громче. – Она наших детей прибьет! До смерти!

Омирбек даже за голову схватился – неужели невеста так глупа?

И решил: не женится на ней до тех пор, пока не найдется хотя бы трех девушек, еще более глупых.

– Тогда никто не сможет надо мною смеяться, что, мол, взял себе в жены самую глупую из глупых! – объяснил Омирбек друзьям.

...Вот так он и отправился путешествовать, отложив свадьбу до своего возвращения.

Шел куда глаза глядят – пришел в один аул, удивился: юрты пустые стоят!

Оказалось – две сестры ссорятся, а остальные жители их рассудить пытаются.

А спор зашел из-за ичиг. Купили сестры одни ичиги на двоих. Были они бедные, на две пары денег не собрали. И договорились носить ичиги поровну. Старшая сестра уходила на целый день на работу к баю к одевала ичиги. Младшая – делать нечего! – весь день сидела босая дома и злилась.

Ночью, когда старшая сестра ложилась спать, младшая надевала ичиги – надо же износить свою долю! – и ходила вокруг юрты.

И вот, когда ичиги расползлись по всем швам, а подметки прохудились, старшая сестра опять предложила купить пару ичиг на двоих и снова носить их по очереди.

Младшая сестра стала обвинять старшую, что та на один день больше носила старые ичиги, и поэтому соглашалась купить новые, но платить за них меньше, чем половину цены.

– Пока у нас общие ичиги – я за все лето ни одной ночи не спала! – жаловалась она.

Спор разгорелся с новой силой, а Омирбек пошел дальше, довольный услышанным и увиденным.

– Да, эта гуляющая по ночам сестра глупее, чем моя невеста, – сказал он сам себе. – Теперь еще двух дур найти – и можно жениться.

...Сколько дней он шагал и где побывал – неизвестно. Но однажды возле какой-то юрты увидел красивую девушку.

Перед ней лежала широкая кошма, вся в дырках. А красавица продолжала вырезать в ней еще большие дыры.

– Что ты делаешь? – спросил изумленный Омирбек.

Красавица засмушалась, но потом ответила так:

– Разве ты не заметил, что кошма продырявилась? А я решила вернуть ей прежний вид и вот сижу вырезаю из нее дырки, чтоб она стала целой... Как еще можно избавиться от дыр?

– О аллах, когда ты хочешь сделать кого-то глупым, твоя мудрость становится беспредельной! – воскликнул Омирбек. – Пошли мне еще одну такую встречу – и я со спокойной совестью женюсь!

...И аллах услышал его призыв. Спустя некоторое время Омирбек повстречал на каком-то базаре девушку, которая купила семь больших лепешек и тут же начала их есть.

Она съела шесть, потом половину седьмой и, тяжело вздохнув, спрятала оставшийся кусок в сумку.

Сидящая рядом подруга была восхищена ее аппетитом.

– Я съела шесть, – сказала девушка-обжора, – и была такой же голодной, как перед едой. А вот съела половину седьмой – и сразу же аппетит пропал. Значит, первые шесть можно было и не покупать, зря только две монеты потратила...

– А что же нужно было делать? – спросила подруга.

– Надо было купить только седьмую лепешку и съесть половину, – ответила обжора. – Теперь я только так и буду делать!

– О аллах, – сказал Омирбек. – Спасибо тебе за то, что ты не оставил мою невесту без жениха!

И он поспешил домой.

...Досназар-Левша, который поклялся покоем своих родителей, что все вышеизложенное – чистая правда, сам три дня гулял на свадебном тое Омирбека.

Омирбек и его пир

Глава вторая

Сколько веселых историй связано с именем Омирбека? Тысяча? Две? Десять тысяч? А? Никто точно не знает. Говорят, один ученый качал считать их, но сбился: не то одну историю пропустил, не то засчитал ее дважды, и пришлось начинать сначала. Но вскоре он снова запутался, а к тому времени уже стал серьезным доктором наук, не считать какие-то там шутки ему стало ни к чему.

История взаимоотношений Омирбека и его пира – одна из самых знаменитых.

Омирбек ведь одно время был супы, разве вы не знаете? Был!

Что? Ах, что такое супы? Это ученик и последователь пира.

Что такое пир? Кто этого не знает – минуточку терпения! – сейчас разберемся.

ПИР И СУПЫ

В старое время, в годы жизни Омирбека, проводники воли аллаха на земле – как любили называть себя мусульманские священнослужители – были довольно многочисленной прослойкой.

Если перечислять все титулы и звания, которые они имели, то на одно чтение этих анекдотов времени не хватит. Судите сами: шейхи, имамы, ишаны, кадии, хатибы, муфтии, муллы и прочее, и тому подобное...

Многие из них имели к тому же еще целые свиты учеников, последователей, прислужников.

Такие духовные наставники – ими могли быть муллы, ишаны, имамы – именовались пирами. Пирь всегда были окружены

раболепствующими учениками. Ученики, как правило, сами мечтали со временем стать пирами, обзавестись учениками и тогда уж взять свое.

Так вот, ученик пира назывался супы.

Супы должен был во всем слушать своего пира. Любую глупость пира считать умной мыслью, каждый приказ выполнять беспрекословно. Впитывать, как песок влагу, те святые слова, которые пир изрекает.

Иной раз пир (сосуд святости, кладезь знаний, воплощение мудрости и аллах ведает чего еще) совершал путешествие со своими супы. Иногда бил их, заставлял работать на себя. Если супы жили в других аулах (а так, по большей части, и бывало), то он приезжал к ним в гости и, в доказательство своей большой любви к ним, захватывал с собой еще и родственников. Доверчивые бедняки считали пиров людьми святыми, несли им дары.

Хитрые богатеи поддерживали с пирами хорошие отношения, ибо, как говорит пословица, когда ешь с кем-нибудь из одной посуды, то не плюй в нее – неизвестно, в чью ложку угодишь.

Пир благоденствовал за счет подношений правоверных и труда своих супы. Каждый слуга аллаха хотел стать пиром – набрать как можно больше учеников-последователей.

Особенно много пожертвований получали слуги аллаха в неурожайные годы. Разоренные засухой бедняки считали, что спасти их может только чудо. А кто может сотворить чудо? Ответ на этот вопрос знал любой мальчишка: только аллах. А так как имам или ишан, имеющий многих супы, разумеется, более близкий к аллаху человек, чем какой-нибудь бедняк, то его молитву аллах и услышит скорее всего. Но разве ишан или имам будут молиться за кого-нибудь просто так? Нет, конечно.

Вот и тащили им все, что оставалось в юртах, – последнего барана, последнего петуха. Лишь бы только замолвил святой человек аллаху словечко!

Супы на дальних подступах к богатой юрте принимали подношения и тащили их в специальную пристройку.

Омирбек, наблюдая такой грабеж среди бела дня, просто с ума сходил от злости.

– Они несут этому жирному ишану все, что у них есть, а сами будут голодать! – глядя на тянущихся к богатой юрте бедняков, говорил Омирбек.

«А как сюда, к юрте ишана, попал Омирбек?» – можете спросить вы. Вот так.

ПРО ЮРТУ ОМИРБЕКА

Утром жена Омирбека собралась пойти к соседке, у которой в дальнем ауле умер какой-то родственник...

– Пойду поплачу с ней немножко, – сказала жена, – ей легче станет.

– А детям ты поесть чего-нибудь оставила? – спросил Омирбек.

– Чего же я им оставлю, когда у нас в юрте нет ничего? – ответила жена.

– И мне, значит, тоже есть нечего? – уточнил Омирбек.

– Даже одного початка джугары нет!

– Отчего же ты в таком случае идешь плакать к соседке? – удивился Омирбек. – Плакать надо здесь! Оглянись вокруг – сразу слезы польются.

В юрте Омирбека почти всегда было пусто – хоть шаром покати.

Недаром весь аул смеялся над ишаком Омирбека, который обычно отказывался идти домой, упирался, ложился в пыль.

– Что с ним? – спрашивали соседи Омирбека. – Обычно скотина сама домой бежит! А твой ишак не хочет. Почему?

– Так он же знает, что дома нет ни соломы, ни зерна. Чего ему спешить? – отвечал Омирбек.

Но шутку не положишь в казан, из нее не сварить шурпу, ее не зажаришь на огне.

– Что же мы есть будем? – спросила жена.

– Пойду посмотрю на людей. Что-нибудь да придумаю! – как всегда в таких случаях, ответил Омирбек.

Вот так он оказался возле богатой юрты.

ПРО ЮРТУ ПИРА

Друзья Омирбека, такие же бедняки, как он, уже с утра сидели у юрты ишана и смотрели, как супы помогают пиру обирать бедняков.

– Зачем ты несешь свою последнюю курицу этому кабану? – ухватил Омирбек за руку проходившего мимо соседа. – Иль яйца ты теперь сам нести будешь? Сам сядешь в казан, и тебя будут варить? А о детях ты подумал? Может, им не понравится сваренная из тебя еда?

– Э-э, Омирбек! – обреченно махнул рукой сосед. – Может быть, моя курица разжалобит аллаха и он нам поможет...

– Как же, как же, жди! – усмехнулся Омирбек. – Я знаком с этим аллахом. Он меньше, чем за пять баранов, и пальцем не шевельнет – можешь мне поверить!

Друзья засмеялись, а сосед испуганно побежал дальше, придерживая рвущуюся из рук курицу.

Омирбек бессильно воздел руки к небу:

– Вот горе! Они все считают этого жирного скрягу святым! А в нем святости столько же, сколько в хвосте моего ишака! Но попробуй скажи им об этом!

Омирбек от огорчения закрыл глаза.

– Говори не говори – никто нас, бедняков, слушать не будет, – сказали друзья. – Нужно ждать, пока этот святой настолько разжиреет, что лопнет.

– Нет, – Омирбек открыл один глаз и хитро посмотрел на друзей. – Ждать нельзя.

– Что же делать?

– Вы умеете плакать? – Омирбек открыл второй глаз.

– Если тебе нужно – сумеем.

– Вы поведете меня к юрте пира и будете плакать, как на похоронах.

– Зачем?

– Я решил стать супы ишана.

Друзья растерянно смотрели на Омирбека.

– Это самая неудачная из твоих шуток, – сказали они.

– Это не шутка. Я хочу совершить два угодных аллаху дела.

– Каких?

– Сохранить жизнь себе – ни один супы еще не умер от голода, а в юрте у меня есть нечего. Разве аллах не будет рад, что сохранится семья такого бедняка, как я?

– Ну, а второе дело?

– Только бы он согласился сделать меня своим супы! – мечтательно произнес Омирбек. – Я бы показал землякам, кого они принимают за святого! Я бы так вывернул этого кабана наизнанку, что все бы увидели, сколько в нем святости и знаний! А вы к тому же увидели бы, сколько баранов, на которых уже накинута веревка, чтобы тащить их к ишану, останется в юртах! Только бы он сделал меня своим супы!

– Но зачем нам громко плакать, Омирбек?

– Э-э, друзья, что с вами? Разве ветер здесь дует со стороны богатой юрты?

– При чем здесь ветер?

– Вы полдня посидели тут и заразились самой страшной болезнью – глупостью! Даже сообразить не можете, почему вам нужно плакать! Вы теряете друга, который отныне посвящает себя служению пира! Нет прежнего Омирбека – есть супы Омирбек! «На кого ты нас покинул, Омирбек!» – вот что вы должны кричать, да так, чтобы вся степь это слышала. И чтобы мой будущий пир вам поверил. Поверит вам – поверит мне. А я обязательно должен стать его супы!

– Мы будем кричать и плакать изо всех сил! – поклялись друзья.

И над юртами взвился такой горестный вопль, что все, кто шел к ишану, остановились и поглядели в небо: не с высот ли аллаха прозвучал этот скорбный глас? А из рук вздрогнувших супы вырвались две дарственные курицы и ринулись прочь – спасти свои головы.

Сам ишан замер с открытым ртом, так и не донеся до губ пиалу с кумысом.

А друзья Омирбека вновь завопили, и крики их были еще горестнее, еще печальнее.

– Хорошо, хорошо! – сказал Омирбек. – Но глотки у вас работают лучше, чем глаза, – столько крика И не одной слезинки! Плачьте, плачьте! Неужели мне придется кидать вам в глаза пыль?

И он медленно пошел к юрте пира, а друзья, спотыкаясь от еле сдерживаемого смеха, который вполне мог издали сойти за рыдания, поплелись за ним, вздымая руки и голося:

– Вернись... Остановись... Подумай, на кого ты нас бросаешь... Аллах везде аллах – и в богатой юрте, и в бедной...

...Ишан хорошо знал Омирбека. Никто не доставлял ему столько неприятностей, как этот смекалистый шутник. Часто после того как гнев, вызванный очередной проделкой Омирбека, стихал, ишан с сожалением произносил:

– Если бы Омирбек славил аллаха вместо того, чтобы издеваться над его слугами, то сколько мы бы даров еще получили!

Но ишан понимал, что привлечь Омирбека к служению аллаху невозможно. И от этого вздыхал еще тяжелее.

И тут вдруг сам Омирбек просит взять его в супы! Что он задумал? Неужели его сердце открылось для святой мудрости и он решил начать новую жизнь?

Голос Омирбека был почтителен и печален: в его юрте скоро наступит голод, и это – не иначе! – как наказание аллаха за все

проделки и шутки, пора уже замаливать грехи, познавать священную премудрость...

– Слава аллаху, который вразумил тебя, – сказал ишан, вздрагивая от очередного вопля омирбековских дружков, которые, не входя в юрту, продолжали громогласно горевать. – Ты станешь хорошим мусульманином, если будешь слушаться меня...

Так Омирбек стал супы. А ишан отныне стал пиром Омирбека.

И каждый, кто узнавал об этой новости, удивленно цокал языком и произносил:

– Тут дело не простое! Ох, теперь нужно повнимательнее смотреть, что Омирбек будет делать, слушать, что он будет говорить...

КАК ОМИРБЕКА УЧИЛИ ТВОРИТЬ НАМАЗ

Когда наступило время намаза, Омирбек сказал своему пиру:

– Таксыр, я ведь не знаю, как по-настоящему и намаз-то делается! Научите меня!

Ишан подозрительно взглянул на своего нового супы. Но взгляд Омирбека был ясен и почтителен.

– Делай то, что будем делать мы все, – сказал ишан. – Повторяй все за нами!

Приступили к намазу.

Омирбек опустил на колени позади ишана. А племянник ишана – молодой парень – пристроился сзади Омирбека.

Когда ишан поднимал голову, то и Омирбек поднимал голову, когда ишан ее опускал, то и Омирбек опускал.

Потом Омирбеку надоело качаться, как былинка на ветру, и он решил пропустить очередной поклон.

Племянник ишана ущипнул Омирбека сзади – дескать, делай как все.

Омирбек, не долго думая, ущипнул ишана.

Ишан, не прерывая молитвы, наотмашь ударил рукой и чуть не попал Омирбеку в нос.

Омирбек повторил движение ишана, но постарался быть более метким и попал племяннику ишана по носу. Удар был таким сильным, что племянник слетел с коврика, растянулся на полу, закричал нехорошим голосом.

– Что такое? – спросил ишан злобно. – Кто посмел прервать молитву?!

Племянник, утирая кровь, капающую из носа, указал на Омирбека.

Омирбек, не поднимаясь с колен, низко поклонился и сказал:

– Господин, вы сами приказали повторять все движения. Вы ударили меня, я – его!

– Но ты же меня ущипнул! – крикнул ишан.

– Господин мой, но ваш уважаемый племянник ущипнул меня, а я – вас! Я только повторял...

Остальные супы хихикнули, но грозный взгляд пира стер улыбки с их лиц.

Ишан пригрозил племяннику и сказал:

– Начнем намаз сначала... А ты, Омирбек, становись поодаль, чтобы тебе никто не мешал...

– Твое счастье, что юрта у тебя большая, – бормотал Омирбек, оттаскивая коврик в сторону, – а то бы мы этот намаз и до утра не закончили...

– Что ты сказал? – не расслышав, спросил ишан.

– Ничего, мой господин, – поклонился Омирбек. – Просто благодарю аллаха за то, что у меня такой мудрый пир...

КАК ИШАН УЧИЛ ОМИРБЕКА КРАСИВО ГОВОРИТЬ

Ишан говорил Омирбеку:

– Ты и разговаривать-то красиво не умеешь! Кричишь, слова из тебя летят, как брызги, – все сразу. Нужно научиться говорить нараспев, тогда тебя приятно будет слушать.

Так как Омирбек не старался угождать своему пиру, то тот все время отыскивал различные поводы, чтобы лишний раз заставить Омирбека говорить нараспев.

Как-то раз ишан и его супы сидели у костра. Потом супы разошлись собирать саксаул, а Омирбека ишан оставил с собой у огня.

– Ты понимаешь, что говоришь некрасиво? – в который уж раз попытывался ишан.

– Да, мой пир, – послушно ответил Омирбек и подбросил в костер саксаула.

– Скажи мне что-нибудь нараспев, как я тебя учил, – предложил ишан.

В это время из костра выскочила искра и попала ишану на чалму. Грязная, пропитанная жиром чалма быстро начала тлеть.

А Омирбек, с трудом удерживая улыбку, принялся произносить нараспев:

– На-а-а-а-ш г-о-о-о~о-о-о-спо-о-о-о-ди-и-и-н п – у-и ир, вы не-е-е-е-о-о-о-осто-о-о-ро-о-о-жно-о-о-о с-е-е-ли-и-и в-о-с-о-зле-е-е-е о-о-о-гня и ва-а-а-а-аша-а-а-а свята-а-а-а-а-я ч-а-а-а-лм-а-а-а на-а-а-а-а-хо-о-о-одится в бз-е-е е-е-е-е-е-е...

– Что? – принимаюаясь к запаху горелой материи, вскричал ишан. – О чем ты говоришь?

– О-о-о т-о-о-м, мо-о-о-ой п-и-и-ир, что-о-о-о ва-а-а-аш-а-а до-о-о-остопо-о-о-о-чте-е-е-е-енн-а-а-а-я ч-а-а-а-алма-а-а да-а-а-авн-о-о-о г-о-о-ор-и-и-т!

Ишан схватился за чалму, обжег пальцы.

– Ты что же, просто не мог сказать, что я горю? – дую на пальцы, закричал ишан на Омирбека.

– Простите, мой пир, – поклонился Омирбек. – но вы ведь сами приказали мне говорить нараспев!

– Э-э, понимать надо: чалма дороже красивого разговора! – плаксиво произнес ишан.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ – УРАЗА

Омирбек плохо запоминал числа и цифры.

Во время уразы – великого поста – он постоянно путался в счете дней: сколько осталось до конца уразы?

Зная эту слабость Омирбека, ишан приказал ему следить за тем, сколько дней уразы прошло, и утром, после намаза, провозглашать это число.

Чтобы не сбиться со счета, Омирбек вечером клал в карман по маленькому камешку. Каждый раз пересчитывая их, он определял, сколько дней поста миновало.

Племянник ив!ана все время искал повода подшутить, поиздеваться над Омирбеком. Узнав о его секрете, он незаметно всыпал Омирбеку в карман сразу целую пригоршню камней.

На следующее утро ишан спросил:

– Омирбек, скажи нам, сколько дней уразы прошло?

Омирбек, засунув руку в карман, сосредоточенно пересчитывал камешки пальцами.

– Почему ты молчишь? – спросил ишан.

– Пятьдесят пять дней прошло, мой пир, – промолвил, наконец, Омирбек.

– О аллах! – удивился ишан. – Вся ураза длится тридцать дней, откуда же взялось пятьдесят пять?

Супы хором воскликнули:

– Ой-бой!

А племянник ишана радостно хихикнул.

Омирбек как ни в чем не бывало продолжал:

– Чего же тут удивительного? Бедняки считают начало великого поста с того дня, когда им в последний раз удалось поесть досыта. Вот и получается, что у меня ураза длится уже пятьдесят пять дней. Многие постятся и целыми годами...

ЧЕЙ БЫЧОК?

Однажды Омирбек вышел вечером из юрты ишана и увидел, что неподалеку сидит какой-то человек.

Через некоторое время Омирбек снова вышел из юрты – человек все еще сидел.

– Почему ты не заходишь в юрту? – после обмена приветствиями спросил Омирбек пришельца.

– Боюсь, – ответил пришелец.

– Чего?

– Гнева ишана. Мой бычок сегодня забодал его бычка. Как ему об этом сказать? Ишан меня в пыль обратит.

– А для чего же я здесь? – воскликнул Омирбек и сам ответил: – Для того, чтобы помогать таким боязливым, как ты! Я все улажу.

Омирбек вошел к ишану и почтительно сказал ему:

– Мой пир, ваш бычок забодал другого бычка, соседского. А сосед обижается, хочет из вашего стада взять себе нового бычка взамен погибшего...

Ишан полистал Коран, будто он отыскивал нужное место, и сказал многозначительно:

– Вот тут так написано: «Если один бычок забодает другого до смерти, то владелец погибшего бычка ничего не получает»...

И все супы, бывшие тут же, вознесли хвалу аллаху за его беспредельную мудрость.

– Так я и передам хозяину! – Омирбек поклонился и вышел из юрты.

Затем тотчас же вернулся и произнес со вздохом:

– Япырмай! Ну и ну!

Все супы уставились на Омирбека с удивлением и любопытством, ишан спросил:

– Что случилось?

– О таксыр, мы ошиблись! – произнес Омирбек. – Оказалось, что чужой бычок забодал вашего бычка.

Ишан сплюнул со злости.

– Но ты еще не успел сказать хозяину того, что я прочел в святой книге?

– В том-то и беда, что передал, таксыр, передал все до последнего слова!

Супы запричитали, заохали.

– Такова была, видно, воля аллаха! – сказал Омирбек покорно. – Пойду попрошу хозяина, может, хоть шкуру нам отдаст... Он вроде человек хороший... Я его уговорю.

И он вышел из юрты.

МЕТКАЯ ПРАЦА

Молодые бездельники из богатых юрт часто метали камни с помощью пращи – сакпана. Они любили устраивать состязания: кто самый меткий?

Однажды Омирбек шел из своего аула напрямик через степь к аулу, где жил его пир.

Вдруг над ним просвистел камень. Один, другой, третий.

Омирбек огляделся – возле холма толпились бездельники, а у племянника ишана в руках была праща-сакпан.

Невдалеке от Омирбека стоял шест, на шесте висел телпек. В него-то и пытался попасть племянник ишана.

Омирбек быстро подбежал к шесту и прислонился к нему спиной.

– Эй, берегись! – закричал племянник ишана. – Ведь я буду целиться прямо в телпек, могу в тебя попасть!

– Поэтому я сюда и встал! – ответил Омирбек. – Раз ты сюда целишься, то именно тут я в наибольшей безопасности!

ЧТО ЛУЧШЕ?

Племянник ишана с каждым днем все больше ненавидел веселого Омирбека. Он говорил ишану об Омирбеке много нехорошего, но ишан только головой качал:

– Да-да, я все понимаю, но Омирбек не дает мне прямого повода выгнать его... Будем ждать... Аллах покарает Омирбека за нечестивые мысли. Правда, и аллаху иногда нужно помогать...

С этой минуты племянник начал следить за каждым шагом Омирбека, подмечать малейшую его оплошность.

Однако Омирбек предугадывал все проделки бездельника, и они не заставляли его врасплох.

Так, например, Омирбек узнал, что племянник ишана решил во время намаза украсть у него обувь.

Тогда Омирбек стал творить намаз в обуви, что было большим нарушением молитвенных правил и обычаев.

– Как же ты смеешь совершать намаз, не разуваясь? – спросил его племянник ишана, разозлившийся, что очередная задумка срывается. – Разве ты не знаешь, что такой намаз в счет не идет?

– Пусть лучше намаз не идет в счет, зато Омирбек домой пойдет обувым! – ответил шутник.

КАК ДВОРНЯЖКУ ПРЕВРАТИТЬ В БОРЗУЮ?

Жадный ишан старался кормить своих супы как можно хуже: лепешки были из старой муки, шурпа, отличалась от чая разве только тем, что была более мутной, мясо – соленым.

– Таковую еду я и у себя дома заработаю, если вместо молитв буду работать на бахче, – бормотал Омирбек.

Омирбек каждую ночь уходил в аул, к семье. На бахче у него было много дел. Днем ишан не соглашался отпускать никого из супы, они ему самому были нужны для работы в хозяйстве.

И так и этак просил Омирбек ишана, но тот не отпускал его. Наконец Омирбек сказал:

– Таксыр, отпусти меня на три дня в аул, я тебе подарок привезу.

– Ой-бой, я вижу, что ты поумнел, Омирбек! – радостно промолвил ишан. – Аллах внушает тебе праведные мысли! А что ты мне подаришь?

– Что хочешь, таксыр.

Ишан подумал, почмокал губами и проговорил:

– Приведи мне борзую собаку. Чтобы она была легка, как ветер, и тело ее было тонкое, как стрела. Пусть будет она худой и злой. А то у всех ишанов есть борзые, а у меня нет...

– Хорошо, мой таксыр, я приведу тебе борзую, – поклонился Омирбек и поспешил домой.

Там он работал на бахче, помогал семье во всяких домашних делах, а когда подошел срок возвращения к ишану, Омирбек задумался: где взять борзую? Ближайшая борзая, насколько ему было известно, находилась в четырех днях караванного пути, во дворце Хивинского хана!

Не долго думая, Омирбек привязал за веревку первого попавшегося пса и повел его к ишану.

Ишан сидел возле юрты среди супы и читал коран. Супы качали головами в такт его чтению.

Увидев Омирбека с собакой, ишан отложил священную книгу в сторону и принялся рассматривать подарок. Тощая борода его задрожала от возмущения:

– Э-э, Омирбек, разве это борзая? Это же обычная дворняжка! Она больше похожа на свинью, чем на собаку! Толстая, неповоротливая, спокойная!

– Мой пир, вам нечего беспокоиться, – низко поклонился Омирбек, косясь взглядом на тощих супы, – если эта дворняжка проживет возле вас хотя бы месяц, то она сама по себе превратится в борзую – станет, как и все мы, тощей и злой!

ТРИДЦАТЬ БАРАНОВ

Однажды Омирбек без позволения своего пира ушел домой и провел в своей юрте пять дней.

Племянник ишана прискакал за ним и передал приказ явиться немедленно.

А от себя, ехидно улыбаясь, племянник добавил:

– Эх, и получишь ты плеткой от нашего господина! Где ж это видано – удирать без спроса и делать что вздумается!

– Ладно, посмотрим, – выпроваживая незваного гостя из юрты, сказал Омирбек. – Скажи дяде: завтра приду!

– Что ж ты теперь будешь делать? – спросила жена Омирбека.

– Э-э, всю бы жизнь мне отвечать на такие легкие вопросы! Я сделаю так, что этот дурак, мой пир, не только меня словом не упрекнет за нарушение правил, но еще будет за мною ухаживать, как за ханом!

...Когда Омирбек вернулся, лицо пира было мрачнее тучи.

Не дав раскрыть пиру рот, Омирбек поклонился и сказал:

– Ваш недостойный ученик изволил пять дней провести дома потому, что спорил с женой...

– О чем? – спросил кто-то из супы.

– Мы с женой спорили, как распределить сто баранов, которые достались мне в наследство от дальнего родственника, – продолжал Омирбек.

На лице пира раздражение сменилось любопытством и жадностью.

– И как же вы решили поступить? – спросил он.

– Мы бедняки, мой господин, – поклонился Омирбек. – Сто баранов для нас – большое богатство! Пятьдесят мы решили взять себе... десять – отдать младшей сестре жены, которая осталась после смерти мужа одна с детьми... еще десять – на возвращение долгов...

– А остальные тридцать? – нетерпеливо перебил пир.

– Я хотел бы подарить их вам, мой господин, – «поклонился Омирбек.

– Что ты, разве я могу принять такой большой подарок от тебя, верного моего супы? – радостно воскликнул ишан. – Аллах свидетель – я человек скромный, мне ничего не надо...

– Слово Омирбека – это твердое слово, – произнес Омирбек. – Хотите вы того или не хотите, мой господин, но тридцать баранов я решил пригнать вам!

Ишан на радостях приказал принести угощение, усадил Омирбека возле себя и подавал ему пиалу с чаем из своих рук.

Всем остальным супы ишан приказал уйти и заниматься хозяйственными делами.

Угощение затянулось дотемна.

– А когда же ты пригонишь мне баранов? – спросил как бы между прочим ишан.

– Как только мой сон станет явью, мой господин, – смиренно ответил Омирбек.

– Не понимаю тебя... – вытаращил глаза ишан. – Какой с он?

– Спорили мы с женой на самом деле, – сказал Омирбек, – но делили мой сон: мне приснилось, что я получил наследство в сто баранов! Но тридцать из них будут ваши! Слово Омирбека!

– Тьфу! – выругался ишан. – Опять ты меня обманул!

– Почему, мой господин? Я же не говорил, что-эти бараны стоят у меня возле юрты!

Ишану было неудобно признаваться, что Омирбек его так одурачил, и поэтому он сказал:

– Аллах пошлет тебе исполнение желаний; мой супы! Хорошо, что ты даже тогда, когда речь идет о сне, не забываешь о своем пире! Иди к другим супы, но о снах им ни слова!.. Ой-бой, за какие грехи ты послал мне, аллах, этого Омирбека?

ТАКОГО ПИРА НУЖНО ПЛЕТКОЙ ПОРОТЬ!

Ишан уезжал к своим родным и на время своего отсутствия отпустил всех супы домой.

А когда вернулся, то решил, прежде чем созвать супы, проведать их.

«Почему не пожить денек-другой у своих верных супы? – думал ишан. – Заодно посмотрим, как они любят своего пира!».

Он сел па коня и в сопровождении племянника и нескольких его друзей поехал сначала к тому супы, который жил ближе остальных.

Племянника он послал вперед – предупредить о почетных гостях.

Бедняк супы забеспокоился, засуетился, вся семья всполошилась.

Когда ишан подъехал к его юрте, то увидел, что супы гоняется за курицей. Племянник ишана стоял тут же, уперев руки в бока, и его шатало от хохота, как от сильного ветра.

Курица почему-то не хотела расставаться с жизнью и весьма резво бегала вокруг юрты.

– Стой! Стой, все равно шею сверну! – кричал супы.

Но она ответчала ему лишь насмешливым кудахтаньем.

– А-а, будь он трижды проклят, этот пир! – выбиваясь из сил, закричал супы. – Нашел себе дело – ездить по гостям!

Племянник ишана захохотал еще пуще.

И тут супы увидел остановившихся в некотором отдалении от юрты всадников и среди них – ишана, своего пира!

– О таксыр... – начал было супы, бухаясь на колени в пыль.

Но ишан повернул коня и поскакал прочь.

...Второй супы принял своего пира и его друзей с должной почтительностью.

Когда гости расселись в юрте, все еще кипящий от возмущения ишан рассказал, как его обидели.

– Смотри, мой верный супы, – обратился ишан к хозяину юрты, – как я похудел во время своего путешествия, а этот неблагодарный для меня курицу пожалел... Обругал...

– Вы похудели, стали тощий, как борзая, мой пир, – сказал супы, – но это не беда. Главное – здоровье, мой господин. Будете здоровым – снова растолстеете, будете жирным, как кабан.

При слове «кабан» все замерли.

Супы готов был проглотить свой язык! Что поделаешь – привычка, ведь за глаза все называли ишана не иначе, как жирным кабаном!

– Мой дядя – кабан? Твой пир, твой господин – свинья? – закричал племянник ишана. – Я тебе язык отрежу!

– Не трогай его, – устало молвил ишан. – Мы ни мгновения больше не останемся здесь!

...Третьим супы, к которому в этот злополучный день попал ишан, был Омирбек.

Усталый пир, его племянник и друзья слезли о коней и едва вошли в юрту, как, словно мешки, попадали на пол.

Немного придя в себя, ишан начал рассказывать Омирбеку о происшествяях. Но так как ишану было стыдно сознаться, что все это произошло с ним самим, он пытался убедить Омирбека, будто это истории одного пира, с которым ишан давно был знаком.

...И от второго своего супы пир тоже уехал, не вынеся оскорблений, – закончил ишан. – Что ты скажешь, Омирбек, обо всем этом? Как бы ты поступил на месте пира? Как наказал бы этих супы?

Омирбек сразу же смекнул, кто является настоящим героем рассказов, и сказал так:

– Мой пир! У этих супы, про которых вы говорили, только обличье человечье, на самом же деле они настоящие свиньи! Но их наказывать не нужно...

– Почему? – удивился пир.

– Лучше плеткой выпороть того пира, что он держит у себя таких супы! Да сбрить пиру бороду за то, что он своих супы не научил даже почитать самого себя! Не достоин уважения тот глупый пир, про

которого вы рассказывали, мой господин. И потому не будем о нем говорить!

Кто-то из друзей племянника засмеялся, но тотчас осекся.

– Я себя плохо чувствую, даже аппетит пропал, – вскоре сказал ишан и встал. – Поеду к себе а юрту, позову лекаря...

Гости, хотя и недовольные тем, что им приходится снова отправляться в путь, вынуждены были тоже встать и уехать вместе с ишаном.

– Ты еще поплатишься за эти оскорбления, – садясь на коня, сказал Омирбеку племянник ишана.

– Э-э, зачем так говорить? Что я сделал? – Омирбек настолько искренне разыграл удивление, что племянник даже засомневался: а вдруг Омирбек действительно не хотел оскорбить ишана и весь его рассказ принял за чистую монету?

ПРО ДВУХ АЛЛАХОВ

Когда у Омирбека умер его горячо любимый единственный ишак, то горю его не было конца. Ишан сказал:

– Мой супы, ты горюешь так, словно умер я, твой пир, а не какой-то там ишак!

– Э-э, мой пир, – ответил Омирбек, – этот ишан любил вас не меньше меня. Как он на вас смотрел, хотя вы никогда не дали ему ни крошки, ни травинки... Его любовь к вам была бескорыстна.

Ишан нахмурился и сказал:

– Если аллах забрал сегодня к себе твоего ишака, то завтра он, может быть, даст тебе вместо него другого ишака или даже двух. Или верблюда – аллах всемогущ!

– Как? – удивился Омирбек. – Разве на свете два аллаха?

– Тьфу, что ты говоришь? – ужаснулся ишан. – Откуда у тебя эти глупые мысли?

– Простите, мой пир! – поклонился Омирбек. – Но если это все тот же аллах, которого я уже давно знаю, то от него без денег ничего не добьешься. Он даром не только ишака, грязной песчинки не даст! Вот я и решил, что вы говорили о каком-то другом аллахе!

НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!

Ишан кормил своих супы впроголодь и приговаривал:

– Чем больше испытаете на этом свете мук голода, тем сытнее вас будут кормить в раю... Зачем здесь есть сухие крошки, когда в раю вместо них будет перед вами стоять блюдо с пловом?

Супы превозносили мудрость пира и давились сухими лепешками. Сам же ишан любил напрашиваться на приглашение в гости – каждый из супы уже несколько раз принимал у себя своего пира. Все, кроме Омирбека. Но наконец и Омирбеку ишан надоел своим напрашиванием.

– Мой пир, приезжайте завтра ко мне в юрту, – сказал Омирбек, – не пожалеете об этом.

...На следующий день ишан с племянником и его друзьями приехали к Омирбеку.

Возле юрты и в самой юрте гости не заметили никаких приготовлений к пиршеству.

Омирбек затеял разговоры про то про се, а еды тее не подавали.

Наконец ишан не выдержал и спросил!

– Где же твое угощение?

– Разве я говорил что-нибудь об угощении? – удивился Омирбек. – Я сказал, что если вы ко мне приедете, то не пожалеете об этом. Вот мы и сидим, терпим голод, то есть зарабатываем себе роскошный пир в раю. Вы же сами учите нас: чем больше голодаешь на этом свете, тем больше сытной еды будет на том свете. Ух, какой плов мы съедим на том свете из-за того, что сегодня ничего есть не будем! Вы об этом не пожалеете, мой пир!

НЕБЫВАЛОЕ УГОЩЕНИЕ

Племянник ишана все время подзуживал дядю:

– Омирбек ни разу вас не принял как гостя. Об этом уже все говорят, над вами смеются...

– Гнев аллаха да падет на его голову! – мрачно ответил ишан.

– Пока еще этот гнев падет, – продолжал племянник, – а меня уже из-за этого стали меньше приглашать на той. Вы – пир, вы должны своего супы держать в узде! Нельзя, чтобы о вас и об Омирбеке рассказывали по всей степи всякие шутки...

– Хорошо, – сказал ишан. – Мы еще попируем у этого Омирбека. Для нас он зарежет последнего барана и свою последнюю курицу! Я приглашу его в гости первым, и он будет вынужден ответить мне приглашением!

– Супы – в гости к пиру? | – удивился племянник. – Что скажут люди?

– Многие скажут, – хитро улыбнулся ишан. – Потому что мое угощение будет небывалым!

И действительно, такого угощения, которое предложил ишан Омирбеку, вероятно, никто на свете не видал: оно все состояло из... одного зернышка джугары!

– Цени мою щедрость, – сказал ишан Омирбеку. – Помни: из этого зернышка, если бы я его посадил в землю, вырос бы початок. В початке – сколько зерен, а? И опять из каждого мог бы вырасти початок! Целое поле! А зернами из этих початков уже можно было бы засеять всю степь! Так что на самом деле я тебя угощаю горой початков, цени мою щедрость!

Омирбек тут же пригласил своего пира на ответное угощение.

А когда тот явился, Омирбек поставил перед ним пустое блюдо. Ишан приготовился обидеться, но Омирбек указал на лежащее в блюде маковое зернышко.

– Угощайтесь, таксыр, и помните, – сказал Омирбек, – что, хотя я и не могу тягаться с вашим гостеприимством, но и я ничего не пожалел... Из этого макового зернышка мог бы вырасти цветок, а потом цветок превратился бы в тьму маковых зерен, которых бы хватило, чтобы засеять то самое поле, которое вы засеяли джугарой, мой пир. А сколько мака собрал бы я, если бы высеял все зерна с того поля? И сколько денег получил? Считайте, мой господин, что мое угощение стоит груды золота!

– Да, ты почти так же щедр, как я, мой супы, – грустно сказал ишан.

КАК ОМИРБЕК СОЗДАВАЛ ШЕЙХОВ

– Я хочу стать шейхом, – сказал бедняк, который принес ишану в дар всего одну лепешку.

– Почему же ты хочешь стать шейхом? – спросил ишан, улыбаясь.

– Мне надоело голодать, – простодушно ответил бедняк. – Если ты можешь, то научи меня какой-нибудь хитрости, и я буду почитать тебя за святого.

– Пусть Омирбек научит его, как стать шейхом, – со смехом сказал племянник ишана.

– Как? Омирбек здесь? – удивился бедняк и ловко выхватил свою лепешку из рук худого супы. – Если бы я знал, что он здесь, я бы сразу пошел к нему! Он сделает меня шейхом! Где он?

Омирбек отвел бедняка подальше от юрты и спросил:

– Плохо тебе живется?

– Погибаю, – ответил бедняк. – Если ты не придумаешь чего-нибудь, сам умру и семья умрет...

– Ладно, – сказал Омирбек. – Я тебя научу одной хитрости. Вырежь из бараньей кожи след ладони с растопыренными пальцами. Вот так – пятерню. Только пусть она будет большого размера. Прилепи эту кожу себе на грудь и лежи на солнце каждый день по несколько раз, но понемногу. Через месяц все твоё тело станет черным, а под вырезанной пятерней будет белая кожа.словно на твоей груди отпечатался след чьей-то большой руки! Тогда смело отправляйся в какой-нибудь дальний аул, поселись там в самой бедной юрте, живи один, не ешь, не пей четверо суток. И молись так громко, чтобы твои молитвы все слышали, чтобы все поверили в твою любовь к аллаху. На исходе четвертой ночи, когда все начнут готовиться к утреннему намазу, ты выбеги из юрты и закричи во все горло: «О правоверные! Мне явился пророк Хизр, да пребудет его благословение над нами! Святой Хизр впери́л в меня свой благородный взор и возложил мне на грудь свою святую руку! «Оставайся здесь, – сказал святой Хизр, – и славь имя аллаха!» И когда тебя обступят люди, сбрось с себя халат и рубаху и покажи им след на груди. Оки увидят белую ладонь и поверят в твоё видение, и в Хизра, и во все, что ты им наплетешь. И станут твоими рабами, а ты – их повелителем и шейхом! Понял? От тебя зависит, как это все произойдет!..

Бедняк оставил лепешку Омирбеку и ушел.

А через два месяца до ишана дошел слух, что где-то в степи появился новый шейх, у которого на теле есть след руки самого пророка Хизра, и что у шейха теперь тысяча учеников и ему несут дары со всех аулов.

– Я же только пошутил! – горевал Омирбек. – А шутка обернулась бедой: на шею беднякам сел еще один шейх! Как осторожно нужно шутить в наше время!

КАК АЛЛАХ СВОДИЛ СЧЕТЫ С ОМИРБЕК

– Почему вы никогда ничего мне не привозите в подарок? – однажды спросил своих супы ишан. – Знайте, что аллах очень гневается, когда супы забывают своего пира! Пусть дома ничего не останется, но у вашего пира должно быть в юрте все, что нужно...

– Слово таксыра – воля аллаха! – поклонились супы.

...Омирбек собрал в подарок пиру тюк соломы и вязанку дров. Взял у соседа ишака, нагрузил его, отправился в путь.

– О аллах, аллах, – сам с собой разговаривал Омирбек, сидя на ишаке, – все на свете принадлежит тебе. Тогда какая же разница: лежит это у меня в юрте или в юрте ишана? Зачем зря ездить туда-сюда, сюда-туда? Если бы аллах явился мне, то я бы ему все эти дары сам передал – пусть везет их к ишану...

Солнце уже катилось по краю степи, длинные тени легли на землю.

От бормотания Омирбека проснулись спящие в джугаре бездельники – племянник ишана и его друзья.

Они услышали слова Омирбека об аллахе, и племянник ишана решил подшутить над Омирбеком:

– Я закрою лицо и явлюсь перед этими ишаками – четырехногим и двуногим. Скажу, что я аллах. Пусть Омирбек мне отдает все подарки, которые везет, – он же обещал! Наконец-то я рассчитаюсь в этом шутником!

Друзья поддержали племянника, и тот, закрыв лицо платком, выскочил на дорогу прямо перед Омирбеком. От испуга ишак чуть не сбросил седока.

– Я – аллах! – сказал племянник ишана. – Ты меня звал, Омирбек?

– Ты – аллах? – радостно воскликнул Омирбек и соскочил с ишака. – Наконец-то я с тобой встретился!

Он так ловко ударил палкой по ногам «аллаха», что тот сразу же свалился в дорожную пыль. Омирбек начал избивать его и приговаривать:

– Вот тебе, аллах, за все то зло, которое ты сделал мне и другим беднякам! Вот тебе за засуху, вот тебе за налоги, вот тебе за любовь к богатым... Вот тебе... Вот тебе...

Племянник закричал. Натянутый на лицо платок слепил его, мешал уворачиваться от ударов.

– Вай-вай, я не аллах! – вопил он. – Я пошутил... Разве ты меня не узнаешь?... Какой я аллах!..

– Нет, ты самый настоящий аллах! – продолжая орудовать палкой, говорил Омирбек. – Просто хочешь обмануть меня... удрать от наказания...

Было уже совсем темно, когда дружки племянника выскочили на дорогу и избавили «аллаха» от омирбековской палки.

– Э-э, аллах, ты вызвал на помощь своих пророков! – рассмеялся Омирбек. – Может, мне заодно и с ними рассчитаться?

«Пророки» побежали так прытко, что тотчас же скрылись в густеющей вечерней темноте.

Омирбек добрался, наконец, до юрты ишана.

– Что привез? – спросил ишан.

– Двух баранов и мешок риса, – сказал Омирбек.

– О, ты самый лучший из супы, Омирбек! – довольно произнес ишан.

И приказал другим супы: – Разгрузите ишака!

Когда супы вернулись в юрту, ишан поинтересовался:

– Куда вы положили рис, а куда – мясо?

– Мой пир, – поклонился один из супы, – там не было ни мяса, ни риса. Мешок соломы да вязанка дров...

– Как же так, Омирбек? – удивился ишан. – Ты обманул меня?

– Что вы, господин! – еще более удивленно ответил Омирбек. – Все было как я сказал! А-а-а! – вдруг воскликнул он. – Это меня аллах покарал за то, что я с ним сегодня подрался! Он превратил мясо в дрова, а рис – в солому!

И Омирбек рассказал о том, что произошло на дороге.

Ишан только раскрыл рот, чтобы уличить Омирбека во лжи, как в юрту, поддерживаемый друзьями, вошел избитый племянник.

– Вот мой свидетель! – сказал Омирбек. – Скажи, о прекрасный юноша, ты ведь видел сегодня на дороге, как я разговаривал и немножко поссорился с самим аллахом?

– Видел, – подтвердил племянник.

– Ну вот, а мой пир не верит, – спокойно промолвил Омирбек, – Хорошо еще, что аллах не превратил ишака в собаку. Видимо, он знал, что это не мой ишак, а чужой... А он, справедливый из справедливейших, хотел свести счеты именно со мною...

ОМИРБЕК-НАСЕДКА

Ишану принесли целую корзину яиц, и он приказал найти курицу, которая могла бы их высидеть.

– Зачем вам курица? – спросил Омирбек. – Сколько она может высидеть цыплят? Десять? А я высижу всю корзину!

– Э-э, выгодно, кажется, – смекнул пир.

И приказал Омирбеку высидеть цыплят из всех яиц.

Омирбек сказал:

– Но я не могу сидеть в общей юрте! Мне нужно тихое отдельное место!

Ишан приказал построить шалаш из тростника и не мешать «наседке»-Омирбеку.

Омирбек стал жить в шалаше – ему туда носили еду, чай. Понятно, что Омирбек зря времени не терял и не только кормил яйцами всех супы, но и передавал яйца через ребятишек в свою юрту.

Через две недели ночью – как раз Омирбек съел последнее яйцо – шалаш загорелся.

Ишана разбудили тогда, когда сухой камыш шипел и трещал в огне, словно кипящие в жиру потроха.

Все бегали вокруг, а что делать – никто не знал. Чем тушить? Как?

Омирбек тоже бегал вокруг шалаша и кричал, как курица:

– Кудах-тах-тах! Каждому своего жалко! Каждому своего жалко!

И притворялся, что хочет броситься в огонь вырывать цыплят.

А друзья его хватали, держали.

Досназар-Левша сказал:

– Где ж это видано, чтобы из-за цыплят погибал человек! Ишан еще яиц даст, только перестань кудахтать, сердце разрывается!

КОНЕЦ СВЕТА

«Это тот самый ишан, который у Омирбека съел маковое зерно», – вот как вас называют! – племянник с сожалением смотрел на своего дядю. – А вы должны молчать, потому что Омирбек хитрее вас...

– Я сказал тебе, – недовольно промолвил ишан, – что мы еще посмеемся над Омирбеком.

– Э-э, вам его не перехитрить! – махнул рукой племянник.

– Да, пока ему удастся каждый раз сделать так, что я уйду из его юрты голодным! – вздохнул ишан.

– Омирбек говорит всем, что у него для детей еды не хватает, а у жирного... то есть у вас, у самих найдется, что поесть!

– Но где же святой обычай гостеприимства? – простонал ишан.

– С бедняками Омирбек делит последнюю лепешку, – сказал племянник. – А с нами... Кажется, я придумал! Э-э, я знаю, что нам нужно делать!

– Что? Что? – заинтересовался ишан.

– Ведь супы должен верить своему пиру во всем?

– Конечно.

– Тогда все в порядке! Мы приедем к Омирбеку и вы, таксыр, скажете, что завтра наступит конец света! Все погибнет! Сгорит! И его единственный барашек сгорит! И юрта! И он сам, Омирбек, сгорит! Так лучше провести последние часы, угощая друзей! Мы заставим его зажарить нам, последнего барашка и съедим все, что есть у него в юрте!

– А если конец света не наступит? – спросил ишан, теребя бородку. – Как нам тогда быть? Меня объявят лжецом!

– Мы скажем, что это была шутка, что вы решили посмеяться над Омирбеком!

– Ты у меня умный! – довольно произнес ишан, глядя на племянника. – Я тоже был таким в твои годы...

...Гости нагрянули к Омирбеку неожиданно. Юрта Омирбека стояла недалеко от реки, и из-за шума воды хозяин даже не слышал конской поступи.

– Знаешь ли ты, Омирбек, что завтра наступит конец света? – спросил ишан.

– Если ты так говоришь, мой пир, то, значит, наступит, – согласился Омирбек. – Что же нам теперь делать?

– Давай пировать! – сказал племянник ишана. – Последний день на земле должен быть веселым!

– Готовь угощение, Омирбек, – приказал ишан. – Ведь ты не сумеешь захватить с собой на небо ни своего барашка, ни своей курицы...

– Пока я буду разводить огонь, разделять барана, – сказал Омирбек, – вы можете выкупаться в реке, мой пир. Будем пировать на берегу!

Предложение Омирбека понравилось – вода манила прохладой.

Омирбек остался возле юрты, а гости пошли купаться.

Посмеиваясь – как ловко они провели Омирбека! – все разделись и вошли в воду. Купались долго, с удовольствием перекрикивались, пели.

А когда вышли на берег, то обнаружили пропажу одежды.

– Здесь на берегу никого не было. Кроме самого Омирбека, никто ее взять не мог! – сказал племянник ишана. – Я пойду к нему, все узнаю, а вы сидите тут, в воде...

Племянник ползком добрался до юрты Омирбека.

Омирбек сидел перед дымным костром, в котором горела одежда гостей. Племянник даже узнал свой сапог – его лизал красный язык пламени. Над костром висел котел с водой. Омирбек помешивал одежду палкой, чтобы лучше горела.

– Омирбек, Омирбек! – тоненьким голоском, чтобы не обратили внимания ребяташки, играющие возле юрты, закричал племянник.

– Баран блеет, что ли? – огляделся Омирбек.

– Иди сюда, это я! – заорал племянник.

– Ой-бой! – воскликнул Омирбек, подходя. – Чего же ты крадешься? Кого боишься?

– Так я же голый!

– Ну и что? Раз конец света завтра, так чего стесняться? Никто о тебе не успеет плохого слова сказать! Я так и подумал: «Зачем одежда? Завтра все будем на небе, а сегодня пусть от нее еще будет польза». Горит она хорошо, вон уже котел с водой закипает...

– Э-э, шуток не понимаешь! – заскрипел зубами племянник. – Какой конец света? Никто не знает, когда он будет! Пир пошутил! А ты сразу – все в костер! Как мы будем теперь до своего аула добираться? А?

– Шутка? Значит, барана резать не надо? – обрадовался Омирбек. – Правильно я сделал, что не поторопился. Тот, кто торопится, чаще всего оказывается в дураках!

– Вот ты тоже поторопился с нашей одеждой, – «сказал зло племянник.

– Да, – вздохнул Омирбек. – Впрочем, подождем до завтра.

– А что будет завтра?

– Завтра все аулы будут знать о вашей шутке. И тогда будет видно, кто поторопился и кто оказался в дураках, – подмигнул Омирбек голому племяннику. – А пока я сяду на твоего коня и поеду в аул за одеждой!

– Лучше ты дай мне свою одежду, я сам поскачу, – предложил племянник.

– Нет, ты должен быть рядом с моим пиром, – сказал Омирбек, вскакивая на коня. – Как бы с ним чего не случилось еще... Ведь когда

аллах отнимает разум, то и чалма не помогает... Тем более, что она уже горела!

КАК РАССТАЛСЯ ОМИРБЕК СО СВОИМ ПИРОМ

С каждым днем ишану становилось все труднее: поток даров почти совсем прекратился. Какой же он святой, если все время с ним случается что-нибудь смешное?! Кому такой святой нужен?

– Это все из-за проклятого Омирбека, – стонал ишан. – Как от него отвязаться?

– Выгоните его, – в который уж раз предлагал племянник.

– Тогда будут говорить, что я его испугался! – отмахивался ишан. – Нет, лучше возьму-ка я его с собой в путешествие. И там, в дороге, найду способ от него избавиться. В крайнем случае, обвиню его в краже и его посадят в зиндан. А оттуда он уже не выберется... Или еще что-нибудь придумаю... Только быть мне и ему вместе больше нельзя.

– А если Омирбек не захочет идти с вами? – спросил племянник.

– Тогда он признает свое поражение и последнее слово останется за мной. Он же сам себя опозорит!

Но Омирбек сразу согласился идти со своим пиром куда угодно.

Друзья предупреждали Омирбека: нужно быть осторожным, ведь не зря ишан изо всех своих супы берет с собой только его одного – видимо, толстяк что-то придумал злое.

– Я это понимаю, – ответил Омирбек. – И потому даю вам слово: мы с ним далеко не уйдем. Просто мне хочется, чтобы все еще разок посмеялись над этим «святым».

...Утром, когда ишан и Омирбек отправлялись в путешествие, их провожало много народа. Друзья, соседи шутника. Приехал и племянник ишана со своими бездельниками.

Конь ишана и ишак Омирбека (как и обычно – «одолженный у соседа») стояли на другом берегу широкого арыка – их туда привели заранее, чтобы хоть немного сократить дорогу путникам.

Через арык было положено бревно, по нему ишан и Омирбек должны были перейти на тот берег. Ишан сделал знак, предложив Омирбеку идти первым.

– Господин, да поразит меня аллах, если я осмелюсь идти впереди вас! – воздел руки к небу Омирбек.

– Супы не должен идти впереди пира!

Ишану ничего не оставалось, как идти по бревну первым.

Омирбек пошел за ним – шаг в шаг. На середине Омирбек схватился за идущего впереди ишана и закричал:

– Вай, таксыр, я падаю!

Прыгая в арык, он стащил с бревна и своего пира.

– Тону! – закричал Омирбек, окуная ишана в воду. – Таксыр, я тону!

Когда ишан нахлебался вдоволь грязной арычной воды, Омирбек вытащил его на берег. Ишан, выплевывая воду, сказал:

– Да будет проклят тысячекратно отец такого супы, как ты! Мне не нужен такой супы, которому грош цена!

– А зачем мне такой пир, как ты? – сказал Омирбек, вытряхивая воду из рукавов. – Я стал твоим супы, почитая тебя за святого человека. Я думал, что ты, когда мы попадем на тот свет, переведешь меня через бездонную пропасть по мосту, который тоньше человеческого волоса! А ты по толстому бревну меня провести не смог! Кому нужен такой пир, правоверные? Дешево уступлю!

...Так и расстались навсегда жирный ишан и Омирбек.

Знаменитый чимбайский базар Глава третья

Прежде, лет сто назад, каракалпаки как жили? Газет не читали, журналов не видели, книг очень мало было – да и кому читать, когда не в каждом ауле грамотного найдешь!

Теперь – не хочешь в кино идти, телевизор смотри, не хочешь телевизор – радио слушай... Новость стала быстрой – сегодня в Африке слово сказали, а его уже на Аральском море знают.

А раньше? И кино, и театр, и радио, и телевидение, и газету, и журналы – все заменял базар.

На базаре все новости, все слухи, народ со всех концов, даже из дальних стран.

Денег нет – ничего не покупай, ходи, слушай, разговаривай: умней станешь, все знать будешь.

Нужда заставляла Омирбека в трудные времена, как шутили друзья, «торговать своей выдумкой». Много раз говорено уже, что Омирбек, если бы захотел, мог крупно наживаться на купле-продаже и перепродаже. Но торгашество он считал нечестным трудом и никогда не перехитрил, не обвел вокруг пальца ни одного дехканина, ни одного бедняка.

Однако богачи часто пользовались хитростью, острым умом Омирбека, его изобретательностью и поручали ему свои мелкие дела.

Обычно Омирбек отказывался от них, но иной раз семье так туго приходилось, что он соглашался быть посредником в какой-то мелкой торговой сделке или помогал продать ишака, козу, корову.

– Один ишак поручил другому ишаку продать третьего ишака, – невесело шутил в таких случаях Омирбек.

Но если Омирбек имел возможность помочь такому же бедняку, как он сам, то не было на базаре счастливее человека, чем Омирбек.

– Дружба – это самое дорогое в мире, – говорил он.

Знаменитый чимбайский базар был недалеко от аула, в котором жил Омирбек, и понятно, что с этим базаром связано много историй из жизни знаменитого шутника.

Вот некоторые из них.

БЫСТРАЯ ЛОШАДЬ

Один из дехкан решил продать свою лошадь – она стала стара и немощна, толку от нее уже никакого в хозяйстве не было.

– Помоги, дорогой, – попросил он Омирбека. – Ведь если ее я выведу на базар, то никто к ней даже и не приценится.

Омирбек согласился и долго объяснял владельцу лошади, как и что он должен будет делать.

На базаре, улучив момент, когда возле лошади остановилась группа богатых покупателей, Омирбек подошел к продавцу и, незаметно подмигнув ему, сказал громко:

– Давай помогу тебе продать твою клячу подороже... Я ее буду хвалить, ты набивай цену – кто-нибудь из этих баев попадетсЯ на нашу удочку, а барыш поделим пополам. Хорошо?

– Э-э, обманщик Омирбек, отойди от меня! – так же громко сказал продавец. – Не желаю иметь с тобой никакого дела!

– За что ты меня обижаешь? – удивился Омирбек, заметив, что богатые покупатели, стоявшие невдалеке, уже заинтересовались их ссорой. – Разве я тебе сделал что-нибудь плохое? Обидел тебя или твоих родичей?

– Коротка же память твоя! – воскликнул продавец. – А как ты обманул меня десять дней назад, когда выпал снег? А? Ты взял эту мою лошадь и поскакал за зайцами. Обещал: вся добыча – пополам! Так сказал, а? Ты лошадь целых полдня гонял, семь зайцев она догнала, копытами убила, а сколько ты мне отдал? Одного! Шесть себе оставил! Не хочу с тобой, обманщиком, дела иметь!

Богатеи насторожились: лошадь, которая могла загнать семь зайцев, – это хорошая покупка.

И хотя Омирбек отговаривал их, говоря, что она загнала не семь зайцев, а только шесть, – лошадь была тотчас же куплена по хорошей цене.

ПОТЕРЯННЫЙ ХУРЖУН

Хуржун – переметная сума. На базаре без хуржуна – как без рук. Купишь что-нибудь, а куда положить?

Дала жена Омирбеку две монетки и просила купить всякой мелочи для домашнего хозяйства.

Отправился Омирбек на чимбайский базар. То да се – то с одним другом встретился, то с другим. В один спор ввязался, другой спор решил, третий сам заварил. А когда дело до покупок дошло – глядь, а хуржуна-то и нет!

Потерялся хуржун! Разве отыщешь, когда кругом базар шумит-бурлит! Хорошо еще, что пустой хуржун пропал, без покупок!

Поохал Омирбек, поругал сам себя и – делать нечего – поплелся домой. Шел и представлял себе гнев жены. Уже в ушах звенели ее слова. Бр-р-р! Омирбек заранее ежился.

Войдя в юрту, он сказал как бы между прочим:

– Знаешь, жена, сегодня на базаре все теряли свои хуржуны! Столько людей, оставшихся без хуржунов, я никогда не видел!

– Э-э, не потерял ли и ты наш хуржун тоже? – догадалась жена.

– Что ж мне, отставать от всех? – спросил Омирбек. – Раз столько народа теряет, я подумал, может, так и нужно?

– Хорошо, что не ты один такой растеряха оказался, – молвила жена. – Если бы ты один был таким растеряхой – над тобой все бы смеялись, а если все теряли – это ничего... Деньги-то хоть у тебя?

И узнав, что ничего, кроме хуржуна, не потеряно, успокоилась.

НЕ БУДЬ ИШАКОМ

Один из байских племянников попросил Омирбека продать подороже старого ишака. Как обычно, он рассчитывал на красноречие знаменитого шутника.

– Ты поговоришь-покричишь и продашь. Если цену возьмешь хорошую, я тебе дам две монеты – тебе будет хорошо и мне будет

хорошо, – говорил племянник, отхлебывая чай из пиалы. – На две монеты купишь себе чего пожелаешь... Я добрый...

– Ладно, – согласился Омирбек. – Пригони сегодня своего ишака. И приходи послезавтра на базар после полудня... Твой ишак уже будет продан...

Ишак представлял собой жалкое зрелище: он был грязен, шелудив, худ. Шерсть свалаялась, глаза смотрели грустно, бока впали.

– Четыре монеты, за две и торговать им не стану, – сказал Омирбек.

– Хорошо, – согласился племянник бая. – Только не продешеви, когда будешь набивать цену.

Два дня Омирбек мыл ишака, расчесывал, по пять раз в день кормил до отвала. Глаза у ишака заблестели, шерсть залоснилась, живот слегка округлился.

– Да, ты еще не совсем ишак, но уже пол-ишака, – сказал Омирбек, рассматривая животное. – Во всяком случае, торговать тобою уже можно. Теперь тебя нужно немного приукрасить – как невесту, когда ее ведут к жениху...

Он накинул на спину ишака узорчатую попону, сходил к родственникам за серебряной уздечкой.

– Серебро всех красит! – говорил Омирбек, важно ведя на базар степенно выступающего ишака.

Базарные завсегдатаи сразу догадались: кто-то из богачей решил воспользоваться посредничеством Омирбека и сбыть скотину.

– Видно, что ишак из богатой семьи, – говорили базарные сплетники. – Разве у бедняка ишак таким бывает? Одна уздечка из старого серебра сколько стоит!

– Уздечка и попона не продаются, – предупредил Омирбек.

Он так рьяно взялся за дело, что покупатели все время толпились вокруг ишака.

Омирбек так расхваливал его достоинства, что собравшиеся купцы были согласны на любую цену.

После полудня подошел к Омирбеку племянник бая, перемигнувшись заговорщически: мол, дела идут хорошо.

Но Омирбек подозвал его и прошептал:

– Твоего ишака я уже давно продал. Это другой ишак, его дал мне для продажи мулла...

– А за сколько ты продал моего? – спросил племянник.

– Как мы и договаривались... так что готовь четыре монеты!

«Надо заставить этого бездельника купить своего собственного ишака за двойную цену», – подумал Омирбек.

И он начал так нахваливать длинноухого, что среди покупателей разгорелись страсти: каждый набавлял цену, каждый хотел приобрести это сокровище!

– Только без попоны и без уздечки! – все время предупреждал Омирбек. – Вещи дороги мне как память о деде – да озолоти его аллах! – они не продаются.

Племянник бая, который взамен проданного рассчитывал приобрести нового ишака, подумал, что он выпускает из рук выгодную покупку, и тоже принял участие в торге.

Омирбек подозвал его и сказал тихо:

– Если ты мне дашь еще четыре монеты, то я устрою так, что ишак будет твой. Надбавь сейчас цену последний раз, и я прекращу торг.

Племянник так и сделал: он добавил еще одну тилла и, хотя другие покупатели хотели продолжать торг, Омирбек сказал:

– Продано! Хозяин просил меня не только следить за ценой, но и за тем, чтобы его любимое животное попало в хорошие руки! Ишак продан!

Завершив все денежные расчеты, сняв попоны и уздечку, Омирбек пошел побродить по базару, а племянник бая, довольный выгодной покупкой, поехал восвояси.

«Молодец, Омирбек», – думал племянник под мерный топот ишачьих копыт. – «Он сделал так, что я, добавив совсем небольшую сумму, купил отличного, чудесного ишака взамен своего тощего уroda...»

ГЛУПЕЦ-ХАДЖИ

Хадж – это паломничество в Мекку, священный город мусульман. Того, кто совершил такое паломничество, зовут «хаджи». Хаджи почитался верующими, имел право носить чалму, и к его словам прислушивались во время споров, которые возникали «мечети или на базаре.

Так вот. Одного торговца по кличке «Глупец» одолевало навязчивое желание, чтобы его все звали «хаджи». Но как это сделать? Не отправляться же из-за этого в Мекку! Да и зачем ходить за тридевять земель, когда рядом есть Омирбек!

– Пойди и попроси его хорошенько, – сказали Глупцу товарищи. – Он что-нибудь придумает... А уж если Омирбек тебе не поможет – то и сам хивинский хан ничего сделать не сумеет!

Торговец отыскал на базаре Омирбека и рассказал ему о своем давнем желании.

– Хоть сто монет отдам тому, кто поможет мне стать хаджи! – пообещал Глупец.

– Мне хватит и пятидесяти монет, – усмехнулся Омирбек. – Если ты их мне дашь, то тебя будут звать хаджи всю жизнь. И даже если это тебе надоест, ты не сможешь избавиться от своей клички!

– Она мне никогда не надоест! – отсчитывая деньги, воскликнул Глупец. – Никогда! О, я буду хаджи! О аллах! О Омирбек!

– Теперь слушай, что тебе нужно сделать, – сказал Омирбек. – Стой, как обычно, на своем месте в мясном ряду. И как только кто-нибудь назовет тебя «хаджи» – кидайся на обидчика с кулаками.

– За что? Он же назовет меня сладостным словом «хаджи»... – закатив глаза от удовольствия, проговорил Глупец.

– Делай как тебе говорят, иначе ничего не выйдет! – рассердился Омирбек. – И дерись по-настоящему! Потом придет другой, скажет тебе «хаджи» – и на него кидайся! Лови, бей, кричи!

– И долго мне так придется драться?

– Я скажу, когда можно будет прекратить.

– И тогда все меня будут звать?...

– Да, да, да – все до последнего мальчишки! – закричал Омирбек. – Где бы ты ни жил и что бы ты ни делал! А сейчас иди и поступай, как уговорено!

Глупец пошел на свое место в мясном ряду.

А Омирбек подговорил базарных мальчишек дразнить Глупца словом «хаджи».

– Вы увидите, как будет весело! – объяснял он ребятам. – Глупец бросится за вами, вы – врассыпную, а он – то за одним, то за другим... Не забывайте кричать «хаджи», поняли?

Разве мальчишек нужно долго упрашивать, чтобы они подразнили кого-нибудь? Уже через минуту возле Глупца появился маленький оборвыш и закричала.

– Эй ты, хаджи!

Глупец погнался за мальчишкой.

Тогда все базарные оборванцы дружно закричали: хаджи!

Торговец, подобрав полы халата и ругаясь, бегал за ними, пытаясь поймать хоть одного.

И чем больше торговец сердился, тем больше его дразнили.

На следующий день уже весь рынок – и дети и взрослые – начали называть его «хаджи».

Всем было интересно – чем кончится дело?

Глупец несколько раз вступал в драки, а утомившись, принимался ругаться.

Так прошла неделя, другая, наконец Глупец пришел к Омирбеку и сказал:

– Больше не могу драться и бегать! Я устал, торговля приходит в упадок.

– Ты уже можешь спокойно заниматься своим делом, – сказал Омирбек. – Торгуй мясом и улыбайся, когда тебя будут называть «хаджи» – эта кличка теперь за тобою останется навсегда. Она так крепко прилипнет к твоему имени, что и дети твои не смогут ее отодрать. Ты доволен?...

С той поры кличка «хаджи» действительно навсегда сопутствовала торговцу. Правда, его называли «Глупец-хаджи».

ОБМАНУТЬ КАЖДЫЙ МОЖЕТ

Омирбек не любил торговцев, которые свою куплю-продажу строили на обмане и ловкости рук.

– Одно дело, когда бай обманул бедного человека и бедный человек должен защищать себя, – : любил повторять Омирбек, – но если бедняк начинает сам обманывать всех подряд – он уже становится торгашом-мошенником.

Кое-кто из торговцев-ловкачей отвечал Омирбеку:

– Ты сам не умеешь торговать, как мы, вот и ругаешь нас от зависти!

– Хорошо, – сказал Омирбек, – я докажу, что умею обманывать лучше вас. Что нужно продать?

– Вот эту дыню! – предложил один из купцов. – Только возьми за нее цену ягненка!

– И вот этого зайца, – предложил другой купец, вытаскивая за уши из мешка живого зайчишку. – А за него возьми цену двух баранов.

– Дыню и зайца отдать почти даром? За цену ягненка и двух баранов? – удивился Омирбек. – Нет, я продам их вместе и выручу за них цену коровы!

Купцы долго смеялись над простодушием Омирбека, но он настаивал на своем, и те, кто следил за этим спором – а на базаре любопытных всегда вдоволь, – закричали:

– Пусть продает дыню и зайца по цене коровы! Не мешайте ему!

– Кто хочет стать посмешищем для всех – пусть им становится, – сказал появившийся среди толпы мулла, и спор затих. Но Омирбек молча спрятал зайца в мешок, а дыню бережно понес в чайхану.

Там он взял синюю краску и нарисовал на желто-серых баках дыни круги, квадраты, треугольники...

Потом понес дыню к воротам рынка, бережно уложил ее на разостланный на земле платок, а сам сел рядом и закрыл глаза – словно погрузился в молитву.

В это время один молодой парень, приехавший издалека, выручил хорошую цену за свою корову и теперь бродил по базару, чтобы купить родным какие-нибудь подарки.

В конце концов он наткнулся на дыню Омирбека и раскрыл от удивления рот – таких дынь он никогда не видел!

– Почтеннейший, что это такое? – наконец, спросил он.

– У тебя денег не хватит на эту покупку, – ответил, не открывая глаз, Омирбек.

– Деньги у меня есть, я продал корову... Скажи, чем же ты торгуешь?

– Это яйцо, которое рождает коня.

– Коня?

– Маленького жеребеночка, который вырастает в крылатого коня, – подтвердил Омирбек. – Это яйцо нужно держать в тепле два дня и две ночи, оно лопнет, и из него выйдет жеребеночек. Жеребенка нужно кормить только дынями целый месяц... Он начнет расти-расти...

– Я покупаю коня... то есть жеребенка...

– Ты хотел сказать – это яйцо? – Омирбек открыл оба глаза и в упор взглянул на простодушного покупателя. – Давай деньги!

Всю выручку за корову парень отдал Омирбеку, завернул дыню-яйцо в платок и унес.

– Э-э, Омирбек, – сказали купцы, – это же самый бессовестный обман! Попал на простака и обобрал его! Он узнает про обман, вернется из своего аула, убьет тебя. И правильно сделает!

– Могу с вами поспорить, что он завтра же будет здесь, на базаре, и захочет купить еще одну такую дыню! – сказал Омирбек.

Купцы радостно поспорили – ведь ясно, что из дыни нельзя вывести коня! И тут уж никто, кроме аллаха, не поможет!

А Омирбек с зайцем в мешке пошел и отыскал повозку, в которой уже собрался ехать домой купивший дыню парень.

– Подвези меня немного, – попросил Омирбек.

– Садитесь, почтеннейший, – обрадовался такому счастливому случаю парень: уж очень ему не терпелось поговорить о будущем крылатом коне.

Они поехали по пыльной дороге, и Омирбек рассказывал ему различные чудеса – одно пуще другого. Парень так заслушался, что не заметил, как Омирбек скатил на дорогу разрисованную дыню и она треснула.

– Вай! – испуганно закричал парень, соскакивая на землю. – Яйцо разбилось!

В этот момент Омирбек вытащил из мешка зайца и бросил его прямо к ногам парня.

Сквозь пыль парень не рассмотрел, откуда появился заяц, и решил, что он выскочил из дыни-яйца.

– Это же мой жеребенок! – закричал парень и помчался за зайцем.

А Омирбек пошел назад, на базар.

...На следующий день купцы прислали за Омирбеком мальчишку, который сказал:

– Просили передать вам, что вы выиграли спор.

– А-а! – засмеялся Омирбек. – Значит, парень пришел на базар снова и хочет купить еще одно яйцо крылатого коня?

– Да, – сказал мальчишка, – какой-то парень ходит по базару и ищет дыню-яйцо...

Омирбек поспешил на базар, отдал парню все деньги, которые тот накануне заплатил за дыню, объяснил ему, в чем было дело.

– Теперь вы убедились, что жить обманом на базаре не так уж трудно и каждый может этим заняться! – сказал Омирбек торговцам-мошенникам.

– Почему же ты, Омирбек, этого не делаешь? – удивились они. – Ты бы давно был богаче всех нас!

– Когда приходится выбирать, кем быть – богачом или честным человеком, я остаюсь человеком! – сказал Омирбек.

ТОРГОВАЯ СКОРОГОВОРКА

Как-то однажды друзья попросили Омирбека показать уловки купцов. А нравы Чимбайского базара были Омирбеку хорошо известны, и он любил их высмеивать.

– Хорошо, – сказал Омирбек. – Представьте себе, что Досназар-Левша – баран, это вообразить нетрудно, и я его продаю. Ну, торгуйте его!

– Сколько стоит это животное? – спросили друзья, дружно хлопая Досназара по спине и ощупывая его уши.

– Я сам купил его за пять монет, – затараторил Омирбек, – думаю продать за шесть, если не пожелаете – отдам за семь, но настоящая цена ему – восемь, а если хотите купить – то платите девять монет, но за десять я вам его отдам...

КАЖДОМУ СВОЕ

Один из байских сынков похвалялся умением стрелять из лука.

Действительно, все свое свободное время – а его у богатого парня было сколько угодно – он тратил на стрельбу.

Стрелял он так метко, что люди собирались смотреть, как его стрелы поражают любую цель.

Как-то раз стрелок и его дружки затеяли стрельбу рядом с базаром.

Собрались любопытные. Они криками поощряли стрелков.

Подошел и старый торговец хлопковым маслом.

С кувшином на плече он скромно стоял в некотором отдалении и молча наблюдал за забавами богатых бездельников.

Байский сын был в ударе: он одну стрелу пустил высоко в небо, а второй стрелой расщепил ее пополам.

Зрители восторженно закричали.

А старик – торговец маслом – молчал.

Байский сынок подошел к нему и спросил:

– Почему ты не радуешься? Разве я плохо стреляю? Или, может, ты стреляешь лучше? Тогда возьми лук и покажи свою меткость!

– Нет, я не умею стрелять, – ответил торговец маслом.

Друзья богатого бездельника засмеялись.

– И считаю, что особой заслуги в меткой стрельбе нет, – продолжал торговец маслом. – Каждый должен иметь сноровку в своем деле. Один

стреляет из лука, другой – снимает шкуру с барана, третий – варит плов. Каждому свое!

– А какая у тебя сноровка? – со смехом спросил байский сынок у старого торговца. – Чем ты можешь нас удивить? Маслом?

Торговец растерялся – действительно, что он может показать окружающей его толпе? Тогда к нему протолкался Омирбек. На ладони шутника поблескивало маленькое – сухую травинку едва можно просунуть – кольцо от старой женской серьги.

– Вот как вы, отец, можете удивить всех, – сказал Омирбек торговцу.

– Ну и ну! – засмеялись стрелки. – Чего же удивительного в обломке серьги?

Омирбек что-то тихо сказал старику торговцу, и тот, радостно закивав головой, снял с плеча свои кувшин.

Омирбек над горлышком кувшина держал в пальцах кольцо от серьги, а старик взял черпак и начал лить из него масло в кувшин.

Масло лилось сквозь кольцо тонкой, как нитка, стружкой.

Когда торговец опорожнил черпак, Омирбек с торжеством показал кольцо: оно даже не замаслилось! Вот такой тонкой и точной была струя!

– А это разве не удивительно? – сказал Омирбек замершей от удивления и восхищения толпе.

Потом обратился к стрелкам и произнес:

– Вы так сделать можете? Нет! Никогда нельзя зазнаваться, если ты что-нибудь делаешь лучше других. Всегда найдется человек, который что-нибудь делает лучше тебя! Каждому свое!

ВОТ ДО ЧЕГО ДОВОДИТ ЖАДНОСТЬ

Однажды Омирбек продавал на базаре петуха.

И хотя он употребил все свое красноречие, чтобы сбыть петуха с рук повыгоднее, – никто не давал за него больше одной монеты.

– Если бы у меня хватило наглости объявить его говорящим попугаем, – сказал Омирбек соседям, – то я бы, наверное, продал его в десять раз скорее и в сто раз дороже... Просто удивительно, как невыгодно торговать честно!

Так и не продав петуха, Омирбек после заката солнца отправился на постоялый двор, заночевал там.

И приснился ему сон.

Будто какой-то покупатель сначала давал за петуха одну монету, потом – две, потом – три. Омирбек торговался изо всех сил и довел цену до девяти монет...

Видимо, во сне Омирбек так кричал, что его разбудил сосед и сказал!

– Хватит, успокойся...

– Хватит, так хватит, – сказал Омирбек, снова закрыл глаза, но сон так больше и не повторился.

– Вот до чего доводит жадность, – сказал Омирбек соседу, – нужно было отдавать петуха за девять монет...

ДЕЛЬНЫЙ СОВЕТ

Говорят, что одно время у Чимбайского базара были ворота – не большие, не маленькие, так себе, средние.

Как-то утром Омирбек сидел возле ворот и разговаривал со знакомыми, а с базара хотел выйти один из родственников бая, человек тупой, но очень самоуверенный. В руках у него был длинный шест, который он только что купил.

– Сейчас мы позабудемся, – сказал Омирбек. – Этот тупица даже не сообразит, как ему пронести шест. Смотрите...

И действительно, как только ни пытался родственник бая пронести шест – и стоямя, и поперек, И наискосок, – ничего не получалось.

Вконец измучившись, он бросил шест на землю и присел рядом с Омирбеком. – Вот ты, Омирбек, – тяжело дыша, произнес родственник бая, – слынешь умным, сообразительным человеком. Тогда скажи мне: как пронести через ворота этот шест?

Омирбек подмигнул приятелям и с важным видом проговорил:

– Нет ничего легче. Тут и ребенку ясно, что нужно делать! Распили шест пополам и неси.

Глупец так и сделал, а потом еще долго удивлялся: почему над ним все смеются?

ПРОКЛЯТЫЕ ИЧИГИ

Жена уши Омирбеку прожужжала:

– У меня ичиги развалились, надо их починить, ходишь на рынок, так зайдя к сапожнику.

Но Омирбек, уходя на базар, забывал ичиги дома, и жена снова начинала:

– У тебя только шутки в голове, а за домом не смотришь, в чем твоя жена ходит – тебе все равно... Опять мои ичиги забыл взять?

Омирбек все время помнил об этих проклятых ичигах, но, как на зло, каждый раз, когда ему приходилось идти на базар, что-то такое случалось и он в суете забывал о них.

Спыхватывался только тогда, когда встречал на базаре знакомого сапожника.

– Э-э, снова забыл ичиги! – вздыхал Омирбек.

Сапожник и сам уже стал подсмеиваться над Омирбеком. Только завидит его, кричит:

– Опять ичиги дома оставил?

А в юрте жена снова пилила Омирбека:

– Где твоя голова? Что у тебя в ней? Столько времени я тебя прошу...

В одно прекрасное утро Омирбек, отправляясь на базар, сказал жене:

– Давай-ка твои ичиги! Видишь, ты тоже забыта мне о них напомнить, а я уже их во сне вижу.

Жена обрадовалась, стала давать Омирбеку наставления:

– Смотри за сапожником, когда он будет работать! Знаю я твоих дружков-сапожников – им бы – только деньги получить, этим обманщикам, а работают они шаляй-валяй, и кожа у них плохая, и носок они не умеют заделывать. Ты проверь, а то и носить ичиги нельзя будет... Да кожу посмотри внимательно. Прощупай ее всю. Да какой дратвой будут шить – воценой или простой? Если простой – не отдавай...

И так она говорила до тех пор, пока Омирбек не скрылся вдали.

Когда Омирбек пришел на рынок, сапожник приветствовал его обычной шуткой:

– Опять ичиги забыл?

– Нет, на этот раз они со мной, – усмехнулся Омирбек. – Вот они...

Но ичиги пропали. Их не было ни в мешке, ни за поясом.

Омирбек только удивлялся: куда же они делись?

– Обронил ты их по дороге, не иначе, – сказал сапожник. – Теперь уж не найдешь... Сколько народа прошло по ней после тебя!

Весь день Омирбек был мрачен и неразговорчив, чем весьма удивлял многочисленных своих друзей и приятелей.

Вернулся он домой раньше обычного и сразу же сказал жене:

– Потерял я твои ичиги! Сам не знаю, как это вышло: пришел к сапожнику – нет их...

Жена рассмеялась:

– Ой, какая я разиня! Заболталась с тобой утром, все советы тебе дала, а ичиги-то дать забыла – вон они лежат!

– О аллах, благодарю тебя за то, что ты не создал меня женщиной! – сказал Омирбек, облегченно вздохнув. – Ну, а ичиги эти выброси – купим новые. Видно, такая у них судьба – не быть починенными...

ТОРГИ ОТМЕНЯЮТСЯ!

Как-то случилось, что Омирбек охрип и торговать на рынке не мог. А именно в этот день ему нужно было приложить все усилия, чтобы сбыть какому-нибудь баю свою собственную корову, которая вдруг перестала доиться.

– Аллах покарал меня за что-то, – шептал Омирбек друзьям. – Когда мне нужно продать собственную корову, так он лишил меня голоса... Придется просить кого-нибудь из торговцев – пусть помогут!

Так он и поступил: отвел корову к одному из самых звонкоголосых торговцев.

– Продай мою корову подороже, а я тебя отблагодарю! – пообещал Омирбек.

И торговец взялся за дело.

Он начал как превозносить корову, что сам Омирбек даже рот открыл от удивления.

Оказалось, что корова эта дает молока больше всех коров в ауле, что из этого молока можно сделать столько масла, как ни из какого другого молока, что каждый год эта корова приносит великолепных телят, даже не одного, а двоих сразу...

И чего еще только ни говорил торговец! Омирбек, позабыв о том, что корова перестала давать молоко, подумал: «Зачем же такое полезное животное продавать? Как я мог сделать такую глупость?».

И, распахав покупателей, которые уже начали набавлять цену, Омирбек забрал свою корову из рук удивленного торговца.

– Торги отменяются, – сказал он сиплым шепотом. – Мне самому такая корова нужна!

И гордо повел ее обратно домой.

КРАЖА

Говорят, было время, когда Чимбайский базар никакому другому базару не уступал – ни Бухарскому, ни Самаркандскому, ни Хивинскому. И караваны в Чимбай приходили из дальних стран, и многие именитые купцы на нем держали своих приказчиков, и большие кряжи на нем случались. Все как на других известных базарах.

Одну такую кражу хитро и умело распутал Омирбек.

Вот как дело было: ночью на постоялом дворе у одного уйгурского торговца украли кошель с деньгами. К тому времени, когда пропажа обнаружилась, из постоялого двора еще никто не успел выйти.

– Значит, вор находится здесь, среди нас, – сказал хозяин двора. – Вай, какой позор! Мой двор был самым спокойным местом от Муйнака до Чарджоу!

Все сошлись на том, что только Омирбек может указать вора.

И так как сам Омирбек не отказывался от этого, его упростили взяться за дело.

Рассвет еще не наступил, только молодой месяц лодочкой плыл высоко в небе.

Омирбек приказал принести живого петуха и большой казан, в котором обычно варили мясо. Он перевернул казан вверх дном, а внутрь, под него, посадил петуха. Затем предложил всем выйти со двора и возвращаться в него по одному.

– Каждый из вас будет подходить к казану и дотрагиваться пальцем до его макушки. Когда вор коснется казана – петух закричит!

Ежась от ночного холода, постояльцы топтались на дворе. По очереди возвращались в теплый полумрак и прикасались к казану.

Петух молчал.

Когда на улице никого не осталось, Омирбек приказал хозяину зажечь все плошки и лампы:

– Пусть будет светло, как днем!

И когда ото распоряжение было выполнено, Омирбек сказал:

– А теперь все поднимите свои руки вверх!

Он огляделся и показал пальцем на скромно стоящего возле самого выхода толстого жигита:

– Вот вор! Держите его!

Жигита схватили:

– Будь ты проклят, Омирбек, за то, что позоришь честного человека! – кричал толстяк. – Отпустите меня, я ни в чем не виноват!

– Почему же ты тогда не прикоснулся пальцем к казану, а только сделал вид, будто прикасаешься? – спросил Омирбек. – У тебя все пальцы белые, а у всех остальных – посмотри! – черные от сажи и копоти!

У жигита нашли украденные деньги, и уйгурский купец щедро наградил Омирбека – отсыпал ему целых три пригоршни урюка.

ЖЕЛАНИЕ ИШАКА

Старый ишак Омирбека умер, и пришлось покупать нового.

На базаре Омирбек нашел себе уже немолодого, но сильного ишака и быстро сторговался с его хозяином.

– Только учти, Омирбек, – сказал торговец, передавая ишака, – это животное привыкло с базара ездить в мой аул, дорогу хорошо знает, так что смотри за ним, чтобы он не свернул на старый путь...

– Ладно, – сказал Омирбек. – Но это зависит от того, кто из нас окажется сильнее – я или ишак.

Ишак оказался сильнее: как Омирбек его ни поворачивал в сторону своего аула, он продолжал бежать в привычном направлении.

Омирбек махнул рукой и больше не сопротивлялся.

– Омирбек, куда ты едешь? – спрашивали попадавшие по пути знакомые. – Ведь твой аул в Другой стороне?

– Мой ишак хочет проститься со своими родственниками, – отвечал Омирбек. – Не могу же я отказать ему в такой пустяковой просьбе.

БОЛЬШАЯ УДАЧА

А когда однажды новый ишак Омирбека удрал куда-то с базара и его долго не могли найти, Омирбек, вместо того, чтобы волноваться и расстраиваться, как это всегда случалось с хозяевами сбежавших ишаков, радостно улыбался.

– Чему ты радуешься? – спрашивали его.

– Как же мне не радоваться? – отвечал Омирбек. – Ведь это просто большая удача, что я сам не сидел на этом ишаке. Ведь тогда бы потерялся не только ишак, но и я. И вам бы пришлось искать, кроме ишака, и меня тоже!

ПРОКЛЯТЫЙ АЛЛАХОМ ИШАК

Омирбек попросил перекупщика продать ишака.

Через несколько часов туда, где сидел с друзьями Омирбек, подошел измученный перекупщик. Он тянул за собою упирающегося ишака.

– Ты его не продал? – удивился Омирбек.

– Он проклят аллахом, твой ишак! – закричал перекупщик. – Когда хотят посмотреть его зубы, он кусается! Когда хотят пощупать его ноги, он лягается! Когда хотят погладить его по спине, он подскакивает, а когда просто стоишь рядом с ним, он орет! Я не буду его продавать! Лучше день потерять, чем с таким ишаком связываться! Сам продавай!

– А я и не собирался его продавать, – спокойно сказал Омирбек.

– Зачем же ты дал его мне? – удивился перекупщик.

– Мне захотелось, чтобы люди меня пожалели, – промолвил Омирбек со вздохом. – Если эта скотина за несколько часов тебя так измучила, то каково мне с ней приходится каждый день!

ЧУДЕСНАЯ ПАЛКА

Шел Омирбек по базару, видит: продает какой-то приезжий торговец обыкновенную палку.

– Сколько стоит? – поинтересовался Омирбек.

– Сто монет.

– Вам не нужна целая арба таких палок? – заинтересовался Омирбек. – Я возьму по монете за штуку, а вы будете продавать их по сто, а?

Торговец снисходительно усмехнулся:

– Таких палок, как эта, – одна на весь свет. Она волшебная. Во время драки она сама по себе становится вдвое длиннее!

– Э-э, тогда у меня дома все палки волшебные! – рассмеялся Омирбек.

– Быть не может! – испугался торговец.

– Может, может! Когда жена встречает меня ночью после пирушки с приятелями, у нее в руках любая палка вырастает вдвое! А я-то думал: почему она меня достает, куда бы я от нее ни прятался? Теперь-то понятно – у нее волшебные палки!

И Омирбек, посмеиваясь, пошел дальше.

ПЛОВ С МЯСОМ

Омирбек продавал барана.

Покупатели попались придирчивые и глупые. Они замучили Омирбека вопросами. Их интересовало все: из какой отары был взят этот баран, как баран спит, какой у него в молодости был курдюк, почему рога такие толстые...

Сначала Омирбек отвечал вежливо и подробно.

Потом его ответы стали укорачиваться.

Наконец он уже едва сдерживал себя, чтобы не обругать покупателей.

А те все продолжали задавать свои вопросы.

– Сколько ему лет? – спрашивали покупатели, ощупывая пузо барана.

– Он уже в годах, наверно, ваш ровесник, – сердито отвечал Омирбек.

– Как он ест?

– С аппетитом.

– А что он ест?

– О аллах! Только плов с мясом, – закричал Омирбек. – Поэтому и продаю его!

ХИТРЕЦА ДАЖЕ ТИГР БОИТСЯ

Какой-то охотник привез на базар клетку с только что пойманным в Аральских камышах свирепым тигром.

– Кто войдет в эту клетку, – кричал охотник, – тому я плачу сто монет!

Все стояли вокруг, перешептываясь, дразнили зверя, но смельчака не находилось.

– У вас в Чимбае одни трусы! – рассердился тигролов. – Никто не может войти в клетку!

Омирбек очень обиделся.

– У нас хватит храбрецов, – сказал он. – Я хотя бы... Я войду в клетку.

Друзья восторженно приветствовали Омирбека.

– Но мой тигр таких, как ты, растерзал уже десяток, знай об этом, – сказал тигролов.

– Ничего, я войду, – усмехнулся Омирбек.

– Ну, входи, – взялся за дверцу тигролов.

– Только выведи сперва оттуда своего тигра, – сказал Омирбек. – Ты же все время говорил только о клетке, а не о тигре в клетке. Нужно

было бы говорить: сто монет тому, кто войдет к тигру в клетку, а не просто в клетку...

Тигролову было очень жалко сто монет. Но что поделаешь?

– Да, у вас нет храбрецов, зато есть хитрецы, – сказал он. – А хитреца даже тигр боится!

МОЛИТЕСЬ, ПРАВОВЕРНЫЕ!

Один мулла все время приговаривал:

– Чтобы ваши души попали в рай, день и ночь молитесь, правоверные!

– А что нужно делать, чтобы на этом свете жилось как в раю? – спросил Досназар-Левша.

Мулла растерялся, а Омирбек за него ответил:

– Надо день и ночь молиться на том свете!

ИНОЙ РАЗ СЛУЧАЕТСЯ...

Этот же мулла в конце каждой своей молитвы непременно добавлял:

– Никогда не надо делать так, как советует женщина!

Омирбек встретил его на базаре и сказал:

– Целый день я думаю: как быть? Прислушиваться мне к советам моей жены или нет?

– Нет, нет и нет! – мулла даже затряс бородой. – Разве ты не слышал, что я говорю?

– Слышал. Но все дело в том, что моя жена очень упряма, – продолжал Омирбек. – У нас два барана: худой и жирный. Я говорю жене: оставим жирного себе, а худого подарим мулле. А она уперлась и ничего знать не хочет: жирного, говорит, сведи к мулле, а худого оставим, выкормим его со временем. Так как же мне быть?

– Вообще-то, – почесав бородку, сказал мулла, – иной раз случается, что и женщины дают дельные советы!

В СЧЕТ ДОЛГА

Омирбеку очень понравилась шапка в лавке хорезмийского купца, но денег на покупку не было.

Купец когда-то был должен несколько монет Омирбеку, но по жадности своей изображал, что ничего не помнит.

– Ладно, – сказал Омирбек, – раз так, то я заберу у него шапку в счет своего долга!

Он вошел в лавку, примерил красивый халат – хорошо!

– Халат я беру, – сказал Омирбек, – но хотелось бы примерить и вот эту шапку... Э-э, как хороною! Бери мой халат, давай эту шапку...

Надев шапку, он пошел к выходу из лавки.

Купец бросился за ним, крича:

– Эй, Омирбек, отдавай деньги! Кто будет платить за тебя?

– Я же отдал тебе халат? – удивился Омирбек взамен взял шапку! Мы обменялись! А о деньгах и разговора не было: какие деньги при обмене?

Начался спор, в котором принял участие весь базар.

– Давай деньги за шапку! – кричал купец.

– Я тебе дал вместо нее свой халат! – кричал Омирбек.

– А где деньги за халат? – кричал купец.

– Так я же взял не халат, а шапку!

– Так давай деньги за шапку!

– Я же отдал тебе за нее халат!

Купец в конце концов так одурел от крика, что махнул рукой и, пошатываясь, пошел к себе в лавку.

– В другой раз не будешь забывать о долге! – сказал вслед ему Омирбек.

НАВЕС

На следующий день Омирбек появился на базаре в огромной новой бараньей шапке. Друзья смеялись:

– Омирбек, на нее пошел, наверное, целый баран!

– Твоя голова стала как навес от солнца.

А некоторые даже подбегали к Омирбеку поближе и говорили:

– Посидим немного в тени от шапки!

И сколько Омирбек ни старался избавиться от этих любителей тени – это ему не удавалось. Отдельваясь шутками, они преследовали его, не отпуская ни на шаг.

Они надоели ему. И когда кто-то в тысячный раз повторил: «Побудем немного в тени этого навеса!», Омирбек обоими кулаками сильно ударил по лбам проказников, которые притиснулись к нему ближе других.

– Вай! – закричали они. – За что ты бьешь нас?

– При чем тут я? – усмехнулся Омирбек. – Это просто упали подпорки навеса!

КАК ПЫТАЛИСЬ ПОСРАМИТЬ ОМИРБЕКА

На базаре много находилось приезжих, которые считали себя умнее Омирбека и всячески пытались победить его в словесных спорах и различных коварных вопросах.

Однажды какой-то мулла долго хвастался тем, что у него есть ученик, который умеет отвечать на всякие вопросы.

– Я ему задал однажды три вопроса, а он ответил на них двумя словами! И правильно ответил!

– Можно и на сто вопросов ответить одними и теми же двумя словами, – сказал Омирбек.

– Какими? – удивился мулла.

– Не знаю. Ровно два слова – «не» и «знаю».

Окружающие засмеялись.

– Я не щучу, – обиделся мулла, – а если ты, Омирбек, такой находчивый, то попробуй ответить на три вопроса двумя словами, как это сделал мой ученик!

– Какие же это вопросы? – поинтересовался Омирбек.

– Первый: почему кошма сопрела? Второй: почему ишак остановился? Третий: почему мясо подгорело?

– Не знаю, как ответил, почтенный мулла, твой ученик, но я отвечу просто...

– Ну-ну, говори!

– Не повернули. Два слова!

– Объясни толком!

– Тут и объяснять нечего, – рассмеялся Омирбек. – Если кошму долго не поворачивать, то она начнет преть с одной стороны и может совсем сопреть. Если ишак остановился – значит его следует повернуть в нужную сторону. Если мясо не повернуть – оно сгорит. Вот и все.

Бывали и другие случаи.

Например, один из бухарцев решил поймать Омирбека на каком-нибудь пустом вопросе.

Он рассуждал так:

– Скажу Омирбеку какую-нибудь глупость – пусть он находит на нее ответ.

Так и сделал. Встретив Омирбека в чайхане, он при всех спросил его:

- Скажи, не видел ли ты тут козу и двух волков?
- Видел, конечно, - ответил Омирбек.
- Где же они сейчас?
- Они съели козу и убежали за барханы.

Поймать Омирбека врасплох было почти невозможно.

Один из богатеев решил поиздеваться над шутником и спросил, кивая на старые омирбековские сапоги, сплошь покрытые заплатками:

- Когда ты латал сапоги?
- Здесь ровно сорок заплат, - ответил Омирбек. - О какой ты спрашиваешь, покажи ее пальцем!

По каракалпакскому обычаю принято, что племянники или племянницы при встрече с родными или двоюродными дядями слегка подшучивают над ними. Даже поговорка есть такая: «Что ты смеешься над ним, словно он - твой дядя?».

Однажды, когда Омирбек привел продавать на базар свою единственную козу, кое-кто из торговцев решил сорвать ему продажу.

Они встали рядом с Омирбеком и начали всем, кто приценивался к козе, так ее охаивать, что сразу пресекали все попытки Омирбека наладить торговлю.

Козу ругали как только могли. И что она не приносит козлят, и что ее молоко пить нельзя, и что она бодает детей, и что лягается - чего только они ни придумывали!

- Не обращайтесь на них внимания, - сказал Омирбек покупателям, - это ее племянники!

Был и такой случай, когда один хивинец расхвастался о чудесах, которые он якобы видел у себя в Хорезме.

Он говорил, что приехавший из Персии звездочет оживлял камни и деревья.

- На камнях вырастала шерсть, а деревья начинали петь, как женщины!

- Ладно, - сказал Омирбек, которому надоело хвастовство хивинца. - У нас в Чимбае умеют оживлять даже землю.

- Кто же это? - спросил хивинец. - Не ты ли?

– Могу и я! – усмехнулся Омирбек. – Ты видел когда-нибудь жир земли и ее внутренности?

– Нет, – сознался хивинец.

– Так я тебе их покажу сегодня! – сказал Омирбек. – Только перед этим я должен помолиться аллаху, а вы не мешайте моей молитве!

Он быстро ушел, взял моток веревок, обмазал их жирным пловом. Потом уложил в шапку десяток яиц и, вернувшись с другой стороны, тотчас направился к ближайшему бархану.

С одной стороны бархана он закопал веревки, с другой – яйца. Присыпал их песком так, чтобы посторонний глаз их не приметил.

Затем вышел навстречу ожидающему его хивинцу.

– Что ж, пойдете, – сказал он ему и всем любопытным. – Аллах открыл мне место, где я смогу сотворить чудо!

Он повел их к бархану, долго смотрел на землю, потом топнул по ней ногой в том месте, где были зарыты яйца, и из земли прыснули белок и желток.

– Вот тебе жир земли! – сказал Омирбек.

Потом обошел бархан и с другой его стороны вытащил обмазанные пловом веревки:

– А вот кишки земли!

Хивинец только руками развел:

– Ой-бой!

– Я же говорил тебе, что у нас в Чимбае тоже умеют делать чудеса! – рассмеялся Омирбек.

Если в спор вступали между собою чимбайцы, то можно было подумать, что ссорятся два заклятых врага.

Например, Омирбек мог так ссориться со своими друзьями, особенно с Досназаром-Левшой, что постороннему казалось: эта ссора сейчас закончится по меньшей мере убийством!

Но, закончив спор, друзья мирно продолжали беседовать.

Если же кто-то из чужих, приезжих, пытался высмеять Омирбека, то друзья сразу становились на его защиту.

Один раз произошел такой случай: Омирбеку надоели всякие вопросы торговцев и приезжих, и когда кто-то из только что прибывших спросил его: «Что нового на базаре?», он ответил, не подумав, чтобы избавиться от назойливых торгашей:

– Ничего... Вот разве только озеро сгорело – то, что зарастает камышом.

Торговцы, которые только что проехали мимо озера и видели его целехоньким, обрадовались: еще бы, им предоставилась возможность уличить во лжи самого Омирбека!

Они тотчас же начали расспрашивать других завсегдатаев базара о пожаре на озере.

– А Омирбек сказал, что озеро сгорело! – заявили они. – Значит, он нам наврал?

Но кто из чимбайцев мог допустить, чтобы приезжие уличили Омирбека?

И первый же, кого спросили торговцы о пожаре, сказал так:

– Не знаю, был ли там пожар или не был... Только утром сегодня на базаре у рыбы были жабры обожжены.

Уверенности у торговцев поубавилось, но они попытались еще раз узнать правду о пожаре и спросили у хозяина постоянного двора.

– Пожар? Э-э... Омирбек сказал? – хозяин задумчиво погладил живот. – Может быть... Утром дым шел оттуда... Здесь его полно было... У меня возле мангала еще кусок этого дыма стоит – можете понюхать...

Так чимбайцы не дали Омирбека в обиду, и к концу дня гости уже были уверены, что пожар на озере действительно был.

В гостях у Сыкмар-Бая Глава четвертая

Рассказывают, что после одного из засушливых годов в юрте Омирбека снова наступили тяжелые дни. Было уже продано все, что можно было продать, а два черных ворона – голод и нищета – продолжали виться вокруг. И другим беднякам было не легче. Встречаясь, они спрашивали друг друга:

– У тебя еще осталось что-нибудь на продажу?

Когда такой вопрос был задан Омирбеку, он ответил:

– У меня уже давно ничего нет. А у жены моей – сто баранов, два верблюда и пять лошадей. Одна из них – с белой звездочкой на лбу.

– Бараны? Лошади? Верблюды? – удивлению друзей не было границ.

– Откуда?

– Где же они?

– Почему ты молчал об этом?

– Ты уже стал заговариваться от голода, Омирбек!

– Нет-нет, – продолжал Омирбек. – Все так, как я сказал. Сто баранов, два верблюда и пять лошадей. У одной – белая звездочка на лбу. Так я написал в завещании. Когда я умру, моя жена станет их полновластной хозяйкой.

– Но у тебя ведь и курицы сейчас нет! – удивлялись друзья.

– Какое это имеет значение, раз завещание написано, – отвечал Омирбек. – Теперь мое дело – умереть как можно скорее. А уж откуда жена возьмет баранов, лошадей, верблюдов – это ее дело.

Но, как известно, одними разговорами да шутками сыт не будешь. Нужно было отгонять воронов нищеты и голода от своей юрты. И тут Омирбек вспомнил, что у него есть должник: Сыкмар-бай.

– Я два года работал у него пастухом, – сказал Омирбек, – но до сих пор не получил у него за свою работу и одной таньги. Пойду в его аул. Бай вернет мне долг, и мы сможем протянуть до весны...

Все, кто слышал эти слова, расхохотались, словно Омирбек произнес одну из своих самых знаменитых шуток.

Те, кто не слышал слов Омирбека, спрашивали у смеющихся, в чем дело, а узнав, сами принимались хохотать. Дело было в том, что Сыкмар-бай, несмотря на свои несметные богатства, был самым скупым человеком во всем ханстве. Некоторые утверждали даже, что от Каспийского моря до самой Великой китайской стены второго такого скупца и скряги не найти.

ДВА СКУПЦА

...Говорят, что один купец из Коканда, который считался самым скупым человеком в своем ханстве, услышав про Сыкмар-бая, немедленно отправился в путь, чтобы встретиться с самым скупым и выяснить, наконец, кто же из них скупее.

Сыкмар-бай пригласил гостя в юрту, усадил его на почетное место.

Начался вежливый разговор. Он тянулся, как усталый караван через Кара-Кумы, долго и медленно.

Стало темнеть. Сыкмар-бай приказал зажечь светильник.

– Зачем? – удивился кокандец. – Мы и в темноте можем разговаривать.

И про себя радостно подумал:

«Не так уж он скуп, этот Сыкмар! Я бы никогда не зажег огня в своей юрте!».

Так за беседой, восхваляя скупость, которую они нежно называли «бережливостью» и «скромностью», и просидели до зари.

А когда в юрту просочился рассветный луч, то кокандский скупец от удивления чуть язык не проглотил: Сыкмар-бай сидел... голый!

Одежда бая была аккуратно сложена рядом.

Подметив изумление на лице гостя, Сыкмар-бан сказал:

– Зачем нужна человеку одежда во тьме? Никто же меня не видит. А то одежда изнашивается... От каждого движения...

Не спеша он оделся, а кокандцу ничего другого не оставалось, как признать Сыкмар-бая скупейшим из скряг и величайшим скрягой среди всех скупцов.

...И у этого бая Омирбек решил получить долг!

Вот почему так смеялись его соседи и друзья.

Но раз Омирбек что-то решил, то он, не отступая, шел к цели.

И он направился к юрте Сыкмар-бая.

– Я не вернусь, пока с ним не рассчитаюсь, – сказал Омирбек, прощаясь с родными и друзьями.

...Про встречи шутника Омирбека с Сыкмар-баем рассказывают много занятного.

...Сыкмар-бай, который не только был скупцом и богачом, но еще – хлебом не корми! – занимал, одалживал у кого только можно и где только можно, любил повторять:

– Единственную милость я прошу у аллаха: чтобы он продлил мою жизнь на земле до той поры, пока я не расплачусь со своими долгами!

Омирбек, услышав эти слова, сказал:

– В таком случае Сыкмар-бай будет жить вечно!

А когда кто-то из байских лизоблюдов назвал в подхалимском раже Сыкмар-бая «сосудом знаний», Омирбек охотно с этим согласился:

– Конечно, потому он и сосуд, что скряга. Только так скупец и может удержать в себе все те гнусности, которые в нем заключены.

Когда кто-то рассказал, что Сыкмар-бай ищет способ косить сапоги дольше, чем их носят все, Омирбек улыбнулся:

– У меня есть совет, который я готов бесплатно дать этой жадине.

– Какой совет? – заинтересовались друзья.

– Я знаю, как можно носить сапоги вдвое дольше.

И, подождав, пока наступит тишина, Омирбек произнес:

– Надо делать шаги вдвое больше, чем обычно.

...О бае-скряге говорили часто. Кое-кто брал его под защиту. Один шутник клялся, что видел на дае-тархане бая жареную курицу.

– Но она лежала там жареной вдвое дольше, чем ходила живою! – сказал Омирбек.

Сыкмар-баю передавали все эти шутки Омирбека. Бай хмурился, сердился и, наконец, решил познакомиться с острословом.

– Когда он узнает меня поближе, у него исчезнет охота шутить надо мной. Он увидит во мне, добрую душу бережливого хозяина.

...Знакомство их произошло следующим образом.

Омирбек пошел в аул Сыкмар-бая. А по дороге навстречу ему ехал всадник. За лошадью бежал, пыхтя и отдуваясь, толстяк, держащий в руке пучок веточек.

– Почему ты бежишь? – спросил толстяка Омирбек. – Зачем тебе эти веточки?

Толстяк с сожалением поглядел вслед удаляющемуся коню и, тяжело переведя дух, сказал:

– Ты видел, как конь ударил подковой о камень и высек искру? А? Вот я и бежал за ним, думал; вдруг он еще одну искру высечет? Тогда бы я разжег ею эти сухие веточки. А ими разжег очаг... Но вот, видишь, годы не те, уставать быстро стал... А раньше любого коня догонял.

Посмотрел Омирбек внимательно на толстяка и догадался, что перед ним сам Сыкмар-бай. Разве второго такого скупца найдешь на белом свете!

Сыкмар-бай очень обрадовался приходу Омирбека. Вместе с гостем пошел на базар купить что нужно для дастархана.

– Проси чего пожелаешь, – ласково сказал бай. – И не верь, когда обо мне говорят плохо. Я так же скуп, как любой рачительный хозяин! Ну, чего ты хочешь?

– Давно я не ел свежего творога, – сознался Омирбек.

– Сейчас твоё желание будет исполнено! – радостно воскликнул Сыкмар-бай. – Идем, я знаю, где продается самый лучший в округе творог!

Бай отыскал продавца творога и сказал ему:

– Это мой друг, известный шутник Омирбек! Я хочу угостить его самым лучшим творогом!

– Правильно сделал, бай-ага, что пришел ко мне, – обрадовался продавец. – Лучшего творога, чем мой, не бывает! Он как сливки!

– Как сливки? – переспросил Сыкмар-бай. – Если ты сравниваешь свой творог со сливками, то, выходит, сливки лучше? А я хочу угостить моего друга Омирбека только самым лучшим, что есть на базаре. Значит, я угощаю его сливками, раз они лучше творога! Для лучшего друга ничего не пожалею!

Сыкмар-бай быстро отыскал продавца сливок.

– Но мне нужны самые лучшие сливки! – предупредил бай. – Для лучшего друга я сегодня ничего не пожалею!

– Сливки у меня самые лучшие, – начал расхваливать свой товар продавец. – Жирные, как масло кунжута.

– Омирбек, ты слышишь? Я не могу позволить тебе есть какие-то сливки, когда, оказывается, есть на свете кунжутное масло. Только самое лучшее будет на нашем пиру сегодня! Кто торгует маслом?

Отыскался продавец масла.

– Мне самого лучшего масла давай! – закричал бай. – Для дорогого друга ничего не пожалею!

– Разве может быть масло лучше, чем у меня? – сказал продавец. – Прозрачное и чистое, как вода!

– Как вода?! – обрадовался бай. – Ты сравниваешь свое масло с водой? Значит, вода лучше!

И он потащил улыбающегося Омирбека к продавцу воды.

– Самой лучшей воды для моего лучшего друга! – вскричал Сыкмар-бай. – Ничего не пожалею сегодня для него!

– Моя вода как глоток прохладного ночного воздуха! – сказал продавец. – Только попробуйте!

– Не надо воды! Убери свой грязный кувшин! – радостно провозгласил Сыкмар-бай. – Если ночной воздух лучше, то мы надышимся воздухом! Для лучшего друга ничего не пожалею! Омирбек, что может быть лучше прохладного, ночного воздуха? А?

– Творог, – усмехнулся Омирбек. – Я люблю творог больше, чем воздух.

Но бай уже его не слышал: он, радостно улыбаясь, побежал с базара.

Омирбек не любил быть людям в тягость. Поэтому он попросил бая дать ему какую-нибудь работу. Сыкмар-бай определил его пастухом, и Омирбек два года пас тучные байские стада.

А когда пришло время рассчитывать, то Сыкмар-бай начал плакаться, что у него сейчас нет ни одной таньги и что он примет Омирбека как дорогого гостя, когда наступят хорошие времена, а пока – аллах свидетель! – он сам не знает, как свести концы с концами.

Так как год был урожайным, то Омирбек не боялся, что его семья умрет от голода.

Он плюнул на байские деньги и отправился домой.

– Как-нибудь получу свои таньга! Сыкмар-бай от меня не убежит! – решил шутник. – Когда станет очень-очень плохо, когда другого выхода не останется, тогда я снова увижу его жирную рожу!

И вот этот безвыходный день наступил.

КАК ВСТРЕТИЛ СЫКМАР-БАЙ ОМИРБЕКА

Толстый, лоснящийся, состоящий, казалось, из одного курдючного жира, Сыкмар-бай не был ни простаком, ни глупцом.

Просто он жил своим собственным законом: что мое, то только мое и ничье больше.

Поэтому он всегда оставался глух к просьбам о помощи, к разговорам о законах гостеприимства, даже к обычаям предков, разумеется, за исключением тех случаев, когда из них можно было извлечь для себя пользу.

В его юрте не готовили никакой еды для гостей и приезжих. Сам бай всегда успевал поесть вкусно, сытно и, самое главное, незаметно для других. А гости, путники, даже близкие родичи сидели голодными в большой юрте. И что было толку от того, что сидели они на почетных местах, если животы у них были пусты!

Омирбек пришел к Сыкмар-баю вечером и напрасно ждал угощения.

Никаких признаков еды не было видно. Намеки не помогали: хозяин притворился, что он их не слышит.

– Таксыр, где же я буду спать после того, как ты накормишь меня? – наконец, спросил Омирбек.

Сыкмар-бай, не смущаясь, ответил:

– Ложись вон там, да не забывай: кто спит на земле, тот видит хорошие сны. А кто спит, тот ест. Разве эта мудрость тебе неизвестна?

– Да снизойдет на тебя благословенье аллаха, мой таксыр, – поклонился Омирбек. – Ты сказал великие слова!

Омирбек стал ждать, когда Сыкмар-бай уснет. Но тот ворочался, пыхтел.

Омирбек начал слегка постанывать.

– Что с тобою? – спросил бай.

– Да голове низко, – ответил Омирбек. – Дан две лепешки подложить под голову, а то не усну...

– И мне не спится, – проговорил со вздохом бай. – Давай поговорим о чем-нибудь возвышенном, небесном.

«Тьфу, старый козел! – про себя выругало! Омирбек. – Мне-то как раз нужно, чтобы ты заснул! Хорошо, я тебя сейчас усыплю!».

И вслух сказал: «Аллах лишает тебя сна за грехи. Отдай мне долг и сразу же заснешь».

– Хе-хе-гм, – проворчал Сыкмар-бай. – Кажется, я и так уже засыпаю...

И он притворно захрапел.

Омирбек выждал момент, когда бай перестанет храпеть и начал ворочаться.

– Так как же насчет долга? – спросил Омирбек.

– Ой-бой! – простонал Сыкмар-бай и снова захрапел.

Так продолжалось несколько раз. Наконец, устав от попыток изобразить сон, бай по-настоящему заснул.

И тогда Омирбек, взяв свою толстую остроконечную палку-посох, тихо выбрался из юрты.

На него бросилась собака. Не дожидаясь, пока дана его укусит, Омирбек так огрел собаку палкой, что она тут же упала замертво.

Другие, продолжая лаять, почтительно отбежали в сторону.

– Силу уважают даже собаки скряги! – усмехнулся Омирбек.

Он быстро обшарил все вокруг и отыскал в соседней скромной юрте остатки богатой байской еды – котел еще теплого риса, жареное мясо, мягкие лепешки. Судя по тому, что еда была спрятана весьма старательно, Сыкмар-бай берег ее на завтра.

Омирбек плотно поел, а все, что осталось, отдал голодным псам, чем заслужил их вечную дружбу.

Потом он вернулся в гостевую юрту, лег на свое место, погладил живот и сладко заснул.

Его разбудил гневный вопль Сыкмар-бая:

– Омирбек! Как ты посмел съесть мою еду, нечестивец?

Омирбек протер глаза, долго недоуменно крутил головой, а потом воскликнул:

– О, хвала аллаху! Воистину аллах велик! Значит, это был не сон? А я-то думал, что мне снится, будто я нашел спрятанную вами от гостей еду и наелся вдоволь! Я ел только потому, что думал – это сон! Разве наяву я себе бы такое позволил, так-сыр? Но вы сами говорили о хороших снах, которые я увижу здесь, про то, что кто спит, тот ест! Вы же говорили так. таксыр?

– Ой-бой! Мало ли что может сказать несчастный человек, которого все обижают, – застонал толстый бай. – Зачем ты убил мою собаку, если ты думал, что видишь сон?

– А я и во сне не люблю, когда меня кусают.

– Не мог ее ударить тупым концом палки?

– Но она хотела укусить меня не хвостом, в зубы, таксыр! – усмехнулся Омирбек.

– Тьфу! – сплюнул в сердцах Сымар-бай. – Нужно было еще вчера спросить, зачем ты пришел, и отправить тебя домой! А я оставил ночевать!

– Я тотчас же уйду, если вы, таксыр, вернете мне то, что должны, – сказал Омирбек. – Два года я пас ваше стадо, но вы не дали мне за это ни одной таньги!

– И не дам! – заколыхался всем телом бай. – Мало того, что ты объел меня, а я еще платить тебе должен? Ни одной таньги, ни половины таньги, ни трети таньги ты от меня не получишь, нищий шут!

– Тогда я буду жить у вас, таксыр, до лучших времен, – сказал Омирбек.

– Но кормить я тебя не буду!

– Все равно, где умирать от голода – в своей юрте или в байской! – усмехнулся Омирбек. – Здесь, по крайней мере, снятся сытные сны!

– Ну, пеняй на себя! – рассвирепел бай.

И подумал так:

«Выгнать с помощью слуг Омирбека из юрты я могу, но вся степь будет знать, что я не мог справиться с Омирбеком умом и прибегнул к силе. Меня будут считать глупцом, а это во сто раз хуже, чем прослыть богатым скрягой... Пусть живет шутник сколько хочет, а я не буду его ни поить, ни кормить...»

Пусть он высохнет тут, как саксаул, пусть превратится в кусок вяленых жил, в горсть костей...»

Так Омирбек остался в юрте Сыкмар-бая.

ПОЛОЖИЛ БЫ ТЕБЯ ЗА ПАЗУХУ

В юрте бая гостей вроде Омирбека было несколько. Кое-кто оставался тут потому, что в степи любая крыша лучше ночлега под открытым осенним небом.

Двое родичей Сыкмар-бая жили в надежде на то, что скупое сердце скряги в конце концов дрогнет и тогда бай поможет им уладить какие-то очень сложные родовые дела.

Жил там и пастух, который, как и Омирбек, был обманут жадным богачом, не заплатившим ничего за трехлетний труд.

Пастух уже отчаялся и хотел возвращаться домой, когда появился Омирбек и уговорил его остаться.

– Я тебе помогу получить долг с этого бая! – сказал Омирбек. – Только слушайся меня, делай так, как я тебя научу. И не думай, что этот курдюк сразу отдаст наши деньги. Нет, он это сделает не сразу. Потерпи еще немного – ведь три года ждал.

– Но у меня семья умирает от голода, – тяжело вздохнул пастух.

– И у меня тоже, – грустно молвил Омирбек. – Значит, нужно послать в наши юрты хоть чего-нибудь из съестного... Давай подумаем, как это сделать.

Приметил Омирбек спрятанную в юрте бая баранью тушу, показал ее пастуху. И рассказал о своей задумке:

– Мы с тобой начнем ссориться, драться. Сыкмар-бай выгонит из юрты одного из нас. Я так встану, что он будет выталкивать меня. А ты останешься в юрте, запихнешь в хуржун баранью тушу и, когда Сыкмар-бай вернется в юрту, выйдешь как ни в чем не бывало. Никто и не заметит, что мы мясо вынесли!

Так и сделали.

Вечером, когда Сыкмар-бай уже начал дремать, они затеяли ссору.

Кричали, наускаивали друг на друга, как перепела во время боя.

Сыкмар-бай прикрикнул – не помогло.

Тогда он встал, схватил за плечи Омирбека, который кричал громче и размахивал руками сильнее, и с трудом вытолкнул его из юрты.

Но Омирбек так уцепился за Сыкмар-бая, что и вытащил за собою.

Сыкмар-бай громко пыхтел, стараясь отцепить от своего халата руки Омирбека.

Из юрты раздался голос пастуха:

– Этот глупец Омирбек наговорил столько слов, что они даже не лезут в мой хуржун!

Омирбек смекнул: пастух не знает, как спрятать баранью тушу – она не помещается в его мешке, слишком велика.

И он ответил, словно продолжая ругаться:

– Был бы ты рядом, я бы тебя положил за пазуху, под чапан, да так прижал, что ты бы сразу замолчал! Тьфу!

– Да перестаньте же! – закричал Сыкмар-бай. – Хватит! Отпусти меня!

– Подумал бы лучше, куда тебе девать сбою баранью голову! – сказал пастух из юрты.

«Э-э, голова барана ему мешает! – сообразил Омирбек. – Куда же ее девать? А вот куда!..»

И сказал громко:

– Если голова мешает, ее сворачивают! Иди сюда, я тебе ее сверну!

– Вай, как ты меня испугал! – сказал пастух. – Сам иди сюда, я тебе покажу... Иди, иди, не бойся!

Омирбек понял, что все в порядке, и отпустил Сыкмар-бая.

Пастух так хитро спрятал у себя на животе тушу, так ловко подвернул баранью голову, что его фигура в рваном чапане лишь слегка округлилась.

Сыкмар-бай вернулся в юрту, сел, тяжело отдуваясь, на свое место, а пастух вышел наружу, к Омирбеку.

Они снова начали ссориться и долго еще кричали друг на друга, уходя все дальше и дальше от юрты бая-скряги.

...На следующий день мясо ели и в юрте Омирбека, и в юрте пастуха.

КАКИХ ТОЛЬКО ЧУДЕС НЕТ НА СВЕТЕ

Когда, как обычно, Сыкмар-бай Омирбеку не дал ничего поесть и тот сидел злой, вошел в юрту барашек и стал жевать полу омирбековского чапана.

Омирбек засмеялся, а Сыкмар-бай удивленно поглядел на него, спросил:

– Чему ты смеешься?

– О аллах, каких только чудес нет на свете! – и ответил Омирбек. – У нас в ауле гость ест барашка, а у тебя барашки едят гостей!

КОСТОЧКИ ПРОШЛОГОДНЕГО УРЮКА

Сыкмар-бай и Омирбек сидели как-то возле юрты и жевали сухой прошлогодний урюк.

Скряга все время ухитрялся положить свои корточки от урюка в те косточки, которые лежали перед Омирбеком. И в конце концов перед баем не оказалось ничего, а перед Омирбеком целая гора косточек.

В это время мимо проходил один из родственников Сыкмар-бая, и скряга сказал ему:

– Если ты не веришь, что Омирбек меня объедает, – посмотри на эти косточки от урюка! Я и одной урючны не успел съесть, а он – целую гору.

– Наоборот, почтенный бай! – ответил Омирбек. – Это лишь доказывает твое обжорство: я съедаю только мякоть, а ты урюк глотаешь прямо с косточками!

КТО КОГО?

Узнав, что шутник Омирбек пытается получить от скряги деньги, многие любопытные богачи приехали к Сыкмар-баю, чтобы посмотреть – чем же кончится дело?

– Еще никто не получал от Сыкмар-бая и рисового зерна, – говорили они. – А долг пастуху Омирбеку он никогда не заплатит!

– Если Омирбек сумеет получить свои деньги – это будет чудом!

– И надо нам увидеть это чудо! Наши дети не простят нам, если мы это сами не увидим!

– Отныне этот год будет называться годом, когда Омирбек заставил раскошелиться Сыкмар-бая!

– Или наоборот: годом, когда Омирбек не сумел получить денег от Сыкмар-бая!

– Сыкмар-бай бесился от жадности, ругал себя – нужно было сразу заплатить несколько монет Омирбеку, и дело с концом. А теперь приходится – хочешь-не хочешь – кормить целую ораву гостей! Какие убытки! Но приехали такие знатные баи, что их нельзя не усадить за дастархан!

Омирбек только улыбался, когда прибывали гости, а лицо Сыкмар-бая грустнело.

– Так ему, жирному скряге! – говорили пастухи и работники. – Другой раз будет платить долги вовремя!

Между тем Сыкмар-бай не оставлял попыток посрамить Омирбека и всячески пытался при гостях показать свой ум.

Как-то раз Сыкмар-бай провел по земле черту и сказал:

– Омирбек! Сделай эту линию меньше, но не стирай ее и не зачеркивай!

– Э-э, я могу ее сделать короче даже не прикасаясь к ней! – ответил Омирбек.

Все, кто присутствовал при этом споре, вытянули шеи, стараясь рассмотреть, что же придумал шутник?

А он провел рядом с чертой Сыкмар-бая другую черту – длинную – и сказал бау:

– Посмотри, вот теперь твоя линия стала короче, меньше! Хотя я к ней и не прикасался!

...В другой раз Сыкмар-бай кормил гостей пловом, и Омирбек не отставал.

Толстый скряга решил оскорбить шутника: взял пригоршню плова и дал ее ишаку.

Ишак, конечно, отвернулся.

– Омирбек, вот ты ешь плов, а от него отказываются даже ишаки! – громко сказал Сыкмар-бай.

– Правильно! Нужно быть ишаком, чтобы отказываться от такой еды! – ответил Омирбек.

Сыкмар-бай пробовал по-всякому подсмеиваться над Омирбеком, но ничего у него не получалось.

– Чудной сон приснился мне сегодня, – как-то утром произнес Сыкмар-бай.

Все заинтересовались – что же он видел во сне?

– Будто я и Омирбек летали в небе, как птицы, – охотно сказал бай. – Потом за нами погнался орел, и мы оба упали на землю... Я свалился в яму с медом, а Омирбек – в яму с отбросами.

– Чудо! Слава аллаху, сотворившему это чудо! – закричал Омирбек. – Я видел точно такой же сон! Но ты забыл рассказать, что было дальше!

– А что было? – удивился бай.

– Ну как же ты не помнишь? Мы выбрались из ям, и я стал облизывать тебя, а ты – меня!

РАЗВЕ ОН ОБЖОРА?

– Кто обжора? Он – обжора? – возмущался Омирбек, когда кто-нибудь ругал Сыкмар-бая. – Так можно сказать о любом толстом человеке!.. Просто бай так любит поесть, как никто не любит! А обжора

тот, кто один кусок еще глотает, а другой уже жует, третий в руке держит, а в четвертый глазами впился! Я Сыкмар-бая спросил: «Почему, почтенный бай, ты ешь плов сразу пятью пальцами?» Знаете, что он мне ответил? «Так я же не шестипалый, больше у меня пальцев нет!». А еще один раз я его спросил: «Почтенный бай, сколько будет: два и еще раз два?». Он быстро ответил: «Четыре лепешки»... Ну, разве он обжора? Так называть его никак нельзя... Он, когда куардак ест, всегда берет по два куска мяса сразу, обеими руками. Я ему сказал: «Почтенный бай, мяса хватит всем, а вы можете подавиться». Он мне ответил: «А что я могу сделать, если в одной руке оба куска не умещаются!»...

ЗЛОДЕЙ ОМИРБЕК

Баи собирались вечером в гостевой юрте и рассказывали друг другу всякие истории про Омирбека.

В этих байских рассказах неунывающий весельчак Омирбек был недалеким, жадным, а иной раз я коварным хитрецом.

Один из друзей Сыкмар-бая сказал:

– Знаете историю, как Омирбек просил займы у купца из Хоросана? О, это знаменитая история! Он пришел к купцу из Хоросана и сказал: «У меня, господин, к вам две просьбы. Первая – дайте мне займы десять батманов джугары. Вторая: сроком на год, к следующей весне верну».

– Знаешь ли ты, Омирбек, – ответил хоросанец. – что, по святому нашему обычаю, может считать себя угодным аллаху тот, кто выполнит хотя бы одну из любых двух просьб?

– Да, знаю, – ответил Омирбек.

– Так вот, из уважения к тебе я согласен ждать не год, как ты предлагаешь, а десять лет. Видишь, па одну просьбу твою я согласился. А вот что касается первой просьбы – го ее я выполнить не могу!

И хитрец Омирбек не знал, что ему сказать!

– Охо-хо-хо! – засмеялись баи. – Не так уж он остер на язык, как говорят! Поделом ему!

– Да, не такой уж толковый и смысленный этот – Омирбек, как о нем шумят его дружки, – произнес другой приятель Сыкмар-бая. – Вот вам еще одна история... Омирбек хотел срубить молодые ветки гурангила, а они гибкие, упругие и топору не поддаются. Они так начали Омирбека хлестать, что все его тело покрылось рубцами. Он взвыл от боли, как голодный шакал, и решил отомстить дереву: срубить у него самый большой сук. Влез Омирбек на дерево, сел ка сук, начал его рубить. В

это время едет по дороге один жигит и говорит Омирбеку: «Вай, дурачок, что ты делаешь? Ты же упадешь на землю!». «Может, ты сам аллах, что берешься предсказывать будущее?» – засмеялся Омирбек, ударил топором посильнее и свалился на землю вместе с отрубленным суком. Когда он очнулся, вылез из-под ветвей, то подумал: «Видно, это был аллах, принявший обличье человека! Как же иначе он мог предсказать, что со мною будет?» – И бросился догонять жигита. Догнал, спрашивает:

- О аллах, извини меня, я тебя не признал сразу!
- Я – не аллах.
- Не скромничай, а скажи-ка лучше, когда я умру?
- Не знаю.

Но Омирбек так к нему привязался, что жигит не мог от него отделаться и сказал:

- Ты умрешь, когда тело твое остынет.

Омирбек пошел по дороге и так задумался, что упал в ручей, текущий с горы. Промок весь, ему стало холодно.

– Что-то мне стало холодно, – сказал сам себе Омирбек. – Холодно? Значит, я умер?

И он лег возле ручья на землю. Стемнело, а он все лежит – думает, что умер. Такой глупый!

Ехали по дороге арбакешы – видят, лежит человек.

- Вставай, – говорят они.
- Я умер, – ответил Омирбек.

Арбакешы засмеялись:

- Сейчас мы тебя оживим!

И отхлестали его кнутами так, что Омирбек вскочил, как ошпаренный, и убежал куда глаза глядят.

Поэтому, как говорят, до сих пор он боится купаться на людях – ему стыдно, что все увидят следы от арбакешских кнутов!.. Разве умный человек будет вести себя так?

- Нет, не будет! – зашумели баи.
- Ничтожный он человек!
- Только глупцы его уважают!

– Вы не слышали про то, как этот злодей Омирбек разорил благородного чайханщика Юсупа? – спросил худой, как жердь, бай. – И вы не знаете, почтенный? И вы тоже? Вай-бой! Так слушайте!

И худой бай, облизнув губы, начал свой рассказ.

– Омирбек любит прикинуться благочестивым – он совершает все намазы, молится всегда громко, чтобы другие слышали. Одно время он к каждой молитве прибавлял: «О аллах, пошли мне, бедняку, тысячу золотых монет. Если дашь на одну монету больше или на одну монету меньше – не возьму!»...Чайханщик Юсуп, вы его знаете, человек веселый и добрый, решил испытать Омирбека, посмеяться над ним. Он выждал момент, когда Омирбек очередной раз затянул свою просьбу о тысяче золотых, отсчитал ровно девяносто девять монет, сложил их в мешок и бросил его через дымоход в юрту Омирбека... Тот схватился за мешок, долго держал его в руках, не веря в свое счастье, потом начал считать монеты. И так считал, и этак – одной не хватает до тысячи! И что вы думаете? Он вернул деньги? Нет, нет и нет! Его одолела жадность, и он начал прятать золото в землю!

Юсуп, вы его знаете, человек добрый, видит, что эта шутка может ему дорого обойтись. Он, конечно, вошел в юрту и рассказал Омирбеку все, как было.

– Значит, это не аллах мне послал золото, а ты? – спросил жадный Омирбек.

– Я, я! – подтвердил чайханщик. – Ты же просил у аллаха ровно тысячу монет, а здесь – на одну меньше.

– А мешок? Он – кожаный и с украшениями, – возразил Омирбек. – Он стоит ровно одну монету. Вот и получается – тысяча! Аллах, он считать умеет не хуже нас с тобой!

Представляете себе горе благородного чайханщика! Как ему быть, как получить обратно свои деньги?

– Почему я должен отдавать тебе посланные мне за горячие молитвы небесные монеты? – кричал Омирбек. – Ты обманщик, Юсуп, вот ты кто!

Тогда чайханщик – а что ему было делать, бедному? – говорит этому злодею Омирбеку:

– Пойдем к казию, к судье, он решит наш спор и заставит тебя вернуть деньги!

– Не пойду! – отвечает Омирбек. – Ты едешь на ишаке, а я хожу пешком! Я устал и не двинусь с места! Если тебе так приспичило судиться, сам иди пешком, а я поеду на твоём ишаке!

Что было делать несчастному Юсупу? Вы его знаете, он человек добрый. Посадил на своего ишака коварного Омирбека, а сам пошел пешком, по пыли, как обыкновенный бедняк!

Так они проделали половину пути, потом Омирбек остановил ишака и сказал:

– Я дальше не поеду! Тебе нужно судиться – ты один и иди к казию! А мне холодно! Вон какой у тебя новый чекмень – в нем не замерзнешь! А на мне что надето? Чапана из-за заплат не видно! Давай мне твой теплый новый чекмень, а сам надевал, если хочешь, мой старый чапан – тогда поеду дальше!

И благородный Юсуп, которого вы все знаете, снял свой новый теплый чекмень, отдал его злодею, а сам накинул на себя его тряпки... Вай-вай! И так они явились к судье-казию: Юсуп пешком и в рваном чапане, а злодей Омирбек – верхом и в красивой одежде.

Казий расспросил того и другого, в чем дело.

Благородный Юсуп рассказал все по порядку, а коварный Омирбек стал над Юсупом потешаться.

– Этот выживший из ума кипятильщик чая, – сказал Омирбек достойному и почтенному казию, – самый настоящий врун и давно, видно, пристрастился оговаривать честных людей. Он настолько обнаглел, что не только мои деньги объявляет своими, но и моего ишака на котором, как вы видели, я приехал, тоже называет своим! Чей это ишак, Юсуп?

– Это мой ишак! – закричал благородный Юсуп. – Разве у оборванцев бывают такие ишаки?

– Вот видите, почтеннейший из справедливейших и справедливый из почтеннейших, – поклонился Омирбек казию. – Он так привык к вранью, что меня называет оборванцем. Чего доброго, он сейчас и этот мой чекмень назовет своим, а драный чапан всш атр; тот бросит мне!

Благородный Юсуп, как и всякий честный человек, конечно, закричал, что чекмень на Омирбеке – это его, Юсупа, чекмень. А драный чапан – это собственность Омирбека...

Но казни рассердился, прогнал благородного Юсупа и даже назвал его клеветником! Вот так хитрый Омирбек разорил благородного и доброго человека, которого вы все знаете!

...Худой бай кончил свой рассказ и изобразил на тощем лице своем ярое негодование, но тут его взор упал на... Омирбека.

Когда шутник вошел в юрту, никто не заметил, а он сидел и спокойно ждал, когда утихнут возмущенные крики слушателей.

Омирбека все присутствующие несколько опасались – кто знает, что этот шутник и выдумщик может выкинуть? Еще высмеит на всю округу! Нет, уж лучше сохранять с ним добрые отношения!

Поэтому, как только его заметили со всех сторон сразу зазвучали льстивые возгласы:

– Э-э, как ты тихо вошел, почтенный Омирбек!

– Проходи, садись сюда!

– Мы и слову плохому о тебе не поверили!

– А вы слышали, что сделал я в прошлую осень после того, как в Чимбае наслушался о себе кот таких же грязных историй? – грозно спросил Омирбек.

– Нет, не слышали, – испуганно проговорил худой бай.

– Прости нас! – попросил приятель Сыкмар-бая.

– Больше рта не раскроем!

– Я ведь могу и сегодня сделать то же самое, что сделал в прошлую осень! – пригрозил Омирбек, – Но если вы дадите слово больше не клеветать на меня, я вас прощу!

– Не будем... Не будем... Не будем! Свидетель тому аллах! – забормотали все.

– Но с тобой случалось все-таки подобное? – спросил худой бай. – Ведь, как говорится, нет дыма без огня!

– Да. То, что ты рассказывал, – так оно и было, – сказал Омирбек. – Только, во-первых, монет было не тысяча без одной, а сто без семидесяти. И не золотых, а медных. И благородный Юсуп не подбросил их мне, а утащил их у меня прямо на базаре, когда я смотрел бой перепелов. Ишака отобрали у меня за долги, а новый чекмень я видел на себе только во сне... Все остальное – чистая правда!

...На следующий день худой бай подошел к Омирбеку и страдальческим голосом произнес:

– Я не спал всю ночь. Пожалей меня, скажи, как ты в прошлую осень поступил с рассказчиками, гм-гм... нехороших историй о тебе? Скажи хотя бы мне, только одному мне. О благородный Омирбек!

– Хорошо! – усмехнулся Омирбек. – Только тебе... Слушай внимательно.

Худой бай ухом приник к губам Омирбека.

– Я оставил их... одних! Не понял? Ушел от них. Выслушал эти смешные истории о себе, потом встал и ушел. Только и всего.

– Ушел... И все? – не поверил худой бай.

– А что ж мне, драться с рассказчиками, что ли? – засмеялся Омирбек.

ПЛОВ ДЛЯ ОМИРБЕКА

Сыкмар-бай спросил Омирбека:

– А не хочешь ли ты поесть сегодня плова? Если хочешь – я прикажу его приготовить! Подумай, я сейчас вернусь!

Омирбек в щелочку подглядел, что Сыкмар-бай побежал в большую гостевую юрту, где собрались его друзья и родственники, и оттуда раздался дружный смех.

«Э-э, меня хотят провести!» – догадался Омирбек.

И решил, в свою очередь, обвести бая-скрягу вокруг пальца.

Он позвал своих друзей – байских пастухов и работников – и сказал им так:

– Пусть один из вас стоит возле юрты и слушает наш с баем разговор. Только нужно быть осторожным, чтобы бай, когда он будет входить и выходить, ничего не заметил. Как услышите какой из его приказов, то сразу же выполняйте. Бай будет мне говорить, что прикажет он класть в плов. Вы это берите из его припасов и кладите в казан. А казан отнесите за бугор и разведите там огонь. Но чтоб огонь отсюда не был виден, а то все сорвется...

Когда Сыкмар-бай вернулся в юрту, на его жирном лице гуляла хитрая улыбка.

– Почтенный Омирбек, как ты решил насчет плова?

– Плов – отрада для усталого и голодного, печального и грустного, – ответил Омирбек. – Даже святые никогда от него не отказывались.

– Значит, я приказываю взять казан и начать готовить плов? – едва сдерживая смех, произнес бай. – Скажи, на каком масле готовить плов?

– Я так люблю плов, что мне все равно, – проговорил Омирбек.

– Тогда – на конопляном! – сказал бай и ушел.

Омирбек услышал легкое движение за стеной юрты – значит приказ бая выполняется.

Прошло некоторое время, снова явился Сыкмар-бай и спросил:

– А какое мясо класть в твой плов? Говядину или баранину? Куриное или фазанье? Что ты больше любишь?

– Пусть будет баранина.

– Хорошо, я приказываю тотчас же взять лучшего бараньего мяса! – согласился Сыкмар-бай и, едва сдерживая смех, удалился.

«Он сейчас рассказывает баям, как глупец Омирбек пускает слюни в ожидании плова!» – усмехнулся Омирбек.

В юрту заглянул один из байских работников:

– Мы делаем все, как приказывает хозяин. И мясо взяли самое лучшее!

– Слушайте и дальше его приказания! – подмигнул работнику Омирбек. – Да не попадитесь ему на глаза!

– ...А из какого риса готовить плов? – спросил Сыкмар-бай спустя час, просовывая голову в юрту. – Из розового? Из белого? Из прозрачного?

– Все равно. Лишь бы плова было побольше, – ответил Омирбек.

– Тогда я прикажу взять рис розовый! – скряга скрылся, а из гостевой юрты донесся хохот.

И еще раз появился Сыкмар-бай, чтобы спросить у шутника, чего он больше любит а плове: кишмиш или урюк, и сколько сыпать в плов соли, и не добавить ли еще чего?

– Можю ничего не добавлять, – молвил Омирбек. – Впрочем, я сам пойду посмотрю – ведь плов вот-вот должен быть готов.

– Пойдем-пойдем, посмотрим, – согласился скряга. – Он уже стоит в нашей гостевой юрте!

«Вот было бы весело, если бы я пришел и усидел пустой дастархан!» – подумал Омирбек.

– Иди вперед, – сказал он, – а я совершу омовение и приду потом в гостевую юрту... Надеюсь, без меня к плову не сядут?...

– Не качнут, почтеннейший Омирбек, не начнут! – весело произнес Сыкмар-бай и, колыхаясь всем телом, поспешил к гостям: предупредить, что птичка попалась в силон и сейчас ее можно будет оттуда вынуть.

Но Омирбек направился за бугор, к кипящему казану. Плов был, действительно, уже готов. Омирбека ждали, и все с аппетитом принялись за еду.

Когда на дне казана осталось несколько горсточек риса, подошли Сыкмар-бай и несколько его друзей.

– Мы ждали тебя, Омирбек, ждали... – начал было бай, но, увидев еще дымящиеся угли под казаном, чуть не проглотил язык.

– У тебя такие хорошие работники, что даже не просили повторять приказаний дважды! – сказал Омирбек. – Выслушали твои приказы и сварили для меня плов, как для хана... Из розового риса, на конопляном

масле, с самым лучшим бараньим мясом... Спасибо тебе, бай! Может, ты чем-то недоволен? Плов был на славу, клянусь аллахом!

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЗОЛОТЫХ МОНЕТ

Через несколько дней Омирбеку надоела эта мелочная возня, он рассердился – время шло, а Сыкмар-бай по-прежнему не платил долга! – и решил, что пора проучить скрягу.

– Он не только мне заплатит, но еще станет посмешищем на все хивинское ханство, – сказал Омирбек друзьям. – Но вы должны помочь мне.

– Говори, чего ты от нас хочешь! – с готовностью согласились они.

...На другой день незнакомый и хорошо одетый жигит подскакал к юрте Сыкмар-бая. После положенных приветствий попросил скрягу о беседе наедине.

– Всем известна ваша бережливость, таксыр, – сказал жигит, когда остался с глазу на глаз с Сыкмар-баем. – Я не знаю ни одного человека во всем Хивинском ханстве, который бы был менее расточителен, чем вы. Аллаху было угодно призвать к себе моего отца Джавдат-бия, и мне осталось небольшое наследство...

– Сколько? – предчувствуя наживу, спросил Сыкмар-бай.

– Немного... Две тысячи золотых монет.

– И что же ты хочешь с ними делать, о достойнейший сын Джавдат-бия? – заискивающе произнес Сыкмар-бай.

– Я уезжаю путешествовать. А деньги эти решил оставить вам на хранение. Знаю, что из них не будет потрачена ни одна тилля!

– Мудрое решение! Сам аллах надоумил тебя! – воскликнул Сыкмар-бай.

И в это время в юрту вошел Омирбек. Увидев его, скряга недовольно произнес:

– Потом-потом, я занят.

– Ты каждый день говоришь «потом-потом», – проговорил Омирбек. – Сколько дней прошло? Я вот сяду здесь и не уйду, пока ты не отдашь мне моих ста золотых.

– Какие сто золотых? Ты с ума сошел! – закричал Сыкмар-бай. – Я тебе должен всего три монеты!

– Э-э, нехорошо, – покачал головой Омирбек. – Зачем обманываешь?

– Что случилось, господин? – забеспокоился жигит. – Почему вы не хотите отдать деньги этому человеку?

Сыкмар-бай растерялся. Он понимал, что если Омирбек сейчас же не уйдет, то сорвется большая сделка – две тысячи золотых! Но отдавать этому обманщику Омирбеку ни за что ни про что сто золотых – от такого огорчения заболеть можно! Впрочем, ведь потом можно будет доказать, что Омирбек обманщик, и получить золото назад.

– Я оставил этому уважаемому человеку, – тем временем рассказывал жигиту Омирбек, – сто золотых монет. Он сохранил их для меня, но вот никак не может отдать... Вы, почтенный, тоже хотите оставить ему деньги?

– Вот тебе сто монет, – доставая из сундука мешочек с золотыми, простонал Сыкмар-бай, – и уходи...

Омирбек поклонился и вышел из юрты.

– Хорошо, – сказал жигит, – завтра утром я приду с деньгами.

– А сегодня вечером я приглашаю вас попробовать молодого барашка, – сказал как можно радушнее Сыкмар-бай.

И вздохнул про себя: «На что только ни пойдешь ради двух тысяч монет!»

ВЕСЕЛЬЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ!

Вечером, за пловом, Сыкмар-бай решил сделать еще одну попытку посмеяться над Омирбеком. По его расчетам выходило, что Омирбек непременно станет посмешищем и спастись ему на этот раз уж никак не удастся.

Выдумка была проста: Сыкмар-бай попросил своих гостей приходить в юрту не сразу, а поодиночке. А Омирбека он повел в юрту первым и усадил на почетное место. Когда же по очереди входили байские приятели, то Сыкмар-бай говорил им:

– Садитесь выше Омирбека!

И они садились туда, куда им указывал хозяин, а Омирбек все дальше и дальше отодвигался от почетного места, пересаживаясь все ближе и ближе к выходу из юрты.

Сыкмар-бай был очень весел – Омирбека должны вот-вот вытеснить из юрты на улицу!

Но Омирбек сам, улучив момент, выскользнул на улицу. Он забежал в юрту одного из недавно приехавших родственников бая, переоделся, прикрепил седую бороду и вернулся в большую юрту.

– Садитесь сюда, ага! – сказал Сыкмар-бай, увидев незнакомого аксакала и приглашая его на почет-кос место.

И Омирбек сел туда, где он сидел вначале.

Дождавшись, когда все гости уселись за дастархан, Омирбек сорвал с себя шапку, седую бороду. Изумленный Сыкмар-бай только охнул, а шутки «сказал:

– Если кто-нибудь занимает место по праву, то никакой хитростью его оттуда не уберешь! И не забудь, почтенный Сыкмар-бай, веселье еще впереди!

Когда барашек был уже съеден, кто-то попросил Омирбека рассказать самую смешную историю, какую он знает.

И Омирбек рассказал, как он сегодня заставил Сыкмар-бая заплатить все свои долги ему, Омирбеку, и другим пастухам и работникам.

– Нам лишних денег не нужно, – сказал Омирбек. – Каждый взял столько, сколько ты был ему должен. Вот тебе обратно десять золотых, которые у меня остались...

– А как же... две тысячи монет? – все еще не веря в случившееся, проговорил Сыкмар-бай. И он обратился к сыну Джавдат-бия: – Ты же их привезешь завтра?

– Я решил не давать тебе их на хранение, – сказал жигит.

– Почему? – ужаснулся Сыкмар-бай.

– Причин много, – улыбнулся жигит. – Но хватит и одной, у меня за душой нет и половинки золотой монеты! Я такой же бедняк, как Омирбек! Я его друг Досназар по прозвищу Левша!

Но Сыкмар-бай не мог простить Омирбеку своего позора и долго искал случая, чтобы отомстить: в конце концов он послал одного из своих родственников ко двору самого Хивинского хана, к светлейшему и могущественнейшему кази, высшему духовному сановнику в ханстве, с подарком – мешком серебряных монет, А на словах родственник должен был передать, что известный шутник Омирбек говорит про наместника аллаха на земле – великого хана Хивы – разные нехорошие слова, и про гарем хана рассказывает всякие шутки, и даже над самим аллахом смеется и других смеяться заставляет.

А когда по хорезмийской дороге мимо юрты Сыкмар-бая проскакали стражники хана, то бай-скряга радостно улыбнулся – не иначе как за Омирбеком послал их великий! И он не ошибся.

Так Омирбек был привезен во дворец хана Хивинского...

Омирбек при дворе хана Глава пятая

Как встретился владетель Хорезма, хан Хивинский, с шутником Омирбеком, рассказывают по-разному.

Что правда, что нет – разве теперь разберешь?

Но народная молва склоняется все же к тому, что именно Сыкмарбай сунул голову Омирбека в пасть хану-самодуру. И то, что Омирбек остался цел и невредим, конечно, можно считать чудом. Так многие и говорили:

– Аллах спас нашего Омеке от хана и его палачей!

Говорить-то говорили, но не забывали, что аллах аллахом, а острый ум Омирбека и его природная смекалка тоже кое-чего стоят!

Когда Омирбека везли в Хиву, он по дороге все вспоминал – эх, знать бы, какие из шуток известны хану, а какие – нет? Все легче было бы!

...Спросили Омирбека:

– Как ты думаешь, каков собою великий хам Хивы?

– Говорят, у него уши на ногах, – ответил Омирбек.

– Откуда ты это взял?

– А как же! Рассказывают, что если просто так с ним разговаривать, то он ничего не слышит. Только когда к ногам кинешься, тогда и услышит... Значит, он слышит ногой...

В другой раз Омирбека спросили:

– Как сосчитать число друзей у властителя Хорезма?

– Э-э, сейчас их считать без толку, – ответил Омирбек. – Вот когда он лишится власти, тогда Друзей и видно будет...

...Омирбек всю дорогу гадал да прикидывал, как ему придется в Хиве, а потом махнул рукой – будь что будет!

КОНЬ ЛЕЖИТ НА БОКУ

Неизвестно, как пошли бы дела Омирбека в Хорезме, но в тот день, когда шутника доставили во дворец, могущественный кази – высший духовный сановник Хивинского ханства – находился в большой тревоге. Угроза смерти нависла над его единственным братом.

Дело в том, что десять дней назад заболел любимый конь хана.

Хан приказал:

– Лечите его как хотите, но если я услышу от кого-нибудь слова «конь издох», то не только отрублю голову принесшему известие, но и весь его род обезглавлю!

А утром конь издох.

За конем смотрел и каждый день лично сообщал о его здоровье хану родной брат кази.

Сегодня с утра брат уже чувствовал, как его голова постепенно отделяется от тела: приближался час, когда хан спросит о коне...

Кази растерялся, не мог ничего придумать. Ни одна спасительная мысль не приходила в голову.

И в это мгновение ему доложили, что в Хиву доставлен оскорбитель хана и святой веры – Омирбек.

– Сам аллах посылает нам этого нечестивца! – радостно воскликнул кази. – Немедленно приведите его ко мне!

Так Омирбек оказался в покоях кази.

Он выслушал рассказ про издохшего коня и улыбнулся:

– Я помогу! Нет ничего легче. Когда хан вас позовет, возьмите меня с собой! И говорить про коня буду я!

Когда Омирбек предстал пред очами великого хана, то кази сказал повелителю правоверных, что это один из врачей, которых пригласили к коню.

– Как чувствует себя мой конь? Лучше ли ему? – спросил хан Омирбека.

– Думаю, что лучше, – уклончиво ответил Омирбек. – Но аппетит у него пропал. Не ест и не пьет.

– Почему?

– Вероятно, потому, что неудобно пить и есть, когда лежишь на боку, раскинув ноги.

– На боку? – удивился хан. – Что с ним случилось?

– Скорее всего он дал обет воздержания от пищи и воды. Это же очень умный конь, выросший во дворце.

– Что за чудеса! – удивился хан. – Ведите меня, я хочу сам все увидеть!

Хан, кази, брат кази, Омирбек и еще придворные направились к конюшне.

Взглянув на мертвого коня, хан разгневался:

– Почему вы сразу не сказали, что конь издох, а заставили меня идти сюда?

– Владыка правоверных! – поклонился хану Омирбек. – Но ведь вы сами приказали: «кто произнесет слова «конь издох», у того слетит голова с плеч. Никто из ваших верных слуг не решился расстаться с головой, и вы первый сказали «конь издох».

Хаи внимательно посмотрел на Омирбека и произнес:

– Теперь я понимаю, почему ты появился во дворце. Мои приближенные не знали, как мне сообщить о мертвом коне и позвали тебя. Не Омирбек ли ты? Ты будешь жить при мне!

СМЕХ ИЛИ СЛЕЗЫ

Вскоре Омирбеку снова пришлось выручать придворных.

Однажды во двор, где хан обычно принимал гостей и который был заполнен ожидающими, вбежали двое слуг.

Один объявил:

– Правоверные! Плачьте! Скончалась любимая сестра великого хана!

– Правоверные! Радуйтесь! – объявил второй слуга. – По милости аллаха, сегодня у нашего великого хана родился сын!

Придворные растерялись: сейчас выйдет хан, нужно изобразить на лицах печаль или радость... Так что же делать – плакать или смеяться? Рождение сына – радость, большая радость, а смерть сестры, которую хан любил как самого себя – это горе... Как отгадать, что будет более по душе хану?

Одни говорили: будем радоваться и смеяться.

Другие настаивали: нет, нужно быть грустными, плакать.

Кази сказал:

– Чего мы гадаем? Спросим у Омирбека.

– Спокойно ждите выхода хана, – посоветовал Омирбек. – Если он выйдет веселым – начинай же смеяться. Если грустным – плачьте.

– Как быстро ты постиг премудрости придворной жизни! – воскликнул кази.

– В них нет ничего сложного, – ответил Омирбек. – Каждый раз, когда приходится вползать в шкуру придворного, я твержу себе: «Омеке, ты сейчас не человек, а хитрая тварь, которая заботится только о своей жизни и своем благополучии». Повторю так про себя раз десять, и тогда все становится легким.

ДРАГОЦЕННАЯ ДЖУГАРА

Один из придворных закашлялся. Все бы ничего, но он начал кашлять, когда хан спросил его о чем-то.

Хан был в плохом настроении и прогнал кашлюна со своих глаз, запретив вообще появляться во дворце.

Остальные придворные, среди которых особенно старались друзья и родственники изгнанного, громко восхваляли хана и возмущались поведением своего недавнего друга.

«О аллах, догадался бы хан меня выгнать из дворца – уж я бы так быстро убежал отсюда, что к вечеру был бы в Чимбае! – подумал Омирбек. – Придворный без дворца – неизвестно кто, а настоящему человеку лучше жить одному в степи, чем во дворце самодура».

Через несколько дней изгнанный придворный прислал слугу своего за Омирбеком.

– Мой хозяин – ростовщик, – объяснил Омирбеку слуга. – Его боятся только потому, что он приближен к хану. А теперь, когда все узнали, что он выгнан из дворца, его дела пошли плохо... Помогите нам, Омирбек, – верните ростовщика во дворец, но за это возьми с него столько денег, чтобы хоть самые бедные из его должников смогли расплатиться с этим кровопийцей... Помогите, Омирбек!

Омирбек пошел к ростовщику, и после долгих торгов они сговорились. Ростовщик должен был оплачивать все расходы Омирбека, а кроме того, если дело удастся и хан сменит гнев на милость, Омирбек получает расписки двадцати самых бедных должников.

– А уж что ты будешь делать с этими должниками – не моя забота, – сказал ростовщик.

– Приготовь мне имена тех двадцати, кого нужно будет выручить, – уходя, сказал Омирбек слуге ростовщика. – Не пройдет и недели, как хан снова призовет своего верного слугу во дворец...

На базаре Омирбек разыскал золотых дел мастера и сделал ему необычайный заказ: нужно было вычеканить из золота початок джугары, а вместо зерен вставить в него мелкие жемчужины.

– И чтоб этот початок джугары на первый взгляд нельзя было отличить от обычного! – сказал Омирбек.

Через три дня заказ был готов. Мастер выполнил все пожелания заказчика.

Омирбек явился к хану и показал ему початок.

– Почему он такой тяжелый? – спросил хан и принялся рассматривать золотую джугару. – О-о, где ты достал его? Это же чудо из чудес!

– Повелитель правоверных, мне привез этот початок купец из Персии. Самое чудесное то, что этот жемчуг нужно сеять как зерна самой обычной джугары – в землю. И они дадут такой же драгоценный урожай!

У хана от жадности глаза загорелись:

– Повелеваю тебе посеять джугару!

– С большой радостью, великий хан, – поклонился Омирбек. – Но, как всегда при всяких чудесных делах, и тут тоже есть свои условия...

– Какие?

– Эти семена только тогда дадут урожай, если их будет сеять человек, который в жизни ни разу не кашлял! При вашем дворе много таких. Стоит вам приказать, они быстро сыщутся!

– Найти такого человека легко! – сказал уверенно хан и созвал всех придворных.

– Но если он хоть раз в жизни кашлянул – то ничего не выйдет! – напомнил Омирбек.

– Кто же из вас может посеять волшебную джугару? – спросил хан, оглядывая толпу придворных. – Если она не взойдет – голову сниму!

Все молчали и поглядывали друг на друга.

После того как хан спросил во второй раз, а потом и в третий, к ногам повелителя Хивы упал кази и сказал:

– О мудрейший из великих! Мы все готовы отдать тебе свои головы! Наша жизнь принадлежит аллаху и тебе! Но среди всех людей, живущих на земле, не найдется ни одного, который хоть раз не кашлянул бы!

– Да, припоминаю, – молвил хан, – и я кашлял... когда-то в детстве.

– Зачем же тогда наказывать того, кто случайно закашлялся? – спросил Омирбек.

Хан подозрительно посмотрел на Омирбека, но шутник спокойно выдержал его взгляд. Изгнанному ростовщику разрешено было снова бывать при дворе.

...А Омирбек собственноручно уничтожил расписки двадцати наиболее бедных должников.

ВРИ, ДА НЕ ЗАВИРАЙСЯ!

Однажды кази выехал по поручению хана в одно из селений и взял с собой Омирбека.

Это селение стояло на берегу Аму-Дарьи, в очень красивом месте.

Кази встретили богато и торжественно. Но когда было подано угощение, то кази гневно посмотрел на гостеприимного хозяина:

– Ведь ты знаешь, что наш великий хан запретил в этом месяце резать баранов и ловить рыбу! Почему же ты угощаешь нас бараниной?

Хозяин сначала смутился, но потом нашелся и ответил:

– О великомудрый кази! Никто не убивал этих баранов – их зарызли шакалы. Мои пастухи отняли их у шакалов, но бедные барашки уже едва дышали – вот и пришлось их зарезать!

– Тогда другое дело, – спокойно вздохнул кази и благословил пищу.

Но тут же увидел жареную рыбу и снова грозно сдвинул брови:

– А рыба как попала сюда?

Хозяин растерялся и не смог ничего сказать.

– Ее... тоже... шакал... – пробормотал он.

– Э-э, врать – ври, но не завирайся, – тихо сказал хозяину Омирбек. – Откуда взялся водяной шакал? Надо было сказать, что ее покусала речная выдра...

ЛЕНЬ И ГЛУПОСТЬ

Про другого придворного Омирбек говорил, что он ленив и глуп, как его бывший пир.

– Мой бывший пир мог спать целыми днями. У него был один родственник, который тоже любил поспать. Однажды они спали в камышовом шалаше и шалаш почему-то загорелся. Родственник закричал:

– Спасите, горю!

А мой пир сказал:

– Э-э, раз уж начал кричать, то почему за меня не крикнул?

...С ним был еще такой случай: он был в гостях в дальнем ауле, привязал своего коня возле юрты. За ночь приморозило, и конь покрылся инеем, стал белым.

– Мой конь ночью убежал! – закричал пир, проснувшись. – Где мой конь?

Была послана погоня в степь.

Но тут взошло солнце, иней растаял, и конь снова стал прежним.

– Но тот, о ком я говорю, – снова повторил Омирбек, – ленивее и глупее моего пира.

ТЫ ПРАВ!

Омирбек стоял во дворе дворца, среди тех, кто ждал хана, разговаривал с братом кази, как вдруг к нему подошел один из придворных, который давно уже хотел как-то уязвить Омирбека.

– Я не знаю, о чем ты тут говоришь, – произнес придворный, но вижу, что ты говоришь неправду – уж очень сильно размахиваешь руками!

– Ты прав, – ответил Омирбек, – я как раз тебя хвалил!

КАК ОМИРБЕК НАШЕЛ СВОЕГО КОНЯ

Тот самый придворный, которого так низко оценил Омирбек, был одним из любимцев хана.

Он из кожи лез, чтобы только посрамить шутника.

Запомнив историю про коня, придворный решил повернуть ее против Омирбека.

Как-то раз, когда Омирбек вместе с другими людьми хана отправился на той к одному из хивинских ростовщиков, коня он взял у приятеля. А когда Омирбека спросили, какой корм давать его коню, то он не смог узнать – какой же конь его. Забыл!

Этого только и нужно было придворному. Он стал утверждать, будто Омирбек от дворцовой жизни настолько ослаб памятью, что уже даже своего коня путает с другими.

– Ведь прежде-то он ездил только на ишаках! – добавил придворный, смеясь.

Тогда Омирбек решил придумать, как же ему найти своего коня! Увидев на стене ружье, он схватил его и выбежал во двор с криком:

– Я убью своего коня!

Тотчас же все кинулись за ним и каждый схватился за своего коня, чтобы он не пострадал от выстрела. Только один конь остался без хозяина – конь Омирбека. А это шутнику и нужно было.

– Я раздумал стрелять! – сказал он и вернулся в дом.

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Однажды рано утром Омирбек подставил к любимому персиковому дереву хана лестницу и уже наполовину на нее взобрался, когда в сад вышел хан.

Хан рассердился и сказал:

– Если ты доберешься до персиков, то я отрублю тебе голову. Если ты начнешь спускаться по лестнице вниз – я затравлю тебя собаками. Если останешься стоять на месте – объявлю тебя воров и отрублю обе руки!

Омирбек тотчас же спрыгнул с лестницы на землю и весело сказал:

– Выбираю четвертую возможность – остаюсь живым и целым!

– О аллах, я этого не предусмотрел! – покачал головой хан.

БУХАРСКАЯ РЕПА И ХИВИНСКИЙ КАЗАН

К хивинскому двору приехал купец из Бухары. Он так расхваливал всякие бухарские диковинки, что все только языками цокали от удивления и восхищения.

– Есть у нас растение по имени репа, – продолжал бухарец. – Это удивительное растение!

– Чем же оно удивительное? – спросил Омирбек.

– В тени этой репы могут остановиться на отдых сорок всадников, и еще останется много свободного места. – ответил купец. – А если ее выкопать из земли, то понадобится тысяча человек, которые смогут ее катить, – такая она круглая и большая!

– Интересно, – произнес Омирбек. – А вот у нас в Хорезме сейчас по заказу великого хана сорок мастеров куют казан...

– Что же это за казан такой? – удивился бухарец.

– Двадцать мастеров куют его с одной стороны, а двадцать – с другой. И таких размеров этот казан, что одни мастера не слышат, как работают другие...

– Зачем же нужен такой большой казан? Что в нем варить будут? – поинтересовался бухарец.

– Э-э, разве ты не понял? – рассмеялся Омирбек. – Твою бухарскую репу! Ведь в другой казан она не поместится!

ПЕЧАЛЬНОЕ СХОДСТВО

В дворцовой мечети, слушая кази, который читал молитву, Омирбек горько заплакал.

Вечером во дворце кази сказал хану:

– Удивительно, как такой простой человек Омирбек вникает в сущность священных слов, как он их чувствует!

Хан подозревал Омирбека и передал ему слова кази.

– Только не говорите нашему святому кази правды, а то он огорчится, – сказал Омирбек. – Я плакал потому, что его борода и голос очень напоминают моего любимого козла, который умер в прошлом году.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Хан очень любил, когда ему на ночь что-нибудь рассказывали. Веселые истории очень ему нравились, и он заставлял Омирбека каждый вечер придумывать все новые и новые шутки.

Особенно хан любил длинные сказки. Только Омирбек замолкал, хан тотчас же приказывал:

– Дальше... Что было дальше?

Это так надоело Омирбеку, что он решил избавиться от обязанностей сказителя.

Очередную историю он начал так:

– У одного уважаемого муллы мак хранился в большом глиняном сосуде. Крышка у сосуда была такая плотная, что и комару во внутрь не пролететь. Но однажды от старости или по какой другой причине глина треснула. Тоненькая родилась трещинка, но по одному комару пробраться уже можно. Комар прилетел, схватил маковое зерно и улетел... Как известно, наши чимбайские комары очень любят мак, а почему – никто не знает... Прилетел комар в тугай с маковым зерном. Другие комары это увидели, им завидно стало. Полетели, нашли треснувший сосуд с маком. Второй комар вытащил маковое зерно и полетел в тугай. Потом третий комар пролез сквозь трещину...

Так Омирбек добрался до сорокового комара.

Хан сердито молвил:

– Это я уже слышал, а что было дальше?

– Дальше? Дальше был сорок первый комар. Он подлетел к трещине, взял маковое зерно...

– Что было дальше?!

– Дальше? Сорок второй комар...

– Ну, а чем это все кончится? – закричал потерявший терпение хан.

– До конца еще далеко. Сначала комары перетащат весь мак по одному зернышку в тугай...

- А большой был этот сосуд с маком?
- С юрту.
- Уходи, не хочу больше тебя слушать! – сказал хан. – А еще говорят, что Омирбек никогда не рассказывает скучно! Хватит!
- Слушаюсь, великий хан! – и довольный Омирбек пошел спать.

ДЛИННЫЕ УШИ

Любил хан задавать всякие коварные вопросы своим придворным. Например:

- Почему у ишаков и зайцев уши длинные?

Когда такой вопрос был задан Омирбеку, он тут же придумал сказку.

– Когда аллах создал мир и всех животных, то у ишака и зайца были самые обычные маленькие уши. Но создать мир – это полдела, нужно всему и всем дать имена. Аллах трудился день и ночь, давая имена львам, слонам, тиграм, собакам, мухам и змеям. Дал он имена и зайцу с ишаком, но ишак в этот момент увидел молоденькую ишачиху и уже ни о чем думать, кроме нее, не мог и кроме нежного ее «иа-иа» ничего не слышал. А заяц бегал в степи и слова аллаха пропустил мимо ушей.

Когда аллах закончил свои дела и уже ложился спать, заяц с ишаком спохватились и пришли выпрашивать себе имена.

– Так я уже назвал вас, – удивился аллах. – Где вы были в это время? Нет, повторять я ничего не буду, живите без имен.

Но ишак и заяц так слезно молили аллаха, что всемогущий разжалобился:

- Ты – ишак, а ты – заяц. И уходите, не мешайте мне отдыхать!

Ишак и заяц разбежались в разные стороны, каждый по своим делам.

Но, как на грех, заяц встретил шакала и так испугался, что даже имя свое забыл.

А ишак снова начал думать о молоденькой ишачихе. Когда он про нее думал, то забывал обо всем на свете, мог часами стоять посреди дороги или лежать в траве, и никакая сила не могла его сдвинуть с места.

Через несколько дней ишак и заяц снова вернулись к аллаху, чтобы он напомнил им их имена.

Тогда аллах рассердился:

- В третий раз говорю: ты – ишак, ишак, ишак!

И, приговаривая эти слова, аллах потянул ишака за уши. Они вытянулись, стали такими, какими вы их сейчас видите.

Так же было и с зайцем – того аллах вообще ухватил сначала за одно ухо, а потом и за другое.

От этого у некоторых зайцев до сих пор одно ухо длиннее другого.

ЛОЖНАЯ ДРУЖБА

Были при дворе два друга – судья и палач. Они так крепко дружили, что даже сыновья их ни на минуту не расставались.

А бедняки, когда им удавалось поговорить с Омирбеком, всегда жаловались на судью с палачом.

– Они один другого покрывают, грабят нас, а яму сажают, выкупов требуют. Что делать? Поссорь их, Омирбек. Нам хоть легче будет на некоторое время!

– Друзья-то они только потому, что воруют и обманывают вместе, – сказал Омирбек. – Таких друзей поссорить легко.

На следующий день в присутствии всех придворных Омирбек подозвал к себе сына палача и сделал вид, будто говорит ему что-то на ухо. Но он только шевелил губами и не произнес ни звука.

Потом сказал так, чтобы стоящие рядом отчетливо услышали:

– Только прошу тебя – никому об этом не говори, понял?

Сын палача в недоумении отошел от Омирбека.

Зерно было посеяно и начало быстро прорастать.

Через час сын палача встретился со своим другом – сыном судьи, и тот, умирая от любопытства, спросил его:

– Что тебе сказал Омирбек?

– Ничего.

– Э-э, не хочешь сказать? Мне – лучшему другу?

– Клянусь аллахом – ничего не говорил!

– И еще аллахом клянешься? А раньше ты от меня ничего не скрывал! Может, говорил про моего отца?

– Да нет, клянусь тебе – ничего он не говорил!

– Так почему же тогда Омирбек просил тебя хранить тайну, если он тебе ее не сказал?

– Сам не знаю!

– Ты меня обманываешь!

И друзья поссорились.

На их ссору обратили внимание отцы.

Но и своему отцу сын палача ничего рассказать не смог.

Палач в конце концов ему поверил, а вот судья своему другу палачу – нет.

– Ты от меня скрываешь какие-то слова Омирбека... – сказал он. – Видно, он про меня говорил, и ты решил меня сторониться...

Слово за слово – судья с палачом поссорились так, что разбили всю посуду, на которой было подано угощение.

Судья теперь боялся брать взятки – считал, что палач следит за ним. А палач боялся судьи.

И беднякам, которые платили прежде и тому и другому, стало немного легче.

КУРЯТНИК

На каком-то тое придворные решили подшутить над Омирбеком и сговорились между собою, чтобы каждый принес по одному куриному яйцу.

И в разгар угощения вдруг один из придворных сказал:

– Давайте играть в курятник! Кто снесет яйцо – тот выиграл, кто – нет, тот проиграл!

Каждый гость вытащил заранее припасенное яйцо и положил его перед собою.

– Ну, а где же твое яйцо, Омирбек? – спросили придворные.

– Но ведь, почтенные, мы играем в курятник? – усмехнулся Омирбек. – Должен же тогда быть среди стольких куриц хоть один петух?

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Говорят, что хан одно время даже поручал Омирбеку воспитывать своих детей.

Но Омирбек обучал их не чтению и письму – то и другое он сам знал плохо, – а... бегу.

Он заставлял детей хана бегать каждый день по двору и иногда так гонял их, что они еле-еле стояли на ногах.

Сначала детям нравилась такая учеба, но так как ноги с непривычки болели, они начали на Омирбека жаловаться.

Кази вызвал к себе Омирбека и спросил:

– Зачем ты мучаешь детей пресветлого хана?

– Для их же пользы, – ответил Омирбек. – Ведь если с ханом что-нибудь случится – враги его победят или на его место кто-либо другой сядет, то его детей спасет только умение быстро бегать. Самое главное для них, чтоб они сумели удрать. Разве я не прав?...

КАК ОМИРБЕК ЧУТЬ НЕ СТАЛ СВЯТЫМ

Омирбеку не только приходилось на своем веку придумывать святых, но и сам он однажды чуть не стал святым, однако вовремя спас голову...

Хан однажды спросил Омирбека:

– Как ты думаешь, кто более велик: святой или вера в него?

– О мудрейший из справедливейших, – поклонился Омирбек. – Конечно, вера.

– Но если бы не было святых, разве существовала бы вера? – удивился хан. – На этот раз ты ошибаешься, Омирбек!

– Нет, о справедливейший из мудрых, мы сами придумываем себе святых и пророков, начинаем верить в них и забываем о том, что мы их сами придумали.

– Не хочешь ли ты сказать, что святые люди к пророки – это лишь выдумка? – ужаснулся хан.

– Они родились из-за нашей веры, – уточнил Омирбек, – вера – их мать и отец.

При этом разговоре присутствовали ученые, приехавшие по приглашению хана из Кокайда, Бухары и Самарканда. Только им и обязан был Омирбек сохранением своей жизни – в другое время хан не потерпел бы возражений и произнес бы свои любимые слова: «Убрать недостойную голову с плеч этого достойнейшего».

Но тут хан вынужден был притвориться покровителем наук и даже возражения Омирбека выслушивал с улыбкой.

– Мы, мусульмане, поклоняемся аллаху и его пророку, но ведь не пророк, а сам аллах посылает нам благоденствие, – вновь заговорил Омирбек. – Значит, хоть слава пророка велика, но вера в аллаха еще выше.

– Ты можешь это доказать? – спросил хан. – Иначе...

– Не продолжай, о справедливейший из владык, – поклонился Омирбек. – Я понял... Наши ученые гости, сосуды мудрости и знаний, будут жить у нас почти месяц, и за этот срок я докажу свою правоту... Если, конечно, мне выдадут на расходы сто монет.

Хан милостиво согласился, и казначей передал Омирбеку мешочек с деньгами.

...На следующий день Омирбек взял свои рваные сапоги, вышел из дворца. За городом закопал сапоги в песок, положив в них записку:

«Сапоги Омирбека из Чимбая».

Затем он насыпал небольшой курган и положил наверх три камня. Чем не могила?

На базаре приятели Омирбека познакомили его с дряхлым муллой, который давно бедствовал и согласен был на любую работу.

– Я стал уже никому не нужен, – шепелявил мулла. – За свою жизнь я создал три мечети, а вот теперь ем сухие лепешки, размачивая их в арыке.

– Создашь четвертую мечеть и получишь большие деньги, – сказал ему Омирбек. – Но делай только то, что я тебе буду говорить!

– Аллах послал тебя мне за мои молитвы! – запричитал старый мулла.

Он готов был молиться на кого угодно, лишь бы ему за это платили.

Омирбек отвел его на «могилу» своих сапог.

– Здесь ты будешь молиться и принимать приношения верующих, – сказал Омирбек. – Здесь начнешь строить мазар святого Диншаха. Чем он знаменит? Возле его могилы в песке появляются монеты... Но находить их может только тот, кто верит в Диншаха и провел возле его могилы не меньше десяти дней... Понял, почтеннейший?

– Понял, понял... – затряс бородашкой мулла. – Но откуда тут будут появляться деньги? Не из песка же?

Омирбек потряс мешочком с монетами над ухом муллы.

– Вай, я уже слышу поступь святого Диншаха! – заголосил старик. – Когда я слышу звон денег, то готов поверить в любое чудо! Кто же будет закапывать их в песок – ты, достойнейший, или я, недостойный?

И в глазах муллы сверкнули алчные огоньки.

– Я привык творить чудеса сам, – сказал Омирбек. – А твое дело – молиться! Вот две монеты, чтобы ты не умер от голода. И не отлучайся отсюда ни на шаг! Если будешь делать все, как я тебе говорю, – получишь через месяц пятьдесят золотых!

– Буду, буду, буду! – мулла бросился на песок и стал отбивать поклоны Омирбеку.

...Через день Омирбек уже узнал, что святого Диншаха растерзали враги. Оказывается, святой хаджи Диншах предпочел расстаться с жизнью, чем изменить вере. И аллах сотворил чудо – капли крови святого, упавшие на песок, превращаются в монеты. И с той поры каждый год монеты появляются в песке на могиле Диншаха в месяц его смерти.

Через неделю старый мулла уже не мог управиться с потоком приношений и нанял себе двух слугителей помоложе.

Они построили шалаш, а каменщики приступили к строительству мазара над могилой святого.

Через две недели небольшой мазарчик уже был возведен, и толпы верующих копались вокруг в песке. Иной раз, если ночью накануне прогуливался здесь Омирбек, находились и монеты.

Какой шум тогда поднимался! И сразу же шла молва, что не один и не два человека нашли по одной монете, а сто человек отыскивали по сто монет каждый!

Слава о Диншахе разнеслась по всей Хиве.

Кое-кто из придворных побывал у мазара и, захлебываясь от восторга, рассказывал другим о тамошних чудесах.

Наконец сам хан изъявил желание самолично осмотреть мазар.

Отправились всем двором. Поехал и Омирбек – как раз миновал месяц с того дня, когда он начал спор с шахом.

Ученые самаркандские, бухарские, кокандские ехали и удивлялись – откуда этот Диншах появился? Вроде бы нет о нем упоминаний в книгах...

А возле мазара уже шумел базар и колыхалась огромная толпа.

И старый мулла начал строить четвертую в своей жизни мечеть.

Хан и придворные, а за ними и ученые на колени перед мазаром стали, один Омирбек остался стоять.

– Почему не кланяешься? – спросил хан.

– Если я сейчас поклонюсь, о повелитель правоверных, то вам придется признать, что я был прав, – сказал Омирбек. – Вера превыше всех святых.

Хан разгневался:

– А как ты докажешь это? Вон сколько людей стоят на коленях перед святым! А ты, нечестивец, все еще упорствуешь! Сколько чудес сотворил Диншах! А ты упрямисься! Прошел месяц со дня нашего спора. И я сейчас прикажу палачу отрубить тебе здесь же, не сходя с

места, голову и сделаю тебя святым Омирбеком! Ты будешь возлежать рядом с самим Диншахом. Мечтал ты когда-нибудь о такой чести?

– Лучше я буду нищим на этом свете, чем святым на том, – ответил Омирбек.

– Тогда доказывай свою правоту немедленно! – приказал хан. – А то поздно будет!

– Святой Диншах, – сказал Омирбек, падая на колени. – Даю обет: если я сегодня останусь жив, то уйду из дворца в свой аул!

– А-а, и ты поверил в силу святого Диншаха! – засмеялся хан. – Но это тебя не спасет! Эй, палач!

Палач уже стоял тут как тут – у него были старые счета с Омирбеком, и он дожидаться не мог, когда отделит ему голову от туловища.

– Разрубить меня вы всегда успеете, повелитель правоверных, – спокойно сказал Омирбек и встал с колен. – А пока посмотрите на мое доказательство...

И он попросил старого муллу раскопать могилу Диншаха.

Придворные возмутились, но хан, предвкушая казнь, был в хорошем настроении и махнул рукой – копайте!

Раздались крики удивления, когда старый мулла поднес хану два старых сапога.

– Там... больше ничего не было... О повелитель!.. – пробормотал он испуганно.

– Это мои сапоги, – сказал Омирбек. – В них и записка моя лежит. Вот и весь святой Диншах! Я закопал сапоги месяц назад, нанял этого старика молиться, ну а остальное... Да что говорить – верующий поверит во что угодно, хоть в двусапожного Диншаха!.. И уже моим сапогам кланяются ученые и... о мудрейший, даже ханы! Так что святого я могу вам сделать из чего угодно – была бы вера!

– Ну, если в меня не будут верить, – грозно сказал хан, – то меня будут бояться, а это тоже чего-нибудь стоит... Я отпускаю тебя, Омирбек! Поезжай к себе и служи нам так же верно!

И грустный палач, вздохнув, отошел в сторону.

А радостный Омирбек тотчас же скрылся в толпе.

И снова аул, юрта, друзья Глава шестая

Омирбек боялся, что милость хана – только маска, и властитель Хивы все-таки хочет рассчитаться с ним за дерзкий язык.

Поэтому шутник добирался к себе в родной аул кружным путем и в каждом встречном хивинце подозревал подосланного убийцу.

Но зато, вернувшись домой, он вздохнул полной грудью.

– Омирбек, это правда, что, когда ты приехал в Хиву и тебя спросили «Какой сегодня год?», то ты ответил: «Я первый раз в вашем городе и ваших дней и месяцев не знаю?».

– Правда, правда, – соглашался Омирбек. – Все, что ни говорят обо мне, все чистая правда. Я столько глупостей наслушался в Хиве, что теперь родная глупость кажется мне мудростью!

О жизни в Хиве Омирбека спрашивали многие, но он отделялся шутками, вероятно, ему было неприятно вспоминать самодура-хана и всю прочую придворную грязь.

– Вай, Омирбек, мой сын проглотил мышонка, vi o в таких случаях делают в Хиве? – спрашивал сосед.

– В Хиве в таких случаях мальчика тотчас гке заставляют глотать кошку, – смеялся Омирбек.

– А как ты считаешь, – спрашивал шутника другой сосед, – в Хиве большая разница между простым мясником и муллоу?

– Такая же, как и у нас в Чимбае.

– Какая же?

– У мясника скотина сначала испускает дух, а потом он сдирает с нее шкуру, а мулла сначала сдерет с тебя пять шкур, а потом уж разрешит испустить дух!

ДВЕ МУЗЫКИ

Один известный музыкант пригласил Омирбека в гости, посадил на самом почетном месте и начал играть для него.

Он перебрал самые различные инструменты – най, дутар, кобыз, гирджек, танбур, – и на всех он играл великолепно.

Попутно он объяснял, кем и когда та или иная музыка была сочинена, кем и где был сделан тот или иной инструмент.

Хозяин надолго увлекся, а Омирбек все чаще начал поглядывать в сторону кухни.

После того как хозяин еще раз сыграл на всех инструментах, которые были в доме, он спросил гостя:

– Омирбек, звуки какого инструмента вам больше всего понравились?

– Сытому нравится одна музыка, а голодному – другая, – ответил Омирбек. – Сначала мне очень нравился дутар, а сейчас самыми лучшими звуками для меня были бы удары в казан.

ТИШЕ, ТИШЕ!

Омирбек и Досназар-Левша зашли на постоянный двор. Им хотелось есть, и они взяли у хозяина несколько вареных яиц.

Разбив их, увидели, что яйца порченые.

– Из них скоро цыплята вылупятся! – рассердился Досназар.

– Тише, тише! – замахал руками Омирбек. – Если твои слова услышит хозяин, он потребует с нас денег еще и за цыплят!

ЖАДНЫЙ ХОЗЯИН

Как-то раз один очень жадный хозяин угостил Омирбека маленьким кусочком мяса.

Положив мясо перед собой, Омирбек не стал его есть.

– Что случилось? – удивился хозяин.

– Очень горячее мясо.

– Так ты подуй на него!

– Боюсь, что если я дуну, оно улетит в степь, – ответил Омирбек.

Тот же хозяин, угощая Омирбека в другой раз, положил ему на лепешку малюсенький кусочек жареной печени.

Омирбек стал утирать слезы.

– Что с тобой? – заволновался хозяин.

– Бедный я, несчастный! – проговорил, всхлипывая, Омирбек. – Глаза мои слабы стали...

– Плохо видишь, что ли? – спросил хозяин.

– Да. Лепешку вот вижу, а печенку – нет...

ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ

У одного бая жена родила ребенка через три месяца после свадьбы.

– Надо мной все смеются, помоги как-нибудь! – попросил бай Омирбека.

– Нет ничего легче, – ответил Омирбек. – Сколько времени прошло со дня свадьбы?

– Три месяца.

– А сколько времени прошло, как твоя же «а вышла замуж»?

– Тоже три.

- Вот уже шесть. А сколько времени ребенок был в утробе матери?
- Три месяца.
- Вот тебе и девять месяцев! И чего люди смеются, не понимаю, – удивился Омирбек. – Все нормально.
- Ой, спасибо тебе! – обрадовался бай. – А го я уж начал волноваться.

ГОВОРЯЩИЙ ИШАК

Чимбайский мулла любил курить терьяк-опиум – это знали все. Но курил он тайно и поэтому был уверен, что никто о его грехах и не догадывается.

Омирбек как-то сказал мулле:

- Почтеннейший, я бы взялся выучить говорить вашего ишака. Мы потом сказали бы правоверным, что аллах явил чудо – дал речь бессловесной твари. Какие дары потекли бы тогда к вам!

Мулла очень обрадовался этому предложению и отдал ишака на целый год в обучение к Омирбеку.

В ауле только и разговоров было – выучит Омирбек ишака человеческой речи или нет?

Спорили об этом и на базарах, и в степи, и в юртах.

Миновал год. Омирбек свел ишака на базар, продал, а потом явился к мулле и сказал:

- Почтеннейший, твой ишак оказался очень умным. Он почти сразу же заговорил так, будто и не был никогда ишаком, а с детства разговаривал по-человечески.

- Так где же он? – воскликнул радостно мулла.

- Вай, почтеннейший, – грустно молвил Омирбек. – Мне пришлось его убить.

- Почему? За что?

- Он начал болтать о тебе всякие гадости: будто ты и терьяк куришь, и ругаешься, и не всегда намазы творишь... Он ведь пока рядом жил, всякого насмотрелся... А уши у него – во! – все слышат. Да еще ишачья привычка возводить напраслину на ближнего своего... Другого выхода не было – и я его убил. Иначе он бы тебя ругал, не переставая.

- И правильно сделал, – обрадовался мулла. – Не печалься, Омирбек, может, в^ другой раз тебе попадетсЯ в учение более порядочный ишак!

ТАКОЙ У МЕНЯ ХАРАКТЕР!

Однажды Омирбек сидел в юрте богатого баю.

А в это время к баю явился какой-то его приятель. Бай, забыв об Омирбеке, начал всячески ухаживать за вновь пришедшим.

Когда его приятель ушел и бай снова уселся рядом с Омирбеком, тот не выдержал и спросил:

– Оказывается, для тебя не все гости одинаковы. Разве так поступают хорошие хозяева?

Побаиваясь острого языка Омирбека, бай не хотел ссориться с ним и начал его успокаивать.

– У меня такой уж характер: если я вот так, как ты сейчас видел, проявляю к гостю очень большое уважение, это значит, что я его не уважаю, а просто выпроваживаю. А вот если я веду себя сдержанно и скромно – как с тобой – значит проявляю самое душевное уважение.

– И у меня такой же дурацкий характер! – радостно воскликнул Омирбек, схватил свою палку и начал бить баю.

– Ой, ай! Что ты делаешь, Омирбек? – кричал хозяин, не успевая уворачиваться от ударов. – Зачем ты меня бьешь?

– Я тебя бью – значит люблю, – сказал Омирбек. – А если не бью – значит я тебя не могу терпеть!

Говорят, что после этого бай неделю ходить не мог.

ПОЛОВИНА СНА

Сидели в юрте друзья Омирбека и рассказывали свои сны.

Дошла очередь до Омирбека.

– Я видел сон, который оказался вещим только наполовину, – сказал он.

– Как так? – удивились друзья.

– Снилось мне, будто я нес на плече мешок с золотом и от этой тяжести плечо сильно болит.

– Ну, ну? Проснулся, а золота только полмешка?

– Нет, когда раскрыл глаза, мешка не было, а вот плечо болит до сих пор.

ГДЕ ОНА ЕЩЕ НАЙДЕТ ТАКУЮ ЖИЗНЬ?

Однажды, когда жене Омирбека очень надоела нищета и житье впроголодь, она спросила мужа:

– Омирбек, ты умный, ты все знаешь, скажи, пожалуйста, когда от нас уйдет бедность?

Омирбек рассмеялся и ответил так:

– Ты давно живешь со мною, а все еще плохо разбираешься в жизни! Ну, посуди сама: ты – хозяйка добрая, тихая, я тоже не буян, живем мы спокойно, со всеми в ладу – зачем бедности уходить от нас? Ей здесь уютно. Разве мы ее обижаем или оскорбляем? Где она еще найдет такую жизнь?

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Досназар-Левша долго пропадал где-то и не заворачивал к Омирбеку много месяцев.

Однажды он приехал и был принят как самый близкий родственник.

Омирбек бегал от юрты к юрте: занимал рис, масло, мясо. Один сосед дал казан, другой – чай, третий – курицу, четвертый – яйца.

После плова Досназару постелили лучшую постель.

Оставили его гостить и на другой день.

Правда, плова Омирбек сделать уже не смог – не у кого было занимать рис и масло, но он зарезал свою последнюю курицу, сварил из нее бульон, а мясо курицы обжарил в остатках вчерашнего жира.

– Что послал аллах – то и есть, – стесняясь бедного угощения, сказала жена Омирбека, подавая еду.

Гость остался и на третий день.

Съестного в юрте уже ничего не оставалось – даже хозяевам есть было нечего.

– Чем я буду его угощать? – стонала жена. – Какой позор – в доме крошки для гостя нет!

– Ничего, все будет хорошо, – сказал Омирбек.

Омирбек отвязал стоящего возле юрты досназаровского коня и громко позвал жену:

– Дорогая, мы уезжаем! Возьми с собой кое-что из вещей и садись сюда меня!

С этими словами он вскочил на коня. Конь громко заржал.

Досназар проснулся и выбежал на улицу:

– Эй, Омирбек, что это значит? Куда ты собрался на моем коне?

– Как куда? – переспросил Омирбек. – Раз ты переехал жить к нам, то мы переезжаем в твою юрту – только и всего! Поторопись, жена!

ТВОЙ РЕБЕНОК ОЧЕНЬ ТОРОПЛИВ

Когда жена чимбайского чайханщика через два месяца после того, как отгуляли свадьбу, родила мальчика, многие приходили поздравлять родителей.

Пришел и Омирбек. Он принес свои подарки – бумагу и карандаш. Положил их у изголовья люльки.

Чайханщик поблагодарил Омирбека, а потом, улучив момент, спросил:

– Скажи, почтенный, не рано ли такому младенцу дарить бумагу и карандаш?

– Нет, – сказал Омирбек. – Твой ребенок очень тороплив. Если путь в девять месяцев он совершил за два месяца, то еще через пять месяцев он в школу пойдет \ Вот тогда ему и пригодятся бумага и карандаш!

СЫН ОМИРБЕКА

Однажды какой-то жигит, боясь ума и языка самого Омирбека, захотел одержать верх хотя бы над его маленьким сыном.

Улучив момент, когда сам Омирбек спал, а сын его гулял возле юрты, жигит подошел к юрте и спросил:

– Скажи, отец твой дома?

– Отец спит, – ответил мальчик.

– Хорошо. Когда он проснется, передай ему, что приходил его друг и принес ему в подарок одеяло. Одеяло такое большое, что когда один конец одеяла я держал в руке, второй был на том берегу Аму-Дарьи.

– Э-э, – сказал мальчик, сообразив, что жигит хочет подшутить над его отцом, – разве это подарок?

Вашего одеяла не хватит даже на одну заплатку к тому маленькому паласу, которым отец покрывает ноги!

Жигит очень смутился и быстро ушел – а вдруг еще и сам Омирбек проснется?

Вернувшись с работы в поле, Омирбек лег отдохнуть и сказал своему сыну:

– Я так устал, что даже чая пить не могу. Выплюсь, тогда попью. К тому времени вскипяти воду. \

Через час сын разбудил отца и спросил:

– А как я узнаю, выспался ты или нет?

ТЕСНАЯ ЛЕЖАНКА

После неожиданной смерти жены Омирбек недолго ходил холостяком и женился во второй раз. Взял он в жены бездетную вдову, женщину хозяйственную и добрую.

Но по первое время у них часто вспыхивали ссоры из-за того, что жена хвалила своего первого мужа, а Омирбек не оставался в долгу и хвалил свою первую жену.

Однажды Омирбек до того рассердился, что столкнул жену с лежанки.

Жена на другой день пошла к аксакалу с жалобой на Омирбека.

– Он не считается со мною, обижает меня, – сказала она, заливаясь слезами.

Аксакал позвал к себе Омирбека и строго спросил его:

– Почему же ты столкнул свою жену с лежанки? Разве так поступает правоверный мусульманин?

Омирбек ответил:

– Почтеннейший, посуди сам: разве четыре человека могут поместиться на такой узкой лежанке? Вот жена и не поместилась!

– Какие четыре человека? – удивилась жена. – Там, кроме нас, никого больше не было!

– Ой-бой! – воскликнул Омирбек. – Ты что, до четырех считать не умеешь?

– Какие же это четыре человека? – спросил аксакал.

– Я, моя покойная жена, моя нынешняя жена и ее покойный муж! – загибая пальцы на руке, перечислил Омирбек.

...Я БЫ ЗАСТРЕЛИЛ СЕБЯ!

Однажды Омирбек вышел ночью из юрты и увидел возле овечьего загона какого-то человека.

«Видно, это вор, который не знает, что у меня давно нет ни одной овцы!» – подумал Омирбек и крадучись вернулся в юрту.

И решил проучить вора – взял ружье, которое оставил у него один жигит, тихо, чтобы не спугнуть незваного гостя, выбрался из юрты.

Прицелился, выстрелил.

Вор упал. Омирбек подобрался к нему, держа ружье наготове. А вдруг он притворяется?

И увидел... свою рубашку, которую жена повесила сохнуть!

Посреди рубашки, на самой груди, чернело пятно – выстрел был метким.

– Кажется, мне первый раз в жизни повезло, – сказал Омирбек жене, которая, услышав выстрел, выбежала из юрты. – Ведь если бы в рубашке был я, то я бы застрелил самого себя!

КАК НУЖНО ЕСТЬ КАТЫБЫЛАМЫК

Что такое катыбыламык? Густая похлебка из муки, что-то вроде мучной каши. Перед едой в миске с катыбыламыком делают ямку, куда наливают масло. Иногда катыбыламык подавали в больших мисках, из которых ели сразу двое, а то и трое.

Когда Омирбек пришел в гости к Досназару-Левше, то жена Досназара решила сделать катыбыламык.

Омирбек чувствовал себя несколько виноватым: он не смог придти на похороны отца Досназара, а также не смог он и поздравить его с рождением дочки... Зимой стояли морозы, идти было не в чем. Но разве это уважительная причина для того, чтобы не явиться к другу?

Катыбыламык был подан в большой миске. Большая ямка среди катыбыламыка была до краев наполнена маслом. Досназар-хитрец провел от ямки к себе две глубокие канавки и сказал:

– Отец умер, ты не пришел – раз, дочь родилась, ты не пришел – два...

Все масло потекло в его сторону.

«Так мне, пожалуй, ничего и не достанется, – подумал Омирбек. – С хитрым и вести себя нужно хитро!»

И он сказал:

– Ты видал, сколько снега нанесло? Знаешь, какой разлив будет в эту весну? Обычно Аму течет так, – Омирбек провел из ямки с маслом глубокую борозду к себе. – А теперь у нее станет сразу несколько протоков, – и Омирбек сделал в свою сторону еще несколько канавок, одна из которых брала начало прямо из борозды Досназара.

Все масло медленно потекло теперь в сторону Омирбека.

Досназар не остался в долгу:

– Это верно. Разлив будет большой. Может так получиться, что весь снег начнет быстро таять и во» степь покроется водой... И вода эта потечет прямо в Арал – ведь земля имеет наклон к Аралу, к морю...

С этими словами Досназар сильно наклонил миску к себе, и масло, конечно, потекло в его сторону.

«Э-э, а я не люблю катыбыламык без масла! – вздохнул про себя Омирбек. – Придется, видно, добиться ничьей...»

– А ты знаешь, почему я тебя обидел, почему не пришел на похороны отца, почему не пришел на рождение дочери? – начал Омирбек печально. – Как только я собрался идти, поднялась такая метель, такая вьюга, так все закрутило кругом, – и Омирбек несколько раз перемешал катыбыламык, чтобы показать, как крутила вьюга в тот день.

– Да, видно, крутила вьюга здорово, – сказал Досназар, наблюдая, как масло смешивается с кашей. – Нет, чтобы крутить потише...

ОСТАЛОСЬ СОВСЕМ НЕМНОГО

У Омирбека издох ишак.

Вскоре после этого события Омирбек на дороге нашел ишачью подкову.

Он осмотрел ее внимательно и воздел руки к небу:

– О аллах! Если ты послал мне подкову в утешение, то будь великодушным до конца. Дело начато, и я прошу у тебя совсем немного: сделай так, чтобы я нашел еще три подковы и одного ишака! Только и всего, ну что тебе стоит?

КОНЕЦ СВЕТА И ДЕНЬ СТРАШНОГО СУДА

Соседи любили задавать Омирбеку различные вопросы.

Однажды его спросили:

– Скажи, Омирбек, когда наступит конец света? Ишан говорит, что он наступит через сто лет. Мулла в Чимбае сказал, что на все воля аллаха. А как ты думаешь – когда это случится?

– Какое мне дело, что говорил ваш ишан-пешан-мешан или мулла-булла-тулла! И расчеты аллаха меня не интересуют! – рассердился Омирбек. – Для меня лично конец света наступит, когда я умру.

– А когда наступит день страшного суда? – спросил богатый бай Омирбека.

– А когда ты умрешь и наследники будут делить твоё имущество!

КАК, КОГДА И КОГО НАКАЗЫВАТЬ

В длинный зимний вечер собрались в юрте Омирбека соседи, друзья, родственники – просто так, поговорить, поспорить, послушать шутки хозяина.

Зашел разговор о пользе наказаний.

Одни говорили, что нужно наказывать очень строго и всех без разбора: виноват – получай.

Другие утверждали, что главное заключается в точном выборе наказания: каждый проступок должен наказываться по-своему.

– Если один и тот же будет виноват дважды, каждый раз его нужно наказывать по-иному!

Потом все замолчали – ждали, что скажет Омирбек.

В этот момент Омирбек заваривал чай. Сын его сидел рядом. Неожиданно Омирбек звонко – и, видимо, больно – шлепнул сына по лбу.

– За что ты его ударил? – спросил кто-то из родичей.

– Это я наказал его за то, чтобы он не разбил свою пиалушку! – ответил Омирбек.

– Как же можно наказывать заранее! – зашумели гости.

– Ведь он же ее еще не разбил!

– Что пользы наказывать после совершения проступка? – усмехнулся Омирбек. – Все равно пиала будет разбита... Но если разобьет, то получит еще столько же. И теперь он знает, что его ждет!

Опять загорелся спор: справедливо поступил Омирбек или нет.

– Это очень умная и трудная наука – как, когда и кого нужно наказывать, – сказал Омирбек. – В этой науке нужно хорошо разбираться...

– Это легко, – возразил кто-то. – Кто виноват – того и нужно наказывать.

– Нет-нет, – засмеялся Омирбек, – так у вас ничего не получится... Вот, к примеру, убежала у Досназара корова – сорвалась с привязи. А теленок был рядом привязан – и остался, не смог убежать. Кого нужно наказывать?

– Конечно, корову!

– Ничего подобного, теленка, – сказал Омирбек. – Потому что он подрастет и тоже будет убежать, глядя на свою мать. А так он на ее поступки и глядеть не захочет.

Все посмеялись над рассуждениями Омирбека, а он привел другой пример.

– Вчера коза соседа забралась в мой огород, – произнес Омирбек. – Моя жена кинулась ее бить. А в это время подошла к нам и сама соседка.

И тогда я крикнул своей жене: «Не козу бей, а ее хозяйку, тогда она будет привязывать ее лучше и коза к нам больше не заберется!»

– Ты прав, как всегда, Омирбек! – весело сказали гости.

СИЛЬНЕЕ ВСЕХ

Какой-то жигит, сильно проголодавшись в пути, остановился в юрте Омирбека отдохнуть.

Уплетая поданное угощение, жигит говорил Омирбеку так:

– Сильный человек ест много, слабый человек ест мало... У сильного аппетит большой, а у слабого – маленький...

Жигит ел так быстро и так много, что в конце концов Омирбек почтительно сказал ему:

– Ох, какой ты сильный! Наверное, сильнее все» других жигитов нашей степи!

– А как ты догадался? – самодовольно спросил жигит.

– Очень просто: ты съел все, что было в нашей юрте, – ответил Омирбек.

ЭХ, ПОГУБИТ МЕНЯ ТОРОПЛИВОСТЬ!

У Омирбека было любимое присловье:

– Эх, погубит меня торопливость!

Когда спросили, почему он так говорит, Омирбек рассказал такую историю: трое бедняков договорились вместе вспахать землю.

Один взялся найти лемех для плуга, другой – плуг, третий – борону.

Тот, который взялся найти лемех, еще зимой ушел его искать и пропал на всю весну и на все лето.

Оставшиеся двое посеяли и убрали урожай, а он все еще где-то бродил.

Когда друзья отсыпали зерно для будущего посева, он вернулся. Сбросил лемех на землю, оглядел приготовленные семена и сказал:

– Слава аллаху, кажется, к севу я поспел... Эх, и спешил же я...

Вытер пот и добавил:

– Эх, погубит меня когда-нибудь моя торопливость!

ЯБЫ

Стоял Омирбек у дороги. Мчались по ней какие-то всадники. Они грубо спросили:

– Эй ты, скажи, где дорога ябы?

Ябы – это один из подродов у каракалпаков. Любой мальчишка знает, как проехать к ябы. Но слово «ябы» имеет еще и иное значение – рабочая лошадь. Поэтому Омирбек, обидевшись на всадников, прикинулся малоумным и сказал, указывая пальцем на колею от колес арбы:

– Вот дорога ябы.

– Быстро отрубите голову этому болтуну! – приказал старший из жигитов.

– Зачем быстро, когда можно это сделать и медленно, – сказал Омирбек. – А еще лучше – потихоньку, не торопясь...

Кто-то из жигитов засмеялся.

– Дайте по голове этому ишаку! – снова приказал старший.

– Давайте-давайте, на обратном пути сможете взять головы обратно, – сказал Омирбек, на всякий случай отскакивая в сторону.

– Да он несмышлениш! – догадался один из жигитов. – Не стоит тратить на него время!

И грубияны ускакали, так и не узнав правильного пути.

ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ

Один бай, давно поверявший надежду посмеяться над Омирбеком, все-таки никак не мог примириться с тем, что Омирбек когда-то ловко высмеял его.

И придумал бай такую хитрость: проверить память Омирбека.

Он шел мимо юрты Омирбека и спросил:

– Что ты хотел бы сейчас съесть?

– Яйцо, – ответил Омирбек.

Бай ушел и пришел к юрте Омирбека ровно через два года.

Хозяин, как обычно, сидел у порога.

– А с чем? – спросил бай, словно продолжая тот, начатый два года назад, разговор.

– С солью, – ответил Омирбек.

НЕ ХВАТАЕТ САМОЙ МАЛОСТИ

Ишан из Муйнака начал строить себе мазар – могильный памятник. Когда он был готов, ишан повел туда друзей и спросил их:

– Как вы считаете – мазар хороший? Или в нем чего-то еще не хватает?

– Не знаю, что ответили его друзья, – сказал Омирбек, когда ему рассказали об этом. – Но я бы ответил ишану так: «Все в порядке, не хватает только самой малости – вашего благословенного пребывания внутри!»

ВОСПИТАННИК ОМИРБЕКА

Неизвестно, правда это или нет, но про Омирбека рассказывают такую историю.

У жены одного богатого бая родился сын.

Бай был рад наследнику, но ему казалось, что ребенок растет слишком медленно. Созвал бай лекарей, хабибов. Никто не берется ускорить рост ребенка.

– Это может сделать только один человек – Омирбек, – сказали баю.

И бай послал за Омирбеком своих жигитов.

– Ты все знаешь, все умеешь, сам Хивинский хан тебя любит, помоги мне. Хорошо заплачу за это, – сказал бай, когда к нему прибыл Омирбек.

– А что нужно делать? – спросил Омирбек.

– Найди такие травы для моего сына, чтобы он рос быстрее.

– Можно помочь, – сказал Омирбек. – Только чтобы собрать эти травы, нужно несколько лет. А за это время ты со своим сыном не должен видиться. Иначе лекарство не подействует! Пусть лучше он живет у меня!

Бай согласился, дал Омирбеку денег, и тот унес байского сына к себе в юрту.

И мальчик стал расти вместе с детьми Омирбека и других бедняков.

Бай занимался своими делами и о наследнике почти не вспоминал.

Прошло, как говорят, семнадцать лет.

Омирбек пришел к баю и сказал:

– Я уже собрал все травы, которые нужны для быстрого роста, и твой сын выпил их настой. Теперь посмотри, как он вырос!

И ввел в юрту семнадцатилетнего юношу.

– Чудеса! – воскликнул бай.

...Если вы услышите в степи старинные истории о Турехан-бае, бае справедливом и добром, то знайте, что это и есть воспитанник Омирбека.

КОЗА И КОЗЕЛ

Омирбек не мог видеть вокруг себя скучные лица.

Он сразу придумывал какую-нибудь шутку, веселил собравшихся занятой историей, мог и посмеяться над кем-либо.

Даже на похоронах какого-нибудь богатея, когда все вокруг превозносили добродетели почившего, Омирбек не мог удержаться от того, чтобы не вспоминать о том, как покойный обманывал при жизни бедных и как грабил ближних своих.

Поэтому Омирбека старались на богатые похороны не приглашать – мало ли что он выкинет. Один раз, когда хоронили чимбайского муллу, Омирбек такую шутку выкинул, что до самого вечера все пересмеивались, и обряд похорон был нарушен.

И на этот раз, когда умер один богатый бездельник, родственники его пришли к Омирбеку и очень просили его не приходить на похороны.

– Не делай покойного посмешищем, – просили они.

– Он был глупым, вздорным человеком, – сказал Омирбек, – и как у вас языки повернутся возносить ему хвалу и обманывать аллаха, выпрашивая для него местечко в раю?

– Ну что поделаешь, дорогой, уважаемый Омирбек, – оправдывались жигиты, – таков обычай, ты же знаешь.

– От вредных обычаев нужно отвыкать, – произнес Омирбек. – Нет, не просите меня – все равно приду.

– Если ты останешься дома, то мы дадим тебе козленка, – наконец пообещали жигиты.

– Хорошего, годовалого козленка?

– Да, откормленного годовалого козленка. Только не срывай обряд...

Омирбек согласился, и жигиты облегченно вздохнули.

...Когда же начался плач по покойному, в юрту вдруг тихо вошел Омирбек.

Жигиты, которые приходили к нему, продолжая причитать, сердито покосились на вошедшего.

Омирбек сделал им успокаивающий знак и тоже начал причитать:

– Вай-вай-вай, тот козленок, которого вы мне обещали, вай-вай-вай, мы не договорились, вай-вай-вай, будет ли он козлом, вай-вай-вай, или козой, вай-вай... Если козел, вай-вай... то я не согласен, вай-вай...

– Вай-вай, пусть будет коза, вай-вай, только молчи, вай-вай, – ответил один из жигитов.

Но так как слова Омирбека уже заставили всех присутствующих насторожиться, ответ жигита вызвал громкий общий хохот, и обряд был сорван.

– Надо договариваться сразу обо всем, – усмехаясь, оправдывался Омирбек. – Козленок, козленок... Если бы сказали – коза, сразу бы все было ясно... Сами виноваты.

ПЯТЬ БАРАШКОВ ЗА МОЛЧАНИЕ

Один бай созвал гостей на большой той, и среди приглашенных оказался Омирбек.

По тому, как Омирбек нахмурился, глядя на некоторых приглашенных, хозяин понял, что у шутника есть к этим людям свои счеты. И очень испугался, что острые шутки Омирбека в адрес этих почтенных людей могут сорвать той.

Тогда бай подошел к Омирбеку и стал его просить:

– Почтенный, посиди сегодня молча, не открывай рта. Я тебе за это дам пять барашков.

Омирбек рассмеялся:

– Я за свои шутки никогда не получал такой награды, а теперь только за то, что молчу, могу стать богатым!

И он согласился.

К великому удивлению гостей, Омирбек просидел весь той молча, и когда его спрашивали, что с ним, то показывал на горло – охрип, мол.

Той прошел так, как этого хотел хозяин, гости разошлись.

– Где мои барашки? – спросил Омирбек.

– Хватит с тебя и одного, – сказал бай и приказал привести Омирбеку самую плохую овцу.

– Э-э, – покачал головой Омирбек, – не то обидно, что я поверил богатому. Жалко, что столько смеха мы упустили... Улыбка и шутка – это не бараны, если они упущены, их не поймаешь!

* * *

Иной раз до того туго приходилось Омирбеку и его семье, что хоть ложись и умирай от голода. И в соседних юртах было не лучше – даже родные помочь не могли, самим есть нечего.

Тогда Омирбек брался за любую работу, хотя он в ней и разбирался мало.

– Э-э, голод заставит и зайца на кобызе играть, – говорил Омирбек.

Однако с годами он многому научился: мог рвать зубы, подковывать ишаков, шить седла, писать письма – всего и не перечислишь.

* * *

У одного торговца разболелся зуб. За настоящим табибом-врачом нужно было ехать чуть ли не в Муйнак, поэтому и позвали Омирбека.

– Ты вырвешь зуб и получишь за это курицу, – уславливаясь о плате, сказал больной.

Омирбек пробыл у больного долго, а когда вернулся домой, то все выбежали его встречать: он нес по две курицы в каждой руке.

– Он заплатил тебе вместо одной курицы четыре? – спросила жена.

– Нет, – улыбнулся Омирбек. – Эта жадина никогда бы этого не сделала.

– Так откуда же у тебя четыре курицы?

– Я вместо одного вырвал у него четыре зуба. Рвать так рвать.

– Однако болел-то у него только один?

– А что лучше: одна курица или четыре?

– Конечно, четыре. Но пять лучше четырех!

– Э-э, как будто я сам не знаю! Но у него и было-то всего четыре зуба!

* * *

Случилось так, что попросили Омирбека написать письмо.

– Если бы ты был баем, – сказал Омирбек, – я бы написал тебе двадцать писем. Но ты такой же бедняк, как я...

– И поэтому ты не будешь писать?

– Нет.

– Для богатого все, а бедняку – ничего?

Омирбек озорно усмехнулся и доверительно произнес:

– Скажу тебе по секрету, что у меня ослабли ноги.

– Разве ты пишешь ногами?

– Я пишу как и все – рукой, но прочесть написанное могу только я сам. Поэтому мне нужно идти в тот аул или город, куда адресовано письмо, чтобы его там прочесть адресату. А я сейчас не могу идти – ослаб. Понял, наконец?

– Но почему же ты пишешь письма, когда тебя просят баи?

– Наплевать мне на их письма – вот я их и обманываю. А своих братьев обманывать не хочу...

* * *

Об Омирбеке ходили слухи, что он может писать всякие чудесные молитвы претив болезней и разных недугов.

Один путник пришел к нему и сказал:

– Я слышал, что у тебя есть молитва, предохраняющая от собачьих укусов. Напиши ее для меня, а то у нас в ауле столько бродячих собак – прохода нет!

Омирбек пошел в юрту и вынес оттуда палку.

– Лучшая молитва против собак – это толстая палка! – сказал Омирбек.

* * *

Пришлось Омирбеку однажды шить попону для верблюда.

Он ее сшил как сумел. Когда хозяин стал набрасывать попону на верблюда, она оказалась мала.

– Что делать? – вздохнул Омирбек. – У тебя какой-то особый верблюд. У него не два горба, не один, а полтора...

БЕЗ ИШАКА

У Омирбека – уже в который раз! – украли ишака.

– Расскажи, как его у тебя украли? – спрашивали друзья, приятели и даже совсем незнакомые люди.

– Что за глупость вы у меня спрашиваете? Я ведь не приходил за ним вместе с вором! Откуда же я могу знать, как его украли? – смеялся Омирбек.

Но потом ишака нашли, и все очень обрадовались.

А еще через месяц он сдох.

Омирбек очень переживал его гибель. Родственники даже были возмущены его горем, говорили:

– Когда умерла первая жена, так он и то грустил меньше!

– Вы же сами в этом виноваты, – сказал Омирбек. – Когда умерла моя любимая жена, вы все утешали меня, говорили, что вместо нее вы найдете и приведете ко мне в юрту еще лучшую женщину... А когда издох мой ишак, то никто и не сказал, что мне приведет взамен нового ишака.

ГОРЯЧАЯ ШАУЛЕ

Что такое шауле? Негустая рисовая каша с мясом, луком, маслом и морковью. Если моркови нет – все равно хорошо. Лука нет – тоже сойдет. Ну, а если масла и мяса нет? Тогда рисовая каша должна быть такой горячей, чтобы она обжигала рот и нельзя было понять, что в ней есть, а чего нет.

Вот однажды Омирбек и Досназар-Левша пришли в гости к одному из своих общих приятелей.

Хозяин поставил перед друзьями кипящую шауле и стал приговаривать:

– Отведайте, пока не остыла, а то она вкус потеряет... Ешьте, почтенные гости...

Путь приятели проделали немалый, проголодались, и поэтому особенно их уговаривать не пришлось.

Левша отправил в рот шауле, но она так обожгла его, что из глаз брызнули слезы.

– Э-э, отчего ты плачешь? – настороженно покосившись в сторону дымящейся миски, спросил Омирбек.

«Если я ему скажу правду, – подумал Левша, – то он надо мной будет смеяться...»

– Знаешь, друг, – сквозь слезы сказал Досназар. – Мне показалось, что с семьей моего дяди произошло несчастье... Словно видение мелькнуло: они все лежат в юрте больные. Вай-вай-вай.

– А-а, – промолвил Омирбек и тоже запихнул себе в рот горсть шауле.

– О-о-о-о! – раскачиваясь, простонал он.

Когда Омирбек пришел в себя и смахнул рукавом слезы, Досназар участливо спросил:

– Отчего ты плакал, почтенный Омирбек?

– Мне привиделось, что вся семья твоего дяди умерла.

ПО ОДНОМУ!

Омирбеку в старости стало трудно взбираться на ишака.

И каждый раз он шутливо призывал какого-нибудь святого на помощь:

– О святой Хизр, помоги сесть на это дьявольское отродье!

А когда удавалось взгромоздиться на спину длинноухому, то говорил:

– Вот как меня любят на небе! Всегда помогают!

Однажды Омирбек почувствовал себя так плохо, что решил сразу обратиться ко всем силам небесным:

– О аллах, помоги сесть на ишака!.. О Магомет, подтолкни меня!.. О святой Хизр, подними меня!

И он так сильно оттолкнулся ногой, что перелетел через ишака и упал на землю.

– Ну, это уж слишком большая помощь! – воскликнул Омирбек. – В другой раз помогайте мне не все вместе, а по одному!

НИКОГДА НЕ ИЗМЕНЯЛ СВОЕМУ СЛОВУ

Как-то раз Омирбека спросили:

– Сколько тебе лет?

– Пятьдесят один, – ответил Омирбек. Прошло лет пять, и Омирбеку снова задали тот же вопрос.

– Пятьдесят один год, – снова ответил Омирбек.

– Омирбек, – удивились друзья, – ведь пять лет назад тебе уже был пятьдесят один год?! Как же так?

Омирбек ответил:

– Каждый уважающий себя мужчина должен держать свое слово! Раз сказал «пятьдесят один», то не будь балаболкой и не говори следующий раз «пятьдесят пять» или «шестьдесят». Я никогда не изменю своему слову, вы же меня знаете!

СИЛА МОЛОДЫХ ЛЕТ

Однажды, когда в юрте собрались друзья Омирбека, зашел разговор о молодости и старости.

Говорили, что и силы уже не те, что глаза видят хуже, да и слух пошаливать стал.

Один только Омирбек тихонько посмеивался.

– Чему ты улыбаешься? – спросили его.

– Тому, что я, хотя мне, как вы знаете, пятьдесят один год, сохранил силу молодых лет.

– Как ты это можешь доказать?

– Очень просто. Вы все знаете большой камень, который лежит на повороте дороги?

- Знаем!
- Ну, так я в юности не мог его поднять.
- А сейчас?
- И сейчас не могу. Значит, моя сила осталась прежней.

НЕ УМЕР ЛИ Я?

Омирбек заболел. К нему зачастили друзья, родственники, даже незнакомые, проходя мимо юрты Омирбека и узнав, что он болен, заходили проведать.

И каждый, как мог, утешал его, убеждая, что он вот-вот выздоровеет, встанет на ноги.

Однажды за день в юрте побывало более ста человек.

Омирбек позвал жену и сказал:

- Не умер ли я? Посмотри хорошенько, очень тебя прошу...

- Что за глупости ты говоришь! - воскликнула жена. - Почему это тебе пришло в голову?

- Ты же знаешь, что живыми обычно у нас мало интересуются, но стоит только умереть - откуда только народ появляется. Когда я был здоров, то к нам заходили в день всего несколько человек. А если люди ко мне валом валят, значит я тяжело болен. Ну а если с утра до вечера в юрте народ толпится, - то, наверное, я уже умер...

Вместо послесловия Анекдоты Омирбека и некоторые вопросы сатирико-юмористического фольклора

1

Бурное развитие сатирических и юмористических жанров в советской литературе последних лет - явление весьма и весьма характерное.

«Здоровый народ не может обойтись без смеха», - много веков тому назад сказал великий французский сатирик Франсуа Рабле.

Статистики, которым все известно, подсчитали, что ежедневно (включая субботы, воскресенья и праздничные дни) в нашей стране в 1969 году выходило в среднем три целых и одна десятая юмористических и сатирических книжки. Это - басни, стихи, юморески, эпиграммы и шаржи, альбомы карикатур, коллективные сборники, репертуар для эстрады и самодеятельности, выпуски многочисленных

библиотечек («Крокодил», «Перец», «Вожик», «Муштур: «Нианги» и т. д.).

Как правило, тиражи этих книг громадны и уступают лишь тиражам детской, детективной и приключенческой литературы. Несмотря на это, купить в магазине что-либо из сатиры и юмора трудно – здания расходятся почти мгновенно.

Особенно большие успехи достигнуты в сатирической и юмористической прозе. Появление многих десятков веселых романов и повестей (в то время как лет двенадцать – тринадцать назад лицо сатирической и юмористической прозы определяли «короткометражные» жанры – рассказы, юморески, фельетоны) – яркое доказательство возмужания, верный признак выхода на новые идейные и качественные рубежи.

Громадное значение имеет и то, что советская веселая проза многонациональна.

Если лет двадцать назад основным стилевым направлением юмористическо-сатирического романа был курс, проложенный блистательными произведениями И. Ильфа и Е. Петрова, то в последние годы появились произведения, которые раскрыли перед прозаиками веселого цеха новые жанровые возможности, расширили творческие горизонты.

Примечательно, что эти новые пути развития сатирической и юмористической прозы открыла нам украинская литература многотомным романом Александра Ильченко «Казацкому роду нет переводу или Мамай и Огонь-молодица». Стилевой его ключ определен в подзаголовке: «Украинский озорной роман из народных уст».

В чем же заключаются новаторство и теоретические открытия романа Александра Ильченко? В чем причина его успеха в нашей стране и за рубежом (несмотря на чудовищную сложность перевода и большой объем – лишь первый том 50 печ. листов – он уже выдержал много изданий на различных языках)? Почему он может считаться знаменательной вехой в развитии советской сатирической и юмористической прозы?

Причина первая: новаторство жанровое. В советской литературе это первый и пока единственный ЮМОРИСТИКО-САТИРИЧЕСКИЙ РОМАН-ЭПОПЕЯ, то есть качественно новый жанр (в «серьезной» прозе его первооткрывателем является Лев Николаевич Толстой, роман-

эпопея которого «Война и мир» оказал гигантское влияние на всю мировую литературу).

Причина вторая: роман синтетичен, то есть определить его однорядово («юмористический», «сатирический», «лирический», «приключенческий») невозможно. Хотя в основе его и лежит сатирико-юмористическое зерно («озорной роман»), но в нем на равных правах существуют и процветают мелодрама, героика, романтика, публицистика, сентиментальность. Философия и фантастика, приключения я бурлеск, лубок и лирика, сатира и кобзарские думы, любовная лирика и балаган, пародия и детектив, репризы и средневековые мистерии – все это дало а результате такой озорной, шальной, задорный сплав, что нельзя не удивиться смелости художника, соединившего в одном романе столько, казалось бы, несовместимых (да так оно и считалось прежде!) жанров, при этом оставаясь исторически точным в трактовке и описании событий, в деталях эпохи.

Максим Рыльский, величайший знаток философии, литературы, истории, фольклора, эрудит, академик, классик украинской литературы, так сказал о романе Ильченко:

– Химерическая игра фантазии! И одна из самых жизнерадостных книг на свете!

Батько Максим так был восхищен романом, что сам написал для его первого тома стихи и песни.

Ильченко успешно доказал, что «синтетический метод» – то есть вживление в юмор и сатиру всего арсенала изобразительных средств, которые до сей поры считались принадлежностью других родов, видов и жанров литературы, – явление прогрессивное и открывает перед сатириками и юмористами неограниченные возможности.

Итак, новаторство романа Ильченко заключается в блестящем доказательстве синтетичности самой природы юмора. А это открывает перед прозаиками – сатириками и юмористами – непочатый край возможностей.

И, наконец, причина третья: роман Ильченко строится на фольклорном каркасе, его стержнем является **ФОЛЬКЛОРНЫЙ МОТИВ**. Именно обращение к истокам народного творчества и позволило автору добиться такого яркого успеха.

Виртуозное использование богатого героико-комического фольклора (казак Мамай – основной герой романа – персонаж ряда

украинских дум и сказок) дало Ильченко возможность создать для своей эпопеи колоритнейшую канву из лукавства и озорства, баек и прибауток, использовать все оттенки народного юмора, извлечь «на гора» глубокие залежи старых украинских «усмишек», веселых обрядов, сказок, легенд.

Появление романа А. Ильченко знаменовало и еще один важный этап в советской сатирической и юмористической прозе: резкое повышение интереса к фольклорной первооснове, к народным истокам смехотворчества.

Все чаще и чаще начали выходить в свет книги, сюжеты которых разрабатывают различные фольклорные мотивы. Среди них много повестей, посвященных героям юмористического народного творчества (белорусскому весельчаку Нестерко, казахскому Алдар Косе, карелу Кумохе и т. д.), татский писатель Хизгил Авшалумов (Дагестан) издал «Новеллы о хитроумном Шими Дербенди», в Ташкенте вышла повесть о Палван-Качале – знаменитом сатирическом герое кукольного театра и т. д.

Заметно расширилась география изданий фольклора – вышли сборники юмора грузинского, уйгурского, туркменского, азербайджанского, латышского и т. д.; собрание зарубежного юмористического творчества (иранское, польское, индийское, немецкое, арабское, американское, чешское и т. д.), современного анекдотического фольклора (сборники Ю. Мусабеков а, выпуски «Физики шутят» и «Физики продолжают шутить» и т. д.), заново переизданы анекдоты, приписываемые Навои (Мирали), Насреддину, Кэmine, Балакиреву и другим.

Активные пропагандисты юмористического фольклора киевские издательства «Днипро», «Радянський письменник» и «Наукова думка» издали большое количество анекдотов и побасенок, притч и шуток (сборники, составленные И. Березовским, И. Аргемчуком, Г. Григорьевым).

Кроме того, в Киеве выпущен в свет – впервые в СССР – фундаментальный сборник анекдотов всех времен и народов «Книга веселой мудрости» (составитель Илья Доля-Попов). Эта книга, как и предыдущие сборники (например, «Антология украинского анекдота»), несомненно представляет собою большой вклад в юмористику, в теорию анекдота.

Сами факты собирания и систематизации народного юмора и сатиры, творческая разработка этого богатства говорят о серьезной и фундаментальной работе, которую, наряду с писателями, ведут и многие ученые.

Сейчас едва ли в каком-либо высшем учебном заведении найдется кафедра языка и литературы, где бы не разрабатывались фольклорные темы, где бы не готовились диссертации, исследования, посвященные вопросам народного творчества.

Словно вспомнив о том, что забвение юмористических и сатирических фольклорных традиций всегда приводило к неудачам, драматурги, сценаристы: авторы радио и телевидения взяли за усиленную эксплуатацию масок скоморохов, Насреддина, Петрушки и других народных весельчаков.

Повышенный интерес к народному юмору, разумеется, всячески следует приветствовать. Взаимообогащение и взаимовлияние фольклоров различных народов наиболее плодотворными будут лишь тогда, когда фольклор станет всеобщим достоянием. Поэтому появление каждого нового сборника анекдотов – явление знаменательное: еще какой-то пласт фольклора поднят, освоена очередная пядь фольклорной целины.

А выход в свет на русском языке каракалпакских анекдотов примечателен вдвойне.

Во-первых, русский читатель (а посредством русского языка и многие любители веселых жанров в других республиках) впервые приобщатся к каракалпакскому юмористическому и сатирическому фольклору.

Во-вторых, публикуемые анекдоты приписываются народной традицией наиболее популярному в каракалпакском фольклоре юмористическому персонажу – Омирбеку-лаккы, то есть шутнику Омирбеку.

Таким образом, читатели познакомятся не только с рядом новых для них анекдотов и шуток, но и о новым, доселе неизвестным героем.

А ведь новые юмористические герои появляются не каждый день и даже не каждый год. Такие встречи редки. Они всегда – событие на фольклорном фронте.

Появление Омирбека-шутника в шеренге уже широко известных веселых народных героев – Насреддина, Нестерки, Алдара Косе,

Мушфики, Жиренше, Кэmine, Будамшу, Майсары и других – именно такое событие.

2

В истории каждого народа бывали мрачные годы, годы, о которых и вспоминать страшно.

В эти годы тяжелых испытаний и проявлялись особенно ярко жизнеспособность, стойкость, сплоченность, взаимопомощь и другие основополагающие свойства национального характера.

История знает случаи, когда народу запрещалось веселиться (например, печальной известности указ царя Алексея Михайловича против скоморохов) и даже улыбаться (один из потомков Чингис-хана самолично давал «добро» на каждую улыбку, а тот, кто улыбался по собственной инициативе, расставался с головой). Однако убить шутку, острое словцо, веселую сказку не удавалось никому и никогда. Народный юмор – как воздух. Он всюду – в поговорках, пословицах, присловьях, загадках и прибаутках, в песнях, анекдотах, бывальщинах.

Каракалпаки – народ трудной судьбы.

Достаточно сказать, что в XIX веке о них еще писали (Чокан Валиханов) как о племени многочисленном и могучем, а уже в начале двадцатого века голод и болезни настолько опустошили каракалпакские роды, что если бы на берега Аму-Дарьи и Арала не пришла Советская власть, каракалпаки в последующие несколько десятилетий просто-напросто вымерли бы, физически исчезли с лица земли.

Максим Горький писал:

«...когда-то, в древности, устное художественное творчество трудящихся служило единственным организатором их опыта, воплощением идей в образах и возбудителем трудовой энергии коллектива» (Собр. соч. том 27, стр. 319, М., 1935 г.).

Именно в эти самые черные годы каракалпакской истории (18–19 века) и родились у каракалпаков великие дастаны – эпические поэмы («Кырк Кыз», «Шарьяр» и др.), веселые истории, связанные с именем Омирбека.

– Если бы не наше чувство юмора, – говорит народный поэт Узбекистана и Каракалпакии Тлиуберген Жумамуратов, – то мы бы, наверное, не прошли через века невзгод, не сохранили бы свой национальный характер.

Это, конечно, типичная гипербола, но столь же характерная для оценки значения юмора, как и старинное каракалпакское присловье:

– Тот человек ничтожен, кто не умеет смеяться и не умеет принять гостя!

«Фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно – рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь – бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в победе над всеми враждебными ему силами...» (М. Горький. Собр. соч., том 27, стр. 305, М., 1)53 г.). Юмор – это стихия каракалпака. Даже в обычном разговоре о повседневных явлениях каракалпак совершенно органично использует (за 5–7 минут) и одну-две сатирических гиперболы, и несколько шуток, и будет достаточно ироничен или саркастичен – смотря по обстоятельствам, да еще и прошьет все фразы красной нитью хитрой усмешки.

В фольклоре каракалпаков наибольшего расцвета (имеются в виду речевые жанры фольклора) достигла поэзия, которую исполняли как специальные сказители, так и сами авторы. Иные поэты имели много учеников, а мастерство сказителя зачастую передавалось от деда к отцу и от отца – к сыну. Некоторые из наиболее выдающихся исполнителей держали в своей памяти десятки тысяч поэтических строк. Поэтические жанры были представлены очень широко: от величественного дастана до веселой песенки.

А проза развивалась лишь в двух направлениях; сказочном (легенды, волшебные сказки, сказки о животных и т. д.) и сатирико-юмористическом (бытовые сказки, анекдоты, шутки, веселые истории-бывальщины и пр.).

Элементы юмора и сатиры свойственны всем жанрам каракалпакского фольклора, но наиболее ярко они проявляются в самом мобильном жанре устной народной прозы – в анекдоте.

Анекдот – это не только короткий эпизод с законченным сюжетом, но и острая шутка типа вопрос-ответ (в цирке такие шутки называют репризами), иногда просто рассказ об обстоятельствах, предшествующих остроумному ответу или неожиданному поступку.

Некоторые (в основном, зарубежные) фольклористы, стараясь приуменьшить социальную сущность анекдота, даже отрицали самый термин «анекдот», заменяя его понятием «бытового сказа»,

рассматривая его как эмбрион бывальщины, как черновик бытовой сказки, классифицируя анекдот как некий фольклорный полуфабрикат, планктон фольклорного океана.

Но все эти формальные ухищрения были совершенно бесплодны. Народный анекдот как жанр самостоятелен хотя бы лишь по одной причине: он, как правило, заключает в себе отчетливую сюжетно-идейную суть. Даже, казалось бы, в простой, немудреной шутке всегда просматривается идейное зерно: оценка любого острого слова, любого поступка в народном анекдоте всегда дается с точки зрения бедняка, трудящегося, несет на себе следы его симпатий и антипатий. Но основная масса анекдотов в своей основе сатирична. Законченный сюжет с предельно концентрированной ситуацией всегда социально направлен (и это – учтите – всего-навсего в нескольких строках!). Тематическое богатство анекдота беспредельно. Это – вся жизнь народа, с его мелкими и большими радостями и горестями, с массой жизненных бытовых деталей (что не свойственно дастанам, героическим песням, сказкам), с этнографическими подробностями и т. д.

Как же появляется на свет народный анекдот? Почему именно этот анекдотический сюжет рождается именно в данном месте, у данного народа?

Выше уже акцентировалось очень важное положение о том, что каждый анекдот (даже шуточный, юмористический) по сути своей глубоко социален: он несет либо сатирическую нагрузку, обличая пороки, либо характеризует смекалку, острый ум, находчивость своего положительного героя, человека из народа или человека, защищающего интересы бедных, помогающего народу в его борьбе с несправедливостью, гнетом, с сильными мира сего.

Сатирический анекдот является своеобразным! мерилем развития социального сознания данного народа. В меру своих жанровых возможностей он характеризует остроту классовых и социальных конфликтов той среды, в которой он появился.

По силе обличительной тенденции анекдотов, связанных с классовым антагонизмом (бедные – богатые), с отношением к сильным мира сего (высмеивание продажности, коррупции, стяжательства, тупости правителей и т. д.), всегда можно точно определить зрелость социального сознания народа.

У народов, стоящих на одном и том же уровне развития, находящихся в сходных социальных условиях, и характер классовых конфликтов, и критическая направленность сатирических фольклорных жанров (обличительная песня, сказка, анекдот, басня и др.) могут развиваться параллельным и весьма сходным образом. Их различие будет сказываться лишь в национальной специфике, исторически сложившихся жанровых нормах, языковом своеобразии.

Поэтому в фольклорах народов, близких друг к другу по своим социальным формациям и принадлежащих к одной языковой группе (как, например, тюркской), да еще соседствующих друг с другом, находящихся в постоянном общении, неизбежно будут присутствовать параллельные сюжеты, сходные ситуационные и фабульные решения.

Один и тот же сюжет, таким образом, может принадлежать и казахскому, и каракалпакскому, и уйгурскому, и туркменскому фольклору, отличаясь, как правило, весьма существенно национальным колоритом, этнографическими деталями, характером сатирического героя.

Сторонники теории «блуждающих сюжетов» (которая и сейчас еще весьма модна в некоторых зарубежных фольклорных школах), утверждая миграцию сюжетов вне времени и вне границ, считают сюжет той первоосновой, тем зерном, из которого вырастает ветвистое фольклорное древо.

В этой теории особенно уязвим один из важнейших вопросов фольклористики: как, где и когда возникает тот или иной сюжет? Откуда он начинает свой путь из страны в страну, от народа к народу? Разве существует такое безвоздушное пространство, в котором рождаются сюжеты-схемы, сюжеты-эмбрионы, которые в дальнейшем обогащают тот или иной фольклор? Каким образом можно с научной достоверностью доказать, что на данный сюжет имеют приоритет именно данный народ, именно данная национальность?

В недрах школы «блуждающих сюжетов» родился даже специальный термин «пра-сюжет», то есть сюжет-предок, кристаллически чистый, стерильный сюжет-зародыш, появившийся на свет в тумане веков и давший в дальнейшем жизнь всем сходным с ним сюжетам и ситуациям.

Если оперировать понятием «пра-сюжета», то можно поставить знак равенства между сходными сюжетами, связанными, например, с именами Насреддина и карела Кумохи, украинца Покати-горошка и

бурята Будамшу. Попросту говоря, можно считать их одним и тем же анекдотом, только пересказанным узбеком или карелом, украинцем или бурятом.

Мне кажется, что это – принципиальная ошибка. Формальное, внешнее сходство ситуаций, фабул, реприз, разумеется, имеет немаловажное значение. Но основным критерием самостоятельности, оригинальности должна стать национальная, социальная, самобытная суть. Само по себе сходство сюжетов, ситуаций не является доказательством родственности происхождения тех или иных анекдотов. Эта схожесть обусловлена однородными социальными условиями, с которых они сложились, совпадением идентичных конкретно-исторических и типично-жизненных обстоятельств.

Несомненно, следует учитывать процесс взаимообогащения сатирических фольклоров за счет сюжетного обмена. Ведь фольклор не имеет ни временных, ни государственных, ни языковых барьеров. Так, например, появившаяся на свет где-нибудь в горах Дилижана острая армянская шутка в каши дни мигом становится всеобщим достоянием, и ее можно услышать на многих языках буквально через несколько дней после ее рождения. И в прежние времена шутки путешествовали без виз, хотя и значительно медленнее – со скоростью кораблей, караванов, путников, паломников.

У нас в СССР фольклор – это всенародное достояние, часть общенационального духовного «золотого» запаса.

Известный критик и переводчик, знаток национальных литератур нашей страны Юрий Карасев, плодотворно разрабатывающий в своих книгах тему взаимовлияния и взаимообогащения разноязычных культур на базе метода социалистического реализма, писал:

«...Сохраняя свою национальную самобытность, фольклор любого из народов Советского Союза становится ныне неотъемлемой частью общесоветской культуры, обогащая ее и, в свою очередь, обогащаясь к оплодотворяясь сам».

Этот постоянно действующий фактор – взаимовлияние и взаимообогащение – особенно характерен для многонациональной советской литературы. Он, мне кажется, и определяет ныне сущность большинства процессов, происходящих как вообще в фольклоре, так, в частности, и в фольклоре сатирическом, юмористическом.

Но прежде чем анекдот, байка, бытовая сказка, озорной сказ станут широко известны, сумеют достойно представить культуру своего народа в общем потоке фольклора, они проходят многовековой путь развития.

Как рождался народный анекдот прошлых веков? Представьте себе, к примеру, базар, ярмарку, рынок. Разноплеменный говор пестрой толпы. Кричат животные. Пыли над торжищем много, но шума еще больше. То в одном, то в другом месте вспыхивает хохот, перекрывающий все другие звуки: там кто-то подшутил над скупым купцом-обиралой, а там острым словом «срезали» зазнавшегося богатея, в третьем месте смело разыграли, высмеяв перед всем честным народом, муллу (попа, ксендза или раввина).

Те, кто был свидетелем этих шуток, проделок, остроумия, расходясь по домам, непременно рассказывали об увиденном и услышанном родственникам, приятелям, попутчикам, соседям, всем встреченным на дороге путникам.

Рассказывая, очевидцы, конечно, добавляли от себя два-три слова, кое-что переиначивали, некоторые детали упустили, а некоторые добавляли. Это уж зависело от таланта рассказчика – становилась ли шутка, перекочевывая с языка на язык, лучше или хуже. Во всяком случае, перепархивая от одного человека к другому, она обретала жизнь. Обрастая различными подробностями, шлифуясь, становясь острее, целенаправленнее, шутка или анекдот превращалась то в бывальщину, то в веселую побасенку, то в бытовую сказку, а из озорной сказочки зачастую снова становилась анекдотом или шуткой, но уже, так сказать, на другом качественном уровне: яркими, сочными, безукоризненными по сюжету. «Народ – великий специалист по созданию шедевров!» – говорил Алексей Николаевич Толстой.

Рожденные у разных народов сходные анекдоты «приписаны» бываю, как правило, каждый к своему национальному юмористическому герою. Поэтому казахи связывают большинство шуток с именами Алдар-Косе или Жиренше (хотя эти герои бытуют в фольклорах и других народов), туркмены «закрепляют» анекдот за Эсенполатом или Кзмине, узбеки и азербайджанцы могут с кем угодно спорить о том, что любая удачная шутка принадлежит Насреддину.

Вокруг знаменитых юмористических героев роятся сотни, а то и тысячи веселых историй, баек, анекдотов. От этого и сам герой становится полнокровнее, глубже, остроумнее.

Но самое главное, что все они разные: Алдар-Косе никогда не спутаешь с Насреддином, а Кумоху с Иванушкой-дурачком, хотя у них у всех «на вооружении» есть немало весьма похожих сюжетов и шуток, анекдотов и приключений. Почему же все эти персонажи, являющиеся плодом народной фантазии, столь различны, несмотря на свое сходство? Да потому, что у каждого из них, кроме ОБЩЕГО (все они друзья бедных, обездоленных, все борются за справедливость, против богатеев), есть и своя неподражаемая индивидуальность, черты, свойственные только данному герою, – **НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР**.

Многие исследователи видят национальную специфику анекдота лишь в сюжетике, в ситуационном строе. Это не совсем верно. Национальная специфика гораздо ярче раскрывается не в сюжете, а в соотношении фабульных элементов (то есть деталей, разрабатывающих, расширяющих, обрамляющих данный сюжет), обусловленных национальным характером народа, его языковыми и этнографическими особенностями.

Один и тот же сюжет, например, в карельской бытовой сказке и в грузинской развивается в различных темпах, расцвечен различными шутками, деталями. Один и тот же анекдот, рассказанный армянином и литовцем, превратится в два различных, хотя и слегка похожих, веселых рассказа.

Интересный и весьма перспективный опыт использования электронно-счетной машины для количественного анализа сюжетов сказок провели фольклористы Таджикистана (об этом подробно рассказывается в журнале «Памир» № 2 за 1969 год в статье Миры Явич «Сказки на перфокартах»). Так разбирая четыреста таджикских сказок о животных, они обнаружили, что **РЫБЫ** встречаются в сюжетах всего **ДВА РАЗА**. В то же время в ста русских сказках того же типа участвует более **СЕМИДЕСЯТИ** рыб! Вот что значит национальный колорит!

С помощью машины было проведено еще одно любопытное исследование: сколько таджикских сказочных сюжетов не имеют аналогий в фольклорах других народов?

Из 419 сюжетов (повторяю – программировались лишь сказки о животных) только **ОДИН** – о старике, влюбившемся в мышку, и его ревнивой жене – не повторялся нигде! А остальные 418 сюжетов оказались «блуждающими», то есть имеющимися у других народов!

Например, популярная в Таджикистане сказка «Волк и семеро козлят» встречается во многих фольклорах («Указатель сказочных

сюжетов» Стива Томпсона называет 25 народов, но, разумеется, это число во много раз больше), но означает ли это, что данная сказка КОСМОПОЛИТИЧНА – то есть принадлежит всем и, следовательно, никому?

Та же счетно-вычислительная машина, применяя количественный анализ, установила ряд примет специфически-национальных качеств, характерных ТОЛЬКО ДЛЯ ТАДЖИКСКИХ СКАЗОК. Это лишний раз подтверждает уже изложенное выше положение о том, что юмористический фольклор разных народов резко отличается один от другого национальным своеобразием и, раскрывая духовный мир данного народа, характеризует уровень его культуры.

Сказка «Волк и семеро козлят» может считаться узбекской, русской, каракалпакской, каталонской, английской, датской, ибо ее национальная принадлежность определяется не сюжетикой, а совокупностью тех сказочных приемов, которые типичны для фольклора того или иного народа.

И чем ярче в сказке, басне, шутке, анекдоте эта национальная окраска – тем ярче и полнее раскрывают они национальный характер, тем ценнее они для общей сокровищницы народного творчества.

Юмористический герой, которому приписываются анекдоты, шутки, сатирические сказки, веселые приключения, – всегда плоть от плоти своего народа. Поэтому степной кочевник Алдар Косе складом ума совершенно противоположен горожанину Насреддину, а лукавая озорная узбечка Майсара не похожа на мудрого белоруса Нестерку.

Ценность их анекдотического репертуара не только в оригинальности (хотя это имеет весьма важное значение), но и в том, насколько он ограничен, насколько точно его сюжетика раскрывает характер героя, а следовательно, национальный характер данного народа.

Поэтому немногословный, почти всегда молчаливый карел Кумоха, если можно так выразиться, не юморист слова, а юморист дела: в его юморе преобладает трюковая сторона, все его шутки включают в себя неперенное активное физическое действие.

Поэтому герои молдавского юмористического фольклора Пэкалэ и Тындалэ – музыканты, всегда действующие вдвоем (это, кстати говоря, почти единственный юмористический дуэт, так сказать, парный конференс, парная клоунада в мировом фольклоре), делают неповторимым любой, даже «сверхблуждающий» сюжет.

Национальная неповторимость – один из основных критериев народного творчества – отчетливо проявляется в сатирических и юмористических жанрах. Фольклорный персонаж не может стать подлинно героем народного творчества, если он не олицетворяет собою одну из основных черт национального характера, если он лишен ярко выраженной социальной тенденции.

«Только те литературные и музыкальные произведения могут считаться народными, которые отвечали чаяниям трудового народа, вошли в его культурный фонд, сохранились в течение веков, передавались от поколения к поколению» (Шараф Рашидов. «Знамя дружбы», Политиздат, 1967 г., 145 стр.).

Не стал бы плотью от плоти народной и каракалпакский шутник Омирбек, если бы не обладал ярким национальным характером, не был бы своеобразен и оригинален, не стоял бы горою за бесправных и обездоленных, не боролся бы всю свою жизнь с богатеями, с духовенством, «с власть имущими, шкуру с бедных дерущими».

4

Создание юмористико-сатирического фольклорного героя идет разными путями.

Но лишь два являются основными: их (условно, конечно) можно назвать «роением» и «слиянием».

Роение – это из терминологии пчеловодов. Когда матка вылетает из улья, чтобы создать новую семью, то за ней летят пчелы, они окружают севшую где-либо матку так, что получается шуршащая и жужжащая «борода» из многих тысяч пчел. Эту «бороду» пасечники ловко снимают и вселяют новый рой в новый улей.

Развивая аналогию, можно сказать, что «матка» – это герой, вокруг которого начинают «роиться» сюжеты, анекдоты, шутки. Причем герой – что особо нужно подчеркнуть – реальный, существовавший в действительности, биография которого не вызывает сомнений у фольклористов.

Таковыми героями стали великий узбекский поэт XV века Навои (под именем МИРАЛИ он сделался популярнейшим юмористическим и сатирическим героем туркменского народного творчества), Кэmine – туркменский поэт-сатирик XIX века, Балакирев – знаменитый русский шут (вторая половина XVIII века). Бирбал – визирь императора Индии Акбара (XVI век) и т. д.

Анекдоты, роящиеся вокруг этих исторических персонажей (раз уж пошел разговор о данных именах, то и будем ими оперировать), весьма многочисленны и в большинстве своем никакого отношения к ним не имеют. Более того, случается, что анекдотический материал переносит героя в иной век, как, например, это произошло с Балакиревым – знаменитым шутком русской императрицы Анны Иоанновны. Народная молва сделала его шутком Петра Первого и накрепко привязала его к петровской эпохе (принцип классического фольклора: у великого князя – знаменитые богатыри; у великого царя – великий шут; это, разумеется, лишь при том условии, что оба они персонажи, вызывающие симпатию, а среда, в которой им приходится действовать, – отрицательная).

Схема создания фольклорного персонажа просматривается особенно четко (период сто лет – невелик) на примере туркменского поэта-сатирика девятнадцатого века Кэmine.

Любовь народа к Кэmine была настолько велика, что вокруг его имени еще при жизни создавались легенды, а веселые истории и стихи поэта передавались из уст в уста.

Резко выросло количество приписываемых Кэmine анекдотов и юмористических рассказов после его смерти. Характерно, что чужих сатирических стихов (которых тоже существовало в туркменском фольклоре немало) ему почти никогда не приписывали. Видимо, это происходило потому, что поэтический стиль Кэmine очень ярок и своеобразен, подделать его трудно.

В результате особенно за последние пятьдесят-сорок лет созданный народом образ Кэmine был в принципе завершен, канонизирован, и «рой» анекдотов, объединенных этим именем, получил свое отчетливое стилевое историческое и идеологическое решение. Число анекдотов Кэmine и ныне продолжает расти. Но уже к этому «рою» присоединяются только те сюжеты, которые подходят по своему фабульному характеру к образу фольклорного Кэmine, не противоречат его сатирической манере, его ироническо-философскому стилю мышления.

Тот же процесс «роения» перенес и великий узбекский поэт пятнадцатого века Навои, который, как уже говорилось выше, под именем МИРАЛИ стал популярным героем туркменского фольклора. Приключения МИРАЛИ (о которых можно судить по анекдотам и

рассказам) весьма далеки от фактов биографии великого поэта, хотя кое-какие мотивы нашли в них свое отражение.

Второй путь создания юморо-сатирического фольклорного героя – «слияние». По схеме своей он напоминает рождение бурного потока – из мелких ручейков, родничков, ключей рождается бурный ручей. Водяные нити – их все больше и больше – сплетаются между собою, и вот перед нами уже волны могучей реки.

Ходят-бродят среди народа анекдоты, шутки, острые слова, веселые истории, соединяются вместе, рассыпаются, вновь встречаются, стыкуются. Их становится все больше, начинается ассимилятивная группировка: так, например, в большой рассказ о базаре «втекают» посторонние, часто пришедшие издалека, из других стран, шутки, анекдоты. Количество их переходит в новое качество – возникает обрамление, общесюжетное решение, рождаются постоянные персонажи – маски, одна из которых – наиболее яркая – начинает приобретать черты характера. Создается фон, на котором действует герой. В противодействии с богатеями, служителями культа, продажными судьями, жуликоватыми купцами и т. п. выкристаллизовывается его образ.

Рождению имени героя тоже предшествует долгий период отбора. Здесь действует закон поглощения: ведь мелкая река, сливаясь с крупной, теряет свое название. А свои, собственные, юмористические герои имеются зачастую не только у целого народа, но и у каждого рода, у каждого города.

Так, например, еще в конце девятнадцатого века лишь в Азербайджане можно было насчитать несколько десятков юмористических фольклорных персонажей. В Гянце был Муса-забавник, в Нахичевани – Гуссейн Молла Танрыверди оглы, в Сальянах – Мирза-Баги, в Курдистане – Али Джабар и т. д. Это кроме Моллы Насреддина, Бахлула и прочих, так сказать, общенациональных персонажей!

Сейчас, в XX веке, большинства этих микроперсонажей уже нет – они слились (и по репертуару, и по образу) с Моллой и Бахлулом.

Следует сказать несколько слов и о путях создания фольклорного САТИРИЧЕСКОГО образа.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ герой юморо-сатирического фольклора, как правило, многогранен – то есть ничто человеческое ему не чуждо. Отрицательный же персонаж однозначен, он олицетворяет собою одну

какую-либо доминирующую черту отрицательного характера: глупость, жадность, продажность, жестокость, нечестность и т. д. Создание сатирического персонажа подчинено тем же законам, что и создание положительного героя: или слияние (резко выборочная группировка: стыкуются анекдоты и весь острословный материал, касающийся жадности, глупости и т. д.) или «роение» вокруг исторического имени (так, например, император Акбар – из анекдотов цикла Бирбалиады – беспробудно глуп).

Но иногда народная фантазия, создавая сатирический образ, дает неожиданную фольклорную мутацию: рождается коллективный персонаж. Носителем сатирических черт становится не какой-нибудь купец, царь, визирь, поп, мулла, богач, а село, местность, целый город.

Широко известны такие заповедники глупцов, как Пошехонье в русском фольклоре, как анекдотический немецкий город Шильда, как английская деревня Готэм (в графстве Ноттингемпшир), как город скупцов Габорово в Болгарии, город Казвин в Иране и т. д.

Болгарский город Габорово объединил все болгарские анекдоты о скупцах, скопидамах, скрягах. Кстати, город Габорово – реально существует, процветает и никакого отношения к своему фольклорному тезке не имеет, хотя и устраивает традиционные ежегодные фестивали, посвященные юмору и сатире. Так же в действительности не является спозищем глупцов настоящее село Пошехонье. Но законы фольклора обратной силы не имеют: названия эти уже давно сделались нарицательными, они олицетворяют собою коллективного сатирического героя.

5

Некоторые юмористические и сатирические герои фольклора существуют уже по несколько сот лет (Насреддин, Бирбал, Бахлал, Мирали и др.). Это, так сказать, герои со стажем. Бирбал (книга его анекдотов впервые на русском языке вышла в 1963 году в издательстве «Наука») – один из самых популярных героев анекдотов в Индии и Пакистане. Анекдотические сборники бирбалианы выдержали десятки изданий – от академических, научных фолиантов до детских книжек. Бирбалиана – фольклор городской: то есть место действия 99-и процентов анекдотов – большой столичный город.

Истории, связанные с Бирбалом, могут быть отнесены к шедеврам юмористическо-сатирического народного творчества. Недаром они так

широко известны в Индии и Пакистане и составляют своеобразную социальную фольклорную утопию: мечту о справедливом правителе, о властителе – защитнике бедных и т. д. Есть такие знатоки бирбалианы, которые могут рассказывать о добрых делах «справедливейшего и остроумнейшего из визирей» хоть целые сутки без перерыва, и, как во всяком фольклоре, анекдоты бирбалианы шлифуются, улучшаются, число их растет и сейчас. Казалось бы, все в порядке, и ученым остается только бережно классифицировать и анализировать накопленное анекдотическое богатство.

Но при исследовании анекдотов, связанных с Насреддином или Бирбалом (речь идет о мощных анекдотических скоплениях, насчитывающих многие тысячи единиц), возникает ряд вопросов, на которые не так-то легко дать ответ, потому что именно проблемы сатирико-юмористического фольклора изучены и разработаны менее тщательно, чем все другие вопросы народного творчества.

Вот, например, одно из наиболее загадочных явлений: почему даже коротенькая лирическая или героическая (а часто – лирико-героическая) фольклорная история с годами превращается в большую лирическую поэму, в дастан? Почему сказ или песня о подвиге, о сражении в течение всего каких-нибудь ста лет может превратиться в эпическое произведение? Почему существуют богатырский эпос и большие лирические поэмы и не существует юмористического или сатирического эпоса? Почему до нас сквозь века дошли – и в большом количестве – эпосы, поэмы и дастаны и не дошли сатирические произведения такого же масштаба?

А ведь юмор и сатира всегда тяготели и тяготеют к преодолению жанровой ограниченности, к созданию крупных форм. Одним из ярких доказательств этого может служить уже упомянутый выше процесс рождения юмористическо-сатирического героя.

Одна из причин создания такого героя – логическая необходимость сюжетного оформления накопленного за многие века богатства, организация первичной внутренней молекулярной структуры в хаосе юмористических и сатирических атомов.

Фольклор искал и находил всяческие формы обрамления, сюжетного нанизывания, создания циклов серий. Сказки Шахразады, «Сказки Попугая», Панчатантра, циклы о шильдбургерах, пошехонцах и десятки других произведений народного творчества как нельзя более подтверждают, что поиски осюжетивания разнородного материала,

попытки выстроить его в единый ряд, найти стержень для объединения самых случайных, на первый взгляд, сюжетов начались уже много веков назад.

Именно фольклор подсказал многим писателям эпохи Ренессанса форму их произведений. Классики юмора и сатиры – Рабле, Бокаччо, Гриммельсгаузен, а за ними – уже в более позднее время – Сервантес, Свифт, Шарль де Костер избрали для своих произведений классические фольклорные ходы.

Франсуа Рабле, автор бессмертных «Гаргантюа и Пантагрюэля», доказал не только неограниченные возможности сатирического романа, стоящего на твердом фольклорном фундаменте, но и уловил основную тенденцию фольклорных сатиры и юмора – тяготение к новым формам. Юмористические и сатирические молекулы охотно соединялись между собою, рождались качественно новые сюжеты, которые вырастали в сверкающее многоэтажное здание.

«Первой дошедшей до нас сатирической эпопеей» назвал роман Ф. Рабле Алексей Николаевич Толстой.

Знаменитый русский писатель А. Н. Толстой в предвоенные годы (1939–1941) активно занимался проблемами народного творчества. Он сетовал на то, что мало появляется юмористических и сатирических произведений, построенных на фольклорном материале.

Высоко оценивая работу Леонида Соловьева над образом Насреддина (роман «Возмутитель спокойствия»), Алексей Николаевич говорил:

– О Насреддине романов много уже есть и французских, и арабских... А вот об Иванушке-дурачке, русском чудеке-весельчаке, ничего еще не написано. Почему бы это?

Толстой считал, что писать произведения с уже готовым фольклорным героем масштаба Иванушки-дурачка или Насреддина и легко, и трудно. Легко потому, что образ-то, в целом, уже есть. А трудно потому, что нужны громадные знания фольклора, обычаев, истории той страны, того народа, о герое которого пишешь.

Классик узбекской советской литературы Гафур Гулям, который плодотворно занимался разработкой фольклорных сатирических сюжетов и достиг в этом больших успехов, передавая свой разговор с Толстым (в годы войны Алексей Николаевич некоторое время работал в Ташкенте) о народном творчестве, рассказывал:

– Мы много говорили о сатирическом эпосе. И решили – не может быть, чтобы его не существовало, Он был, но века нам его не донесли. Точнее – донесли, но только обломки. Как от старого большого города, занесенного песками, остаются руины, так и от веселых сказаний остаются лишь отдельные кусочки, которые мы сейчас даже и не воспринимаем как камни одной стены.

Гафур Гулям познакомил как-то группу московских писателей со стариком, знающим множество малоизвестных анекдотов о Ходже Насреддине. Старик этот рассказал, что его отец и дед были профессиональными сказителями. Отец пел песни, которые сам слагал, а дед – аскиабаз – помнил тысячи анекдотов.

– Но анекдоты о Ходже он никогда не рассказывал, – заявил старик.

Писатели удивились: как же так? Ведь о Насреддине знает в Узбекистане каждый ребенок?!

– Вы неправильно меня поняли, сынки, – усмехнулся старик, – мой дед никогда не рассказывал о Ходже коротеньких анекдотов, как это любят делать сейчас. Он знал длинные истории о приключениях Ходжи, такие длинные, что каждая из них занимала целую зимнюю ночь. Но тогда их никто не записывал. Да и кому это было делать? Ученые к нам не ездили, а весь кишлак был неграмотным. Да и грамотный не смог бы их записать: когда смеешься всю ночь, пальцы слабеют... Вот так и случилось, что от длинных историй остались у меня в памяти лишь коротенькие шутки...

Однако то, что рассказывал нам старик, нельзя было назвать «коротенькими шутками». Это были длинные цепочки анекдотов о Насреддине: один цеплялся за другой, тянул за собою следующий, и вместе они становились завязкой забавной истории, которая, в свою очередь, как мозаичная фреска, состояла из десятков стыкованных в единый сюжет анекдотов. Получались комические истории типа «Приключения Ходжи в бане», «Приключения Ходжи на базаре» и т. д. (Кстати, именно этот прием «стыковки» помог мне в работе над экспериментальной фольклорной повестью о Насреддине «Веселый мудрец», которая положила начало моему многотомному циклу книг о фольклорных весельчаках различных народов).

Возвращаясь в Ташкент после этого визита к старому рассказчику, Гафур Гулям воскликнул:

– Друзья! Перед нами сейчас был живой свидетель того, что в давние времена узбекский фольклор имел свой юмористический эпос!

Теория сатирического эпоса не так уж беспочвенна, как кажется Академик В. А. Гордлевский, один из знаменитейших знатоков тюркского фольклора, вполне допускал такую возможность.

– Ведь есть доказательство, что неподалеку от тюркских племен, в Китае, такой устный эпос был, – говорил В. А. Гордлевский. – Почему бы не быть и у тюрков?

Известно, что в середине XIII века (эпоха ЮАНЬ) в Китае происходил интересный процесс: сказители начали объединять устные сатирические и юмористические народные рассказы в устные романы. (ПАН ИНА «К вопросу о жанре книги «Речные заводы», в сборнике «Жанры и стили литературы Китая и Кореи», издание Института востоковедения Академии наук СССР, «Наука», 1969, стр. 129; О. Л. Фишман «Жанровые особенности китайского сатирического романа эпохи просвещения», М... 1966. «Тезисы докладов научной конференции «Жанры и стили литератур Дальнего Востока»).

Большие фрагменты из них записаны.

Но почему же подобные произведения народного творчества тюрков не дошли до наших дней, как дошли «Джангар», «Алпамыш», «Нарты», «Кырк Кыз», «Манас» и многие другие классические произведения фольклорного эпоса?

На мой взгляд, основных причин здесь три.

Первая – чисто техническая. Она заключается в самой природе юмора: исполнять, сказывать его гораздо сложнее, чем героику или лирику. Кроме обладания специфическими и весьма редкими способностями, сказитель должен иметь еще и особо замечательную память. Ведь если при исполнении героической поэмы или сказания какая-нибудь строка выпадет или какой-либо эпизод будет изложен с небольшим отклонением от каноничного сюжета – ничего страшного не произойдет. А если при исполнении юмористического текста теряется какая-либо строка или забывается деталь, то ее экспромтом восстановить значительно сложнее; нужно придумать что-либо столь же смешное!

Поэтому, если забывается какая-то острота, то пропадает, выбрасывается, сокращается целый эпизод. Таким образом, число анекдотов может значительно сократиться, переходя от исполнителя к исполнителю. А это, в свою очередь, сказывается и на общем впечатлении, на ценности произведения в целом.

Вторая причина – локальность, то есть ограниченность (в смысле – замкнутость, сферичность) юмористической природы национального юмора. Героическое сказание («Алпамыш», например, есть у всех почти тюркских народов) не особенно изменяется, переходя от народа к народу, – его суть остается неизменной.

Но юмористическое сказание при подобной миграции непременно понесет большие издержки, ибо то, например, что близко и понятно по характеру каракалпакам, совершенно может не вызвать смеха у туркмен или башкир. Природа юмора всегда национальнее, рафинированнее, чем природа лирической песни или героической поэмы.

Следовательно, жизненное пространство юмористического эпоса было тоже гораздо меньше, чем сфера обращения других жанров. И это не могло не сказаться на его сохранности, на его жизнеспособности.

Причина третья – самая, может быть, серьезная: юмор и сатира всегда вызывали активное сопротивление власть имущих – то есть тех самых богатеев, служителей культа, блюдолизов и прочих, и прочих, и прочих, которых высмеивали юмористы-сатирики.

Рассказывают, что один из китайских императоров XIV века запретил всякую критику в свой адрес и, подходя к этому запрету со всей серьезностью, сначала призвал всех исполнителей сатирических и юмористических произведений к своему двору, а потом, для надежности, казнил их.

Несомненно, что активная борьба против «опасного жанра» является одной из основных причин того, что до нас не дошло полностью ни одного крупного фольклорного юморо-сатирического эпоса.

6

Но осколки этих исчезнувших эпических произведений не могли пропасть бесследно. Что-то от них должно было остаться и осталось. Это, прежде всего, уже упомянутые выше цепочки анекдотов – то есть монтирующиеся друг с другом, как части одного целого, эпизоды, шутки, остроты, бывальщины. Особенно ощутимой их сюжетная связь становится тогда, когда начинается обработка материала, связанного с одним каким-нибудь событием или героем.

Так, например, в книге «Веселый мудрец» (идея создания которой возникла еще до Великой Отечественной войны и была мне подсказана

Алексеем Николаевичем Толстым) я использовал путем стыковки более двухсот анекдотов о ходьбе, сформировав из них методом монтажа десять законченных сюжетов! Как из черепков реставратор вновь создает древнюю амфору, так из обломков рассыпавшегося юмористического эпоса были воссозданы – условно и приблизительно – какие-то его части.

В других повестях (о Нестерко, Тындаля и Пекаля, Кумохе, Петрушке, Хитром солдате, Алдар-Косе, Майсаре и т. д.) мною были использованы иные приемы построения сюжета, но принцип монтажной стыковки остался неизменен и всегда давал неожиданные результаты – раскрывал образы героев, обогащал действие, помогал найти внутренний ритм повествования.

Нельзя утверждать, что (как в случае с Насреддином) существовали юмористические фольклорные произведения крупных форм, героями которых были Нестерко, Пекаля и Тындаля, Кумоха. Но есть герои, в отношении которых можно с уверенностью сказать, что они в прошлом были не только персонажами анекдотов, что они выступали не в том качестве, в котором мы их знаем ныне. Так, несомненно, анекдоты об Алдар-Косе – лишь мелкие части некогда большой героико-комической истории, ибо иначе они не могли бы при соединении выстроиться в цельное повествование.

Великий акын Джамбул рассказывал мне, что ему приходилось слышать утверждение, будто он, Джамбул, в детстве видел самого Алдар-Косе.

– Я его не видел, – сказал акын, – но слышал от своей бабушки, будто ее дед видел Алдар-Косе...

И в том же разговоре Джамбул выдвинул свою концепцию образа Алдар-Косе (ее я и положил в основу своей книги «Всадник без бороды»), которая заключалась в следующем: говорят, Алдар-Косе – безбородый хитрец. Аллах нарочно не дал ему бороды, чтобы помешать Алдару обманывать людей: безбородье – своеобразная мета, сигнал – «осторожно, хитрец».

– Но это неверно. Алдар-Косе был безбородым потому, что он был... мальчиком! Мальчик, у которого еще не выросла борода, вот как сказал мой дед, – улыбнулся Джамбул. – Писать нужно про мальчика, который был таким смышленным, что легко обманывал взрослых баев...

Джамбул подтвердил: когда-то, очень давно, ему удалось услышать длинный рассказ о мальчишке Алдар-Косе.

– Мы слушали его два дня, – сказал великий акын.

Когда я впервые приехал в Каракалпакию и услышал истории о шутнике Омирбеке, то сразу же почувствовал особое волнение. Фольклорные исследования и теоретические разработки проблем юмористического героя народного юмора изобиловали белыми пятнами, подобно тому как таблица Менделеева имеет пустые клетки для еще неоткрытых элементов. Ряд юмористических героев был предсказан, так сказать, теоретически, но еще не обнаружен, и в теории зияли пустоты.

Вдруг в Каракалпакии, где современная письменность появилась лишь пятьдесят лет назад, где еще очень сильны традиции устного творчества и фольклор настолько самобытен, что чужеродные вкрапления и посторонние наносы видны, как говорится, невооруженным взглядом, обнаруживается свой, неизвестный русскому читателю и даже профессионалам-фольклористам герой-юморист, шутник и выдумщик Омирбек! Это ли не событие!

С жадностью набросился я на фольклорные записи, на публикации (в то время анекдоты Омирбека были опубликованы лишь на каракалпакском языке) юмора, слушал бесчисленные устные рассказы об этом шутнике. Я считал, что в циклах анекдотов Омирбека должны были, в связи со своеобразием каракалпакского фольклора в целом (достаточно вспомнить «Кырк Кыз» – дастан, не имеющий аналогий в мировом народном творчестве), сохраниться крупные блоки некогда величественных юмористических построений.

Мои надежды оправдались, хотя и не целиком. К сожалению, мгновенные да еще стопроцентные удачи в фольклоре – как и везде – весьма и весьма редки.

Результату всегда предшествует кропотливый многолетний поиск, тысячи опытов, накопление материала.

Но уже и те выводы, которые можно сделать в результате самой предварительной работы над анекдотами Омирбека, заставляют задуматься о многом, позволяют говорить о новом и определенном успехе «теории юмористического эпоса».

Ни один из известных юмористических героев фольклора никогда не предстал перед своими исследователями в таком цельном виде, как Омирбек. Этот типичный персонаж восточных анекдотов (его национальный характер – не предмет изучения данной статьи: он великолепно прорисован в самих анекдотах и, как мне кажется, не

нуждается в комментариях) имеет готовую, глубоко разработанную – юмористическую! – биографию, его жизненные конфликты четко намечены, взаимоотношения со множеством других персонажей очертаны с достаточной детализацией. При этом следует учесть, что Омирбеком еще не занимался ни один из крупных фольклористов! Вот уж воистину неподнятая юмористическая целина!

Каракалпакский фольклор (если его определять не по схожим с другими фольклорами тюркских народов признакам, а именно по тем приметам, которые его отличают от них) может по праву считаться фольклором дастанным. Что это означает? То, что наиболее характерным и самобытным для каракалпакского устного народного творчества является тяготение к крупным формам – к дастанам. Дастанов – эпических поэм – в каракалпакском фольклоре около двух десятков. Следует еще учесть, что многие из дастанов не дошли до наших дней – они рассыпались, распались, были размонтированы, превращены самими исполнителями в героические песни, сказания. Большие логически-сюжетные фрагменты, которые явно просматриваются в анекдотах Омирбека, дают, как мне кажется, достаточное основание для того, чтобы предположить не в таком уж далеком прошлом существование каракалпакского юмористического дастана или комическо-плутовской поэмы в прозе. Из-за специфического положения каракалпакского народа, который ради сохранения своей самобытной культуры шел даже на умышленную изоляцию от соседних племен (племен, которые пытались не только поработить каракалпакские роды, но и стереть их с лица земли), сохранность фольклора у каракалпаков оказалась выше, чем у многих других народов, также не знавших письменности.

И если мы предполагаем, что существовало крупное фольклорное произведение об Алдар-Косе, которое дошло до нас лишь в небольших обломках, так как начало разрушаться полтора столетия, а то и двести лет назад, то «обломки» омирбековского прозаического эпоса крупнее, потому что он начал распадаться совсем недавно – в пределах ста лет.

Вот еще одна из причин, почему Омирбек, несомненно, должен привлечь внимание не только любителей юмора, но и исследователей фольклора.

Проблема национально-фольклорной чистоты – освобождения подлинного народного творчества от последующих посторонних примесей, от чуждых влияний и т. д. – всегда была, есть и будет одним из краеугольных вопросов исследования народного творчества.

В такой же степени требуют «очистки» и фольклорные герои. Одни нуждаются в больших реставрационных работах – их приходится очищать от стилевых, вульгаризаторских, идеологических наносов, засорений; другие нуждаются лишь в некоторой коррекции, «косметическом» ремонте.

В этой проблеме один из наиболее сложных теоретических вопросов – так называемое «раздвоение», то есть дуализм героя, его двойственность.

Особенно ярко явление «раздвоения» можно наблюдать на примере знаменитых юмористических героев – хотя бы Насреддина.

Основные черты его характера всем отлично известны: это смекалка, острый язык, веселый ум, презрение к богатым и богатству, любовь к справедливости, защита бедняков.

Но в то же время живут и здравствуют анекдоты, которые характеризуют Насреддина совершенно по-иному. В них он глуп, туп, труслив, мелочен, завистлив, зловреден. Его «подают» как обжору, скрягу и даже предателя. Вот тебе и защитник правды, верный друг неимущих, обиженных и обездоленных! В чем же тут дело?

В издательском предисловии к сборнику анекдотов «Молла Насреддин» (Баку, издание Академии наук Азербайджана, 1967) об этой двойственности сказано так (стр. 18):

«...Говорят, что Молла временами бывает умен, как философ, а иногда предстает перед читателем невероятным глупцом. Нам кажется, что подобная мысль требует определенного пояснения. Если внимательно приглядеться, то становится ясным, что Молла всегда умен и находчив. Сам он всегда ловко надевает личину тех, кого он намерен вывести перед читателем в самом неприглядном виде. Когда человек, способный так легко и просто разрешить запутанные судебные дела, вдруг превращается в туповатого кази, пытающегося укусь себя за ухо, – это, без сомнения, имеет определенную цель. На наш взгляд, смешон здесь не Молла, а кази, которого он замещает...»

И далее, на той же странице:

«...Нам кажется, что он может воплотиться в любого представителя той общественной прослойки, о которой идет речь. Хочется еще раз

подчеркнуть, что глуп не Молла, а те, которые являются истинными персонажами анекдота».

На мой взгляд, это довольно спорное положение. Если принять теорию «перевоплощения» Насреддина, то сразу же может возникнуть вопрос: а для кого же он перевоплощается, когда совершает это перевоплощение на глазах своих классовых антиподов – богатеев, царедворцев, мулл? Может, таким образом он хочет показать им их самих, чтобы в его пародии они увидели свою глупость и тупость? Но ведь глупцами-толстосумами Насреддин, прикидывающийся дурачком, и воспринимается как дурачок! Вся его алгебраическая ирония совершенно не по их уму. Неужели же настолько глуп Насреддин, что устраивает на потеху своим идейным противникам этакий театр одного актера?

Следует учесть также, что анекдот распространяется пересказом. Задача рассказчика – подчеркнуть каким-то образом свою личную позицию. А «перевоплощение» несвойственно характеру Насреддина – он может прикинуться богатым глупцом или простаком, но никогда не «прикидывается» Насреддином-дурачком, Насреддином-подлецом. Как это сакцентировать рассказчику?

Выше уже отмечалось, что в любом народном анекдоте сразу же просматривается его социальная направленность, которая заключается прежде всего в симпатиях рассказчика. Глупости и ограниченности богатеев и их приспешников анекдот противопоставляет смекалку, ум, честность человека из народа, бедняка. Зачастую в анекдоте ум, сметка – это единственное оружие бедняка против бесправия, беззакония. Почему же Насреддин, выказывая себя дурачком, должен вызывать симпатию рассказчика? Не проще ли представить себе, что гадости о Насреддине рассказывает... враг Насреддина! Они не из репертуара народного рассказчика! Это репертуар врага. И тогда все становится на свои места: ведь анекдоты создавались не только в народе, но и во дворцах. Дворцовые юмористы (а среди них было немало одаренных людей) выполняли социальный заказ своего класса, всячески сбивали популярность тех героев, которые казались опасными. Власть имущие всеми средствами поддерживали «дворцовых» остряков, распространяли по своим каналам (через духовенство, дервишей, торговцев и т. д.) их «репертуар».

Азербайджанский юморист Авэз Садык, большой знаток фольклора, очень любил рассказывать анекдоты о Насреддине с комментариями:

объяснял, как тот или иной анекдот появился на свет. От него первого я и услышал термин «дворцовый» анекдот.

– Это была эмирско-ханско-шахско-султанская контрпропаганда, антинасреддизм! – весело говорит Авэз. – Насреддин был врагом сильных мира того, и с ним, как с врагом, боролись всеми средствами. Кто придумывал о Насреддине самый глупый анекдот, тот получал самую большую награду, клянусь – так оно и было, я словно вижу все это... вот сидит султан или шах, а там...

И он начинал очень смешно рассказывать тут же на ходу придуманную новеллу.

Между прочим, когда дело касается героев, имевших исторический прототип (Мирали – Навои, Бибал, Камине и др.), то число «дворцовых» анекдотов в их циклах очень невелико: создание героя, как говорилось выше, в этих случаях шло другим путем, и реальный образ – первооснова – мешал нагромождать клеветнические небылицы, ибо они, если так можно выразиться, были юмористически несовместимы с уже существующим в основных чертах образом.

Доктор филологических наук, известный теоретик литературы Лазиз Каюмов является сторонником теории «дворцовых» анекдотов (см. его предисловие к сборнику юмористических повестей «Улыбка Мансары», Ташкент, 1967). Он считает, что очищение образа от подобных наслоений – долг каждого фольклориста.

В образе азербайджанского фольклорного юмористического героя Бахлуле (очень своеобразного, оригинального, единственного в своем роде) эта двойственность проявляется настолько ярко, что официально существуют два цикла анекдотов о нем – умных и глупых. В одном цикле Бахлул так и именуется «мудрецом», а во втором его зовут не иначе, как «Бахлул-глупец». Фактически – это два разных героя, связанные только общим именем, герои – тезки, не более того.

Бахлул еще интересен тем, что он весьма активен. Если Насреддин сам не идет навстречу борьбе, а лишь отвечает ударом на удар, то Бахлул в любом богаче, царедворце, духовном лице – если даже они к нему лично не имеют никакого отношения – видит своего врага и начинает действовать при первой же возможности. Бахлул значительно моложе Насреддина, злее, сатиричнее. Он никогда ничего не прощает, он – мстит. Его истории имеют традиционную завязку (когда Бахлул нужен кому-нибудь, то этот человек идет ночью за город и разжигает костер; увидя огонь, Бахлул приходит на помощь),

развернуты в фабульном плане гораздо шире, чем анекдоты о Насреддине. Они скорее похожи на короткие новеллы, которые так же тяготеют к стыковке, к объединению в еще более крупные юмористические и сатирические формации.

Двойственность Бахлула – доказательство того, что народ очень строг в отборе юмористического материала, все инородное он отсекает, более того – дабы гарантировать в дальнейшем чистоту образа героя, создал его антипода. Теперь никакой путаницы с Бахлулом не происходит: «дворцовые» и народные байки живут врозь, не путаясь меж собою, вся фольклорно-юмористическая кухня предельно обнажена.

Каракалпакский шутник Омирбек, несмотря на свою редкую цельность характера, тоже не избежал ударов своих классовых противников: и в циклах его анекдотов можно найти немало клеветнических шуток. Если будет выходить в свет академическое издание анекдотов Омирбека, то оно, разумеется, будет включать все, что связано с именем этого героя. Но в данный сборник, как в первую публикацию Омирбека на русском языке, «дворцовые» анекдоты – искажающие привычный для каракалпака образ Омирбека – не вошли.

* * *

Появление Омирбека в шеренге фольклорных юмористических героев, на мой взгляд, поможет ускорить решение ряда сложных и спорных вопросов теории народной сатиры и юмора (о некоторых из этих проблем мы уже говорили выше).

Конечно, данная книга – дебют героя, первый шаг на пути, если можно так выразиться, омирбековедения. В сборнике уместилась лишь малая толика анекдотического богатства Каракалпакии. Дело в том, что перед составителем стояла и без того сложная задача: не только познакомить русского читателя с Омирбеком, но и представить в «блоках» – крупных фрагментах, сохранивших элементы внутреннего сюжета, – дошедшие до нас осколки разрушившегося, распавшегося юмористического эпоса. Наиболее сохранились те части, которые рассказывают о биографии Омирбека, – они и стали стержнем книги.

Хочется надеяться, что в скором времени появятся не только новые сборники омирбековских шуток, но и серьезные исследования об Омирбеке. И кто знает: можно быть, именно каракалпакским ученым на материалах, связанных с Омирбеком, удастся сделать то, что еще

никому из фольклористов не удавалось – воссоздать, восстановить юмористический народный эпос.

БОРИС ПРИВАЛОВ